

Восьмая могила во тьме

ДАРИНДА ДЖОНС

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

На беременную Чарли Дэвидсон охотятся двенадцать адских псов, и ей приходится искать спасения в заброшенном монастыре. В заключении проходит месяц за месяцем, и Чарли готова лопнуть... во всех смыслах. Потому что в отражении видит себя размером с кита. К счастью, ее внимание привлекает новое дело об убийстве, произошедшем несколько десятков лет назад на той самой земле, где вся компания нашла убежище. Убита едва связавшая себя обетами монахиня, которую Чарли то и дело замечает в тенях. Всего этого могло бы хватить, чтобы поднять девушке на сносях настроение, но...Ей запрещено выходить за пределы священной земли. Псам не пробраться на территорию монастыря, но днем и ночью они сторожат границы. Вся команда готова к сражению. Особенно Рейес. Если бы Чарли его не знала, то могла бы поклясться, что он заболел. С каждой минутой он становится все горячее и горячее, и его жар обжигает, как самый настоящий огонь. Вот только Рейес, естественно, утверждает, что чувствует себя прекрасно. Пока все ищут способ одолеть Дюжину, Чарли жаждет ответов, которые не в силах получить. На помощь приходят друзья, убеждающие ее, что в последнее время людей к ней притягивает не случайно, а по велению огромного и пока непостижимого плана. Впрочем, хорошее настроение длится недолго, ведь очень скоро Чарли ждет сюрприз, который перевернет с ног на голову всю ее бешеную, запутанную, сверхъестественную жизнь...

Даринда Джонс — Восьмая могила во тьме

Перевод — Eurhony

Редактирование — RuSa

Худ. оформление — RuSa

На беременную Чарли Дэвидсон охотятся двенадцать адских псов, и ей приходится искать спасения в заброшенном монастыре. В заключении проходит месяц за месяцем, и Чарли готова лопнуть... во всех смыслах. Потому что в отражении видит себя размером с кита. К счастью, ее внимание привлекает новое дело об убийстве, произошедшем несколько десятков лет назад на той самой земле, где вся компания нашла убежище. Убита едва связавшая себя обетами монахиня, которую Чарли то и дело замечает в тенях. Всего этого могло бы хватить, чтобы поднять девушке на сносях настроение, но...

Ей запрещено выходить за пределы священной земли. Псам не пробраться на территорию монастыря, но днем и ночью они сторожат границы. Вся команда готова к сражению. Особенно Рейес. Если бы Чарли его не знала, то могла бы поклясться, что он заболел. С каждой минутой он становится все горячее и горячее, и его жар обжигает, как самый настоящий огонь. Вот только Рейес, естественно, утверждает, что чувствует себя прекрасно.

Пока все ищут способ одолеть Дюжину, Чарли жаждет ответов, которые не в силах получить. На помощь приходят друзья, убеждающие ее, что в последнее время людей к ней притягивает не случайно, а по велению огромного и пока непостижимого плана. Впрочем, хорошее настроение длится недолго, ведь очень скоро Чарли ждет сюрприз, который перевернет с ног на голову всю ее бешеную, запутанную, сверхъестественную жизнь...

Благодарности

С каждой книгой приходят новые препятствия и новые возможности, но писать — одно сплошное удовольствие. Тем не менее, мои книги никогда не стали бы такими, какими их знают, без помощи друзей и коллег. Ниже — список потрясающих личностей, которым я бесконечно благодарна.

Александре Макинист: за то, что терпишь меня!

Дженнифер Эндерлин: за то, что тоже меня терпишь! (Без шуток.)

Джози Фридман: за теплые слова и энтузиазм.

Элиани Торрес: за то, что до сих пор не заказала меня киллеру.

Всему «St. Martin's Press»: за то, что вы такие обалденные.

Всему «Macmillan Audio»: за то, что вы такие шикарные.

Лорелее Кинг: за то, что ты вдыхаешь жизнь в моих героев.

Дане Кроуфорд: за то, что я еще не совсем выжила из ума.

Лэйси Фэйр: за экономию драгоценного времени.

Джованне Кестнер: за смех и слезы.

Терезе Роджерс: за невероятное взаимопонимание.

Робин Питерман: за то, что ты есть! (И за моего нового бойфренда Курта.)

Диди: за историю с трусами:)

Эшли и Риа: за то, что разрешили мне покопаться в вашем детстве.

Гримлетам: за помощь сами знаете в чем. А особенно:

— Патрисии Дешант;

— Дженнифер Коффман Лав;

— Трейси Лэйн;

— Венди Маккол Бек;

— Лоре Харрисон-Берлезон.

Патрисии Уитни: за знак.

Народу из сети: за свет в моем сердце.

Могучим парням Джонсам: за то, что мне есть, ради чего жить.

Читателям: за то, что вы так же сильно любите читать, как и я.

ОГРОМНОЕ ВСЕМ ВАМ СПАСИБО!

Гримлетам

Для меня большая честь,
что вы находите время читать мои книги,
делиться фотографиями кофе и полуголых мужчин,
отвечать на мои вопросы
и постоянно интересоваться жизнью Чарли и всей ее компании.

Спасибо, спасибо, спасибо!

Иногда охота соленых огурцов.

А иногда — крови какого-нибудь врага.

Сама удивляюсь.

Чарли Дэвидсон

Уже несколько дней подряд у меня в шкафу сидела и бесконечно рыдала в мою же блузку мертвая адвокатесса по налогам. Одеваться по утрам стало, мягко говоря, неудобно. Я бы с радостью избегала наших столкновений, но шкаф у меня всего один. Причем микроскопический. В таких условиях трудно увильнуть от «случайных» встреч.

И все-таки мне нужно было подготовиться к свадьбе, а значит, попасть в шкаф любой ценой. Не могу же я, в самом деле, подвести свою лучшую подругу! Собственно, я и дядю подвести не могу. А именно его жизнь упомянутая подруга решила скрасить до конца совместных дней.

Короче говоря, сегодня был важный день. И принадлежал он только им. Этого дня они ждали с самой первой встречи. Пришлось, конечно, поизворачиваться, но в конце концов я заставила Куки и дядю Боба признаться друг другу в чувствах. И уж точно не позволю никакой адвокатессе свести на нет все мои старания.

Времени почти не оставалось, поэтому, собрав в кулак всю силу воли, я открыла дверь. Свернувшись в жалкий комок, женщина сидела в углу и рыдала, как будто наступил конец света. Впрочем, лично для нее так оно и было. На бейджике, который она носила, когда умерла, было написано «ШЕЙЛА», а ниже — «АДВОКАТ ПО ВОПРОСАМ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ». Наверное, в момент смерти она участвовала в какой-то конференции, однако сходу определить, почему она умерла, не получалось. Вид у Шейлы был потрепанный. Шоколадного цвета волосы спутаны, когда-то тугий пучок съехал набок. Но это могли быть последствия нападения. Если, конечно, на нее действительно кто-то напал, и дело не в парочке лишних мохито на вечеринке после официальной части.

В общем, узнать причину смерти я могла, только поговорив с адвокатессой. Бог свидетель, я пыталась. Несколько раз. Но она все редела и редела, не давая и слова вставить. А ведь я могла сказать Шейле, что вижу ее, потому что родилась ангелом смерти. Что могу помочь найти того, кто виноват в ее гибели. Что она может перейти через меня, когда будет готова, и встретиться с ушедшими из жизни родственниками.

Большинство людей сразу после смерти отправляются либо вверх, либо вниз, но некоторые остаются. Многих держат неоконченные дела, прямо как призраков и духов из народных сказок, но есть и такие, чья смерть была крайне болезненной. В подобных случаях энергия цепляется за земную реальность и не дает людям идти дальше, пока они не излечатся.

И тут на сцену выхожу я. Помогаю призракам всеми силами. Нахожу их убийц, исправляю ошибки, передаю послания любимым. Иными словами, делаю все, чтобы они могли исцелиться и перейти на ту сторону. Через меня. Точнее — через мой свет. Говорят, он настолько яркий, что мертвые видят его из любого уголка земли. Но Шейла пока ни разу не заговорила, а значит, в данный момент я ничем не могла ей помочь.

Как можно осторожнее я вытащила светло-коричневое платье подружки невесты прямо

сквозь трясущиеся плечи адвокатессы и погладила ее по темноволосой голове:

— Извини.

Шейла испустила еще один горестный вопль, и я поскорее закрыла дверь. Слава богу, дверь сделана на совесть.

— Чего смотришь? — Я повернулась к Артемиде — мертвой ротвейлерше, которую высшие силы назначили мне в хранители.

С тех пор как по мою душу отправили двенадцать злобных адских псов, Артемиду таскалась за мной повсюду. А теперь сидела рядом, наострив уши, и, с любопытством наклонив голову вбок, коснулась лапой дверцы шкафа.

— Я пыталась с ней поговорить. — Подойдя к зеркалу в полный рост, я приложила к себе платье. — Она только воет и воет.

Чтобы разгладить беспокойную складку между бровями, я потерла лоб. Платья для подружек невесты, как правило, глаз не радуют, но это было не самым худшим на свете. И выглядело бы намного лучше, не будь оно размером с Крайслер-билдинг. А все потому, что я готовилась произвести на свет девочку, которой, согласно пророчествам, предназначено спасти мир. Но этим утром волновало меня кое-что другое.

Быть подружкой невесты — большая честь. Кроме прочего, в мои обязанности входило убедиться, что невеста явится на свадьбу. А Куки еще не приехала. Наверное, всему виной третья «Маргарита», которую она опрокинула в себя вчера вечером. А может быть, и девятая. Да уж, эта барышня отжигала не по-детски. В ее защиту, пила Куки за двоих. Из-за беременчатльности мне пришлось пить газированный виноградный сок. Эффект, конечно, совсем не тот, но было весело наблюдать, как моя сестра и лучшая подруга орут песни из сериалов, прикидываясь Кристофером Уокеном.

Я уже набрала Куки, чтобы спросить, где ее носит, как вдруг со стороны двери в спальню услышала глубокий соблазнительный голос:

— Совсем не в твоём духе закрывать дверь перед носом у страдающей мертвой барышни.

Артемиде звонко гавкнула и прыгнула к двери, виляя купированным хвостом от неописуемого восторга.

Я развернулась и уставилась на мужа — невозможно прекрасное сверхъестественное создание, выкованное в пламени греха в самом сердце ада тем самым существом, от которого мы сейчас скрывались. Насколько нам было известно, Дюжину адских псов, самых злых и кровожадных тварей во вселенной, послал именно Люцифер, отец Рейеса. И послал не просто так, а чтобы нас уничтожить. Единственным нашим спасением была земля, по которой мы ходим. Освященная земля, куда путь адским псам заказан. Поэтому сейчас мы жили в монастыре. Его давным-давно забросили, но святая земля никуда не делась.

Стоит сказать, что торчали мы тут уже кучу месяцев, а все потому, что не горели желанием оказаться разорванными на куски зубами адских псов, которые днем и ночью патрулировали границы. Нашей работой было штудировать древние тексты и пророчества, чтобы найти хоть какую-то подсказку, как избавиться от злобных тварей. Однако под угрозой находились только мы с Рейесом. Похоже, именно нами песики хотели позавтракать в один прекрасный день. А все остальные преспокойненько приезжали и уезжали. Наверное, этим и объяснялось то, что невеста не торопилась готовиться к свадьбе. На все про все имелось еще несколько часов, но я почему-то думала, что Куки явится в монастырь, едва забрезжит рассвет, начнет меня будить и требовать сделать ей прическу. Кстати, одному

богу известно, что из этого может выйти.

Как бы то ни было, на нынешнюю компанию я бы не стала жаловаться ни за какие коврижки. В последнее время при одном лишь появлении слегка взъерошенного Рейеса в венах кипела кровь, и учащался пульс.

Он наклонился погладить Артемиду, почесал ее напоследок за ушами и, изогнув бровь, кивнул на шкаф из набора для Барби. Я посмотрела туда же. Шкаф был сделан для человека, у которого минимум мирских пожитков. То бишь для монахини. Пусть я теперь жила в монастыре, но монахиней меня нельзя назвать даже с натяжкой. И доказательством этому служил огромный живот.

До меня добрался фирменный, обжигающе горячий жар Рейеса — побочный эффект от того, что его создали в адском пламени, и я снова повернулась к нему. Густые непослушные волосы, по которым вечно плачут ножницы, вились над воротником и вокруг ушей. На Рейесе до сих пор была рубашка, которую он надел вчера вечером. Под расстегнутыми пуговицами проглядывала широкая грудь, на которой лежали скрещенные руки. Рукава были закатаны по локти, открывая глазам мощные жилистые предплечья. Дальше шел твердый, как камень пресс, а еще ниже — стройные бедра. Прислонившись плечом к косяку, Рейес дал мне возможность впитать его образ с ног до головы. Потому что прекрасно знал, что я, как всегда, приду в дикий восторг, плоды чего он пожнет чуть позже.

Я разглядывала его неторопливо, наслаждаясь каждой секундой, и только после того, как налюбовалась, посмотрела ему в глаза. Намек на улыбку смягчил жесткую линию губ. Глубокие омуты карих глаз сияли из-под темных спутавшихся ресниц, как будто Рейес только что проснулся. Как будто и не догадывался, как притягательно выглядит.

Я бы с радостью списала его вид на мальчишник, который они вчера устроили для дяди Боба, но такой вид у Рейеса был уже несколько недель. Уставший. Растрепанный. И до чертиков сексуальный. Ей-богу, мне нравилось, но я всерьез начинала волноваться. Обычно он становился горячее, когда исцелялся от ран. Но теперь его жар усиливался день ото дня, а ведь никаких травм Рейес не получал уже давно. Я и месяца не проходила беременной, как мы переехали в монастырь и с тех пор торчали на святой земле. Это произошло почти восемь месяцев назад, и за все время в нас ни разу не тыкали ножами, не стреляли, и никто не пытался раскатать нас по асфальту. Надо хорошенько за ним присматривать. То есть я и так присматриваю, но, видимо, придется стараться усерднее.

— Минуточку! — Я бросила в Рейеса платье цвета корицы. — Ты не должен меня видеть до свадьбы.

Он широко улыбнулся, показав поразительно белые зубы:

— Я всегда думал, что это относится исключительно к невесте.

— И то правда.

Рейес опять указал на шкаф вопросительным взглядом, и я решила тоже задать ему вопрос:

— Ты в курсе, сколько раз я пыталась с ней поговорить? А она только ревет и ревет. Даже передохнуть не останавливается, не говоря уже о том, чтобы ответить. И почему вообще мне достался этот шкаф?

Улыбка стала шире.

— Потому что в этой комнате другого нет.

Рейес прав. Ему пришлось занять шкаф в соседней комнате, но это ничего не меняет!

— Если хочешь, я с ней разберусь, — предложил Рейес.

— Нет, я не хочу, чтобы ты с ней разбирался. Минуточку... А ты можешь?

— Только попроси.

Как ни печально, я об этом задумалась. Рыдания Шейлы высасывали все соки, как налоги. Может быть, потому, что она была адвокатом по налогам. И все-таки слышала я ее только тогда, когда открывалась дверь.

— Только посмотри! — Я подошла к шкафу, открыла его, и по комнате разнесся громкий вопль. Стоило шкаф закрыть, как воцарилась тишина. Можно было услышать, как поют сверчки. Образно выражаясь. — Обалденная дверь!

Убедительности ради я несколько раз открыла и закрыла шкаф.

— Тебе надо чаще выходить из дома.

— Вот и я о том же. Убила бы за шанс повидать восхитительный интерьер «Мачо Тако».

Ни один мускул на лице Рейеса не дрогнул, но я почувствовала, как его захлестнуло сожалениями.

Оставив в покое дверцу шкафа, я расправила плечи и пошла к Рейесу:

— Даже не думай.

Он отлепился от косяка и стал ждать, когда я окажусь в его объятиях. Жар шепотом прошел по моей коже и искупал в родном тепле. Одна рука легла мне на спину, а вторая — на живот, ласково поглаживая Пип, которая росла во мне уже почти девять месяцев. По моему, ей давно было пора появиться на свет, но акушерка, которую нанял Рейес, говорила, что дочь родится, когда посчитает нужным. Судя по всему, мы с Пип жили в разных часовых поясах.

— Слышишь? Не смей об этом думать, — повторила я, изобразив строгое выражение лица. — Мы все сделали правильно. И теперь у нас есть почти вменяемый план, как выбраться из этой передраги, когда родится Пип. Если звезды сойдутся, то план вполне может сработать. К тому же у меня была уйма времени попрактиковаться в том, как быть ангелом смерти дефис сверхъестественным существом. А еще я многое узнала. Например, почему мне никогда в жизни не быть монахиней. Маленькие шкафы — однозначно не мое. Во всем этом нет твоей вины.

— Не твой же отец хочет нас убить, — начал Рейес и тут же замолчал, когда понял, что сказал. — Извини. И в мыслях не было...

— Не говори глупостей, — отмахнулась я. За несколько дней до того, как мы нашли приют в монастыре, мой папа погиб, и я до сих пор искала его убийцу. Точнее искал мой дядя, детектив полиции Альбукерке, а я помогала, как только подворачивался шанс. — Рейес, ты не виноват ни в том, что твой отец злобный гад, ни в том, что по эту сторону Марса его ненавидят больше всех на свете.

— Это не совсем правда. — Я молча смерила Рейеса вопросительным взглядом, и он объяснил: — Не все верят в дьявола.

— Тоже верно.

Спорить с Рейесом по поводу его же отца я не собиралась. Он и так чувствовал себя виноватым из-за того, что папаша готов на все, лишь бы нас убить. Вернее убить Пип. Согласно пророчествам, именно ей предначертано сокрушить Сатану. Снова и снова я старалась убедить Рейеса, что он ни в чем не виноват, но все без толку. Поэтому, как всегда, сменила тему:

— Не узнал, почему на лужайке столько призраков?

Уже с неделю покойники собирались там, где была бы лужайка, будь монастырь

обычным домом. На лице Рейеса так быстро мелькнуло беспокойство, что я чуть не пропустила. Но все-таки заметила.

— Нет.

В последнее время он постоянно беспокоился. Я понимала, что сложившаяся ситуация его доканывает, и не могла не думать о том, что он наверняка снова чувствует себя заключенным. Десять лет Рейес просидел в тюрьме за преступление, которого не совершал. И вот опять оказался заперт в четырех стенах. Точнее мы оба были заперты. Оба были узниками, застрявшими в монастыре. Само собой, я потихоньку сходила с ума, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как чувствовал себя Рейес. И все же, стоит только ступить за невидимую черту, отделяющую святую землю от остальной территории, и с половиной ноги можно сразу же попрощаться.

С Дюжиной нам уже приходилось бороться. Не сказала бы, что мы прямо-таки проиграли, но уж точно и не победили. Псы вернулись, и на этот раз стали еще злее, чем раньше. Доказательством было яростное рычание, которое я слышала всякий раз, когда подходила к границе. О да, им хотелось отщипнуть от меня кусочек, да побольше. Хотя... их можно понять. Задница у меня что надо. То есть была такой.

Я вернулась к зеркалу и снова приложила к себе платье, которое пришлось расшить, потому что мой зад рос пропорционально животу. Рейес был рядом. Теплая ладонь лежала у меня на спине, облегчая надоевшую боль. И вообще его жар был очень кстати, особенно сейчас, когда по ночам становилось все холоднее и холоднее.

— Они со мной не разговаривают, — сказала я, пытаюсь понять, всегда ли мне шел цвет корицы. Вдруг я этого просто-напросто не знала? Платье классно подходило к моим глазам цвета янтаря, в котором погиб смертью храбрых комар из «Парка Юрского периода», но все-таки из-за его оттенка я выглядела чуточку мертвее, чем хотелось бы. — Я о призраках на лужайке. Все время думаю, что им нужно помочь перейти, но они только и делают, что смотрят вперед с пустыми лицами. Может, они зомби? — Я покрутилась перед зеркалом. — Короче говоря, они меня беспокоят.

Рейес прижался ко мне сзади и стал растирать плечи. Ей-богу, я начинала верить, что у него волшебные руки. Зуб даю, он и есть тот волшебник, о котором пела группа «Heart». Вряд ли на свете есть что-то приятнее. В трудные дни, когда Пип буйствовала, эффект от рук Рейеса вполне мог составить конкуренцию оргазму. Хотя нет, это я загнула. С оргазмом ничто не сравнится. Но ощущения очень-очень близкие, честное слово.

Рейес наклонился, и теплое дыхание согрело мне щеку.

— Ты яркая.

— Я знаю, но...

— Серьезно, ты очень яркая.

Я рассмеялась и повернулась к нему:

— Я знаю, но...

— Да нет же. — В его глазах сияли веселые искорки. — Ты ярче, чем обычно. Твой свет сейчас настолько яркий, что проникает во все углы.

Ну конечно! Кому, как не Рейесу, об этом знать? Я-то свой свет не вижу. Хотя, наверное, так даже лучше. Иначе как бы я делала макияж, если бы видела только яркий свет? Минуточку! Не только Рейес видел эту яркость. Были и другие. Призраки, например. И Оп — наш, так сказать, сосед. Он же даэва, демон-раб, который сотни лет назад сбежал из ада. Видел свет и Квентин — глухой паренек, которого мы приняли в свою компашку, и который

кучу времени проводит с Эмбер, дочерью Куки. А еще Пари — одна из моих лучших подруг. И Ангел — мой мертвый тринадцатилетний напарник и лучший в мире детектив.

Поняв, скольких людей достает моя превышающая все нормы яркость, я поморгала:

— Ну почему никто мне об этом не говорил?!

Рейес пожал плечами:

— По-моему, тут вряд ли можно чем-то помочь.

— Верно.

— Тогда зачем поднимать эту тему?

— Затем, что это важно. Может быть, для такой яркости есть причина. Вдруг я болею?! — Я потрогала лоб, щеки, грудь. Потом положила себе на грудь ладонь Рейеса и с самым невинным на свете видом спросила: — Как по-твоему, у меня температура нормальная?

Его лицо тут же потемнело. Взгляд опустился на Угрозу и Уилл Робинсон, то бишь на моих девочек. С Рейесом это частенько бывает. Видимо, взгляд в таких ситуациях он контролировать не умеет. Впрочем, Угрозе и Уилл его внимание нравится.

— Не надо меня провоцировать, — сказал он севшим голосом.

Вспыхнула искра желания, и внизу живота разлилось тепло.

— Вообще-то, учитывая, что мы женаты, только тебя мне и надо провоцировать.

Теплые пальцы осторожно сжали мне горло, и Рейес мягко подтолкнул меня к зеркалу. Сердце пустилось вскачь, но не из-за того, что он делал, а из-за похоти, которая разгорелась в нем бушующим пожаром. Из-за тьмы, разлившейся в глазах. Из-за того, как сурово сдвинулись брови и как чувственно приоткрылись губы. Внутри все сжалось, когда теплая ладонь скользнула под футболку. Пальцы сдавили затвердевший сосок, и меня ослепило вспышкой неопишуемого удовольствия.

— Я приехала! — раздался внизу голос Куки, которая уже поднималась по лестнице и явно нуждалась в передышке.

От того, что нас прервали, я чуть не разревелась. Пальцы на шее сжались крепче и приподняли мою голову выше.

— Позже продолжим, — шепнул Рейес.

— Обещаешь? — все еще разыгрывая невинность, спросила я.

Его губы накрыли мои, а мгновение спустя горячий язык оказался у меня во рту. Колени превратились в желе, и я напрочь разучилась дышать. За долю секунды до того, как появилась Куки, Рейес оторвался от меня, подмигнул и отошел к окну. Все еще переживая последствия поцелуя, я чуть не грохнулась.

В спальню вихрем ворвалась Куки Ковальски — моя помощница и подруга в одном лице:

— Я уже тут!

Только через пару секунд мне наконец удалось оторвать взгляд от мужа. Короткие черные волосы Куки были выпрямлены с одной стороны, из-за чего вся она казалась какой-то перекошенной. Одежда диких, как всегда, цветов сидела как попало. С одного плеча свисал фиолетовый шарф и норовил вот-вот упасть на пол. По бытующим в обществе стандартам, Куки считалась крупной женщиной, но такие габариты были ей к лицу. Она обладала красотой и уверенностью в себе, которые подошли бы самой настоящей графине. Разве что слегка эксцентричной и готовой бросить вызов моде. Правда, сегодня Кук больше смахивала на измотанную посудомойку.

подавив улыбку, я с укором постучала себя пальцем по голому запястью:

— Давно пора, дорогуша.

Громко ахнув, Куки глянула на часы и от облегчения опустила плечи.

— Чарли, черт тебя дери! До свадьбы еще куча времени.

— Я в курсе. — Я подошла ближе, глядя, как она складывает сумки на скамейку в изножье кровати. — Но мне нравится держать тебя в тонусе.

— Есть такое дело, но не переживай. Рядом с тобой я как заряженное ружье.

— Вот и славненько. — Я заглянула в одну из сумок. — Кстати, хотела еще раз поблагодарить тебя за то, что согласилась устроить свадьбу здесь.

— Шутишь, что ли? — отмахнулась Куки. — Это идеальное место! У кого будет свадьба в историческом монастыре, который стоит посреди дремучего леса, раскрашенного осенними красками? У меня, вот у кого! — Она быстренько стиснула мое плечо. — Я в восторге, солнце, честное слово.

— Я рада.

— К тому же, — продолжала подруга, вытаскивая из сумки что-то розовое и пушистое, — так ни тебя, ни Рейеса во время церемонии не разорвут в клочья адские псы. А мне бы очень хотелось пережить сегодняшний день без пятен крови на свадебном платье.

— Ну конечно, все всегда вертится вокруг тебя! — наигранно воскликнула я, и Куки рассмеялась.

Значит, с одним заданием я справилась.

Вытащив какую-то ленту, она наконец заметила взъерошенного Рейеса.

— Я же вам не помешала?

Он повернулся, но совсем капельку, чтобы не демонстрировать ей очевидное свидетельство того, чему именно она помешала.

— Вовсе нет, — сказал он и кивнул на окно. — Мы говорили о призраках, которые...

— Которые давным-давно перешли на ту сторону, — влезла я, чтобы он не совершил огромную ошибку, и фыркнула: — Ты не поверишь! Их уйма! Миллионы, если не миллиарды.

Прекратив копаться в очередной сумке, Куки медленно, выверяя каждое движение, повернулась ко мне:

— Там... — Голос оборвался, она откашлялась и начала заново: — Там, на улице, в смысле на лужайке, стоят покойники, да?

— Чего? — отмахнулась я. Ну да, это же всегда срабатывает. — Пф-ф! Нет там никаких покойников! С чего им... В смысле что им делать на луж...

— Чарли, — укоризненно перебила Куки. Из-за похмелья ее голос звучал низко и подозрительно сексуально.

Я прикусила язык, мысленно ругая себя на чем стоит. Ну почему, почему я не умею выпутываться из таких ситуаций? Сегодня у Куки свадьба, а значит, у нее и так нервы на пределе. И без новостей о том, что в список приглашенных минуту назад внесли толпу призраков.

— Да там всего-то парочка! — сказала я и с самым беспечным на свете видом подошла к Рейесу, чтобы выглянуть в здоровенное окно.

Да уж, я та еще лгуныя. Перед монастырем стояла как минимум сотня покойников. Никто из них не говорил ни слова, не шевелился и даже не моргал. Свадьба, надо признать, будет самая жуткая на свете. Слава богу, внутрь призраки не заходили, но церемония

пройдет на небольшой полянке сразу за монастырем, а там я их тоже ни разу не видела. Ну, почти ни разу.

Рейес наклонился и прошептал мне на ухо:

— Ты стоишь слишком близко. От этого все только хуже.

Я глянула вниз и, заметив очевидную выпуклость в области ширинки, покраснела. Но Рейес прав. Сейчас не самое подходящее время.

— Извини, — шепнула я в ответ и снова повернулась к Куки. — Что у тебя в руках?

Кук стояла у второго окна, и я молча порадовалась, что она не видит призраков.

— Привезли занавески для детской, — рассеянно ответила она.

— Ух ты! — Я подскочила ближе, отобрала у нее пакет и вытряхнула огромный клубок розовой тафты. А потом попробовала сменить тему: — Очень надеюсь, что будет все-таки девочка.

— Само собой, будет девочка, — весело заметила Куки, оглядывая окрестности. — Все пророчества об этом говорят. Где они?

— Пророчества?

— Покойники.

— А-а, ты об этом... — Я посмотрела на увядающую землю. За месяц трава совсем пожелтела, а деревья переоделись в ярко-оранжевые, золотые и красные осенние наряды. — Сейчас их нет, — опять соврала я и добавила очередной грех к списку тех, что совершала в доме Господнем. — Нравится им играть в прятки. Seriously, они как будто помешаны на этих играх.

Я украдкой покосилась на Куки, переживая, что она мне не поверит, но ее взгляд уже был прикован к кое-чему другому. Точнее к отражению Рейеса в окне. Рубашка все еще была расстегнута. Белая ткань резко контрастировала со смуглой кожей. На широкой груди бугрились мышцы, и даже в отражении виднелись тени между обалденными кубиками пресса.

— Боже правый! — бархатным голосом выдохнула Куки.

— Поддерживаю, — согласилась я.

Не меньше минуты мы обе таращились на Рейеса, пока до него не дошло, чем именно мы занимаемся. Так и не сумев скрыть широкую улыбку, он опустил голову, откашлялся и заявил, что в душ пойдет первым.

— Понятия не имею, как ты справляешься, солнце, — пробормотала Кук, когда он ушел.

Общий душ находился дальше по коридору и представлял собой примитивную версию душа у меня дома. От одной только мысли о том, как по плечам Рейеса бьют струи воды и стекают по спине, меня слегка затрясло.

— Справляюсь с чем? Не лапаю его при каждом удобном случае?

— Нет. То есть да, но я о том, как ты умудряешься в его присутствии сохранять абсолютное спокойствие. — Куки присела на подоконник. — Я вот и близко не сверхъестественное существо, но даже я ощущаю его силу... и невероятное притяжение. Бред несусь, да?

— Ничего подобного. Ты чертовски верно все описала.

— В нем есть что-то первобытное, но в то же время неземное.

— И? — рискнула уточнить я, потому что Куки редко говорила подобные вещи просто так.

— Я за него переживаю. То есть меня тревожит, каким он станет отцом.

От удивления я застыла и расправила плечи:

— В каком смысле? — Но возможный ответ уже нарисовался в мыслях, и я почувствовала, как у меня округляются глаза. — По-твоему, он будет плохим отцом?

Я развернулась к двери, чтобы удостовериться, что Рейес действительно вышел из комнаты.

— Нет, — усмехнулась Куки. — Я боюсь, что он будет рубить позвоночники направо и налево каждому, кто разобьет сердце нашей девочке.

— Вот оно что! — Я облегченно выдохнула, но тут же подумала, что подруга озвучила очень логичную мысль. — Блин, а ведь ты права! Я об этом даже не задумывалась...

— Наверное, вам стоит заранее обсудить линию поведения по поводу ее свиданий. И поскорее. Надо успеть до того, как ей исполнится пять лет.

— Пять?! — взвизгнула я. — Почему именно пять?

Куки терпеливо улыбнулась, как будто разговаривала с умалишенной:

— А ты когда начала интересоваться мальчиками?

— Вот гадство!

— О том и речь.

Ирония в том, чтобы выглядеть с иголочки.

Надпись на футболке

Два часа спустя чудесная женщина по имени Хилди занималась прической Куки. И слава богу, потому что я понятия не имела, что можно сделать с этой копной. Эмбер читала детские стишки Пип, а я ела клубнику, сидя на вершине мира. То бишь на роскошнейшем диване по имени Дэвид Бекхэм. Зная, как я люблю осень, Дэвид предусмотрительно стоял у самого окна, чтобы я могла любоваться разноцветьем красок. Осень в Хемесских горах — захватывающее зрелище!

— Шалтай-Болтай сидел на стене, — читала Эмбер из книги с картинками, которую купила специально для Пип, и то и дело поглядывала на мой живот, словно проверяя, внимательно ли та слушает.

— Скуchnоватая была у Шалтая жизнь, правда? — не удержалась я.

— Шалтай-Болтай свалился во сне, — продолжала Эмбер, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Непривычненько.

— Недостаток физических упражнений, зрительно-моторная координация ни к черту...

— Вся королевская конница, вся королевская рать, не может Шалтая, не может Болтая, Шалтая-Болтая собрать.

— Ну все, хорош, — сказала я, не донеся до рта клубнику. — Как вообще конница может собрать яйцо? Она же наполовину из лошадей! Ну серьезно, чем тут кони-то помогут?

Эмбер — тринадцатилетняя дочь Куки, хотя ей легко можно дать и тридцать. Я начинала подозревать, что она слегка ясновидящая. Несколько раз меня до глубины души поражали ее знания и взгляды на некоторые вещи. К тому же у Эмбер, похоже, была какая-то особенная связь с Пип. Ей-богу, порой казалось, что рядом с ней булочка ведет себя гораздо спокойнее. Да уж, чуднее некуда.

Эмбер сидела на стуле рядом со мной. Длинные темные локоны спускались по спине. Огромные голубые глаза внимательно вглядывались в страницы. Все мы были в пижамах и халатах, кроме Куки, которая сидела в одной пижаме под парикмахерской накидкой. До свадьбы оставалось еще несколько часов, но нам с Эмбер уже сделали прически, великолепный маникюр и мягкий сияющий макияж с капелькой блесков. Я пыталась убедить Куки, что лицо у меня светится и без всяких блесков, но она настояла на своем. Ей хотелось, чтобы на свадьбе ее окружали принцессы, а значит, мы должны были превратиться в принцесс во что бы то ни стало. Я побоялась напомнить подруге, что принцессы блесков не носят. Это скорее в духе стриптизерш.

— Ну это же сказка! — хихикнула Эмбер и в сотый раз глянула на дверь.

Дядя Боб обещал привезти на свадьбу Квентина, который был ее лучшим другом и в данный момент любовью всей жизни. Надо признать, я сама влюбилась в этого парнишку с первой же встречи, что уж говорить о впечатлительной девочке? Хорошо еще, что Куки оказалась для него слишком старой.

— Как думаешь, кто-нибудь приедет? — спросила Куки. Опять.

Пока Эмбер неустанно следила за дверью, Куки снова и снова смотрела на подъездную

дорожку к монастырю.

— Да, — ответила я, изо всех сил стараясь не смеяться над нетерпеливостью подруги. — И прекрати уже волноваться. — Бедная Хилди! — Чего-нибудь хотите? — Засунув в рот последнюю клубничку, я взяла телефон.

— Опять? — ужаснулась Куки. — Мне его уже жалко.

— Шутишь, что ли? Ты мою задницу видела? А все из-за него!

— Ну ладно. Тогда мне стакан воды.

— А мне апельсиновую минералку, — добавила Эмбер.

— Будет сделано. А вам, Хилди?

— Спасибо, ничего не нужно, — отозвалась бедняжка, сосредоточенно хмурясь.

Я написала Рейесу сообщение. В последнее время я частенько написывала эсэмэски с приказами своим приспешникам. Что тут скажешь? У беременности свои плюсы. Через две минуты Рейес в футболке и джинсах принес наши заказы. Ему пришлось спуститься в кухню, то есть пройти по лестнице, потом через фойе и главный зал. Короче говоря, для меня в нынешнем состоянии кухня находилась практически в недосягаемости.

Подмигнув, Рейес вручил мне стакан воды. Он принял душ, но не побрился. И не расчесался. В общем, никак не привел себя в порядок. Господи, как можно быть таким сексапильным?

— В этом на свадьбу и пойдешь? — поддразнила я.

Дядя Боб сразил меня наповал, когда попросил Рейеса быть шафером. За последние несколько месяцев эти двое капитально спелись. Что, по-моему, замечательно, поскольку именно дядя Боб в свое время упек Рейеса за решетку. Но даже Рейес признавал, что улики против него были железобетонными. Эрл Уокер, чудовище, которое его вырастило, хорошенько попотел, чтобы повесить свое убийство на Рейеса. Так и случилось. А потом копы нашли Уокера, который не только не умер, но и жил припеваючи.

— Думаешь, не прокатит? — спросил Рейес.

— Я-то не против, но...

— И я, — тут же вставила Эмбер.

При мысли о том, как она восхищается Рейесом, мое сердце таяло. Он широко улыбнулся. А это ужасно нечестно с его стороны.

— И я того же мнения, — добавила Куки.

Рейес подошел к ней, в то время как Хилди начесывала ей волосы. Точнее пыталась начесать. С появлением сына того, кого когда-то считали самым прекрасным ангелом на небесах, бедняжка несколько раз умудрилась поскользнуться и чуть не сняла с Куки скальп.

— Обещаю, когда придет время, вид у меня будет презентабельнее. А пока тебя не умыкнула куча народа, — он вытащил маленькую коробочку и вручил ее Кук, — я хочу кое-что тебе отдать.

— Рейес... — начала та, широко распахнув глаза, открыла коробочку, несколько секунд молча смотрела на содержимое, пытаясь осознать весь смысл подарка, а потом повисла у Рейеса на шее.

В ее пальцах висела золотая цепочка с кулоном в виде инкрустированного бриллиантами символа бесконечности.

— Неописуемо красиво! — сдавленно воскликнула Куки, готовая вот-вот разрыдаться от нахлынувших чувств, и чмокнула Рейеса в щеку.

Смущенно улыбнувшись, он опустил голову и повернулся ко мне. А я, блин, не успела

взять себя в руки и стереть с лица выражение всепоглощающей любви и предельной признательности. Потому что Рейес удивительный. Просто волшебный, и все тут.

Заметив выражение моего лица, он застыл. Несколько секунд вглядывался мне в глаза, а потом подошел и поцеловал в щеку, чтобы шепнуть на ухо:

— Если хочешь, чтобы мы прожили сегодняшний день, не растеряв одежду, прекрати так на меня смотреть.

Я поцеловала его в ответ.

— А я не планирую за весь день ни разу не увидеть тебя голым.

Снова блеснули белоснежные зубы.

— Тебе еще что-нибудь нужно?

— От питоцина бы не отказалась.

Один уголок рта приподнялся.

— Это еще что такое?

— Средство для стимуляции родов. Пип давно пора появиться на свет. Обстричь волосы. Найти работу. А мне позарез нужен плоский живот.

— Покачать пресс не пробовала?

— Просто я никак не могу понять. Я же сверхъестественное существо. И ты тоже. Почему у нас не может быть быстрой беременности, как у Беллы и Эдварда? Или как у Гвен из «Торчвуда»? У Скалли, у Дианы Трой? На худой конец, как у Корделии, когда она залетела от демона. Двадцать четыре часа, и ба-бах — демонский детеныш!

— Залеты повсюду, — мрачно выдала Куки, многозначительно глядя на Эмбер.

Надо же! Все-таки вспомнила, что дочке всего тринадцать.

— Ну серьезно! Что за фигня? Девять месяцев — это натуральная пытка. — Я обхватила живот и красноречиво поморщилась. — Мучения. Хуже цинги. — Понятия не имею, что такое цинга, но звучит устрашающе.

Тихо рассмеявшись, Рейес поцеловал меня в макушку и ушел. Ушел!

— Я не шучу! — крикнула я ему вслед. — Еще чуть-чуть, и у меня лопнет терпение!

— Его уже нет, — сказала Куки.

— А-а, ну ладно. — Я решила прекратить спектакль. — Честно говоря, чувствую я себя замечательно. И ведь никто не говорил, что все будет именно так. Во мне полно сил и энергии. Я будто мчусь вперед на всех парусах. Постоянно.

— У тебя синдром гнездования.

Я недоуменно свела брови.

— Ты готовишься к появлению ребенка, — уточнила Кук.

— То есть настоящих гнезд не будет?

— Не будет, — ответила подруга под смех Хилди.

— А у тебя так же было?

— Ну, в некотором смысле мне нравилось быть беременной.

— Правда? — гордо улыбнулась Эмбер, как будто Куки кайфовала от беременности благодаря ей, а не вопреки.

— Приятно слышать, — сказала я. — Ну а роды как прошли?

— Тоже весело, — мигом отозвалась Куки, а вот ее улыбка стала такой же фальшивой, как и ресницы, которые ей наклеила Хилди.

— Куки, я, вообще-то, знаю, когда мне кто-то врет.

— Ладно-ладно! С весельем я, наверное, переборщила, но все прошло... интересно,

скажем так. В процессе многому учишься. Ты только помни, что вечно это не продлится. А самый классный момент — это когда тебе разрешают тужиться. Сразу становится легче. Но раньше времени тужиться нельзя.

Я осмотрелась по сторонам в поисках ручки и бумаги.

— Может, мне по пунктам записать? Минуточку! А что произойдет, если я начну тужиться раньше времени? Повитуха-Кэтрин ничего об этом не говорила.

Кэтрин — акушерка, которую нанял Рейес. Странно, что она до сих пор не появилась. Срок беременности истекал, поэтому она приезжала каждый день. Оказалось, эта женщина любительница давить и мять. Ей-богу, мне нравится, когда меня давят и мнут, но это относится только к одному человеку. И зовут его не Кэтрин.

— Что произойдет? — ошарашенно переспросила Куки. — Ты рехнулась? Если начнешь рано тужиться, то... то... — Она вдруг замолчала и уставилась прямо перед собой.

— У тебя инсульт, что ли?

Куки поморгала и посмотрела на меня:

— Нет. Я понятия не имею, что произойдет, если тужиться раньше времени.

Она глянула на Хилди, но та лишь молча пожала плечами, продолжая издеваться над ее волосами. Я покосилась на Эмбер, но и она только пожала плечами.

- А знаете, ребята, толку от вас негусто. Теперь мне будет до смерти страшно тужиться.

— Поверь мне, тужиться ты будешь, да еще как!

Фыркнув, Хилди кивнула в знак согласия. Эмбер тоже, как будто прекрасно знала, что происходит в процессе деторождения.

— Кто-то приехал, — сказала она и побежала к окну.

Артемиды, которая все это время храпела в подушку у меня на кровати, бросилась за Эмбер и принялась заливисто лаять на подъезжающую к монастырю машину.

— Уже гости съезжаются? — запаниковала Куки. — Еду же не привезли. Декораторы еще работают. И цветы до сих пор в подвале!

Я подумывала встать и посмотреть, но дальше мыслей дело не зашло.

— Это твоя мачеха, — сообщила Эмбер.

А ведь день так хорошо начинался! Слава богу, с ней будет и Джемма — проблеск надежды в пучине мрака. Мачеха тоже навещала меня каждый день. Женщина, которая за всю жизнь пальцем не пошевелила, чтобы мне помочь, и ни разу на меня не взглянула, если только я не истекала кровью, внезапно решила побороться за звание матери года. Джемма умоляла меня быть терпеливой. Говорила, что после смерти папы Дениз очень одиноко и теперь она жаждет помириться и наверстать упущенное.

Может, так оно и было, однако презрение длиною в жизнь кого хочешь отпугнет. Мне было наплевать на все, чего хочет мачеха, в том числе и на ее желание извиниться за свое поведение. Она не оставляла попыток подстеречь меня и поговорить с глазу на глаз, но от этой пули мне до сих пор как-то удавалось уворачиваться. Потому что не было ни малейшего желания ее выслушивать.

— Приехал кто-то еще. Там черный джип стоит.

Я все-таки скатилась с Дэвида Бекхэма, выглянула в окно и удивленно проговорила:

— Это спецгент Карсон.

Мы с ней месяцами не виделись. Пару раз болтали по телефону да обменивались письмами по электронке, но больше ничего.

— А! Это та женщина из ФБР! Она классная, — жалобно проямлила Эмбер. — Я тоже

хочу работать в ФБР.

— Ты же собиралась стать парикмахером, — заметила Куки, — или нейрохирургом.

— Передумала. Хочу работу, где можно носить пистолет.

— Зачем? — ужаснулась я.

— Парни тащатся от телочек с пушками.

— Причина что надо, — одобрила я и хлопнула Эмбер по ладони.

Куки только молча покачала головой.

— Пойду, узнаю, что к чему. Скоро вернусь.

— Подожди! — успела рявкнуть Куки, вылезая из-под рук Хилди и отдавая ей только что снятую накидку. — Я с тобой.

— Бога ради, Кук! Сегодня же твоя свадьба, да и Хилди еще не закончила.

— А вдруг у Кит для нас дело? Я должна спуститься и узнать все из первых рук. Хилди пока может заняться Эмбер, — предложила подруга и вопросительно уставилась на Хилди.

Эмбер, видите ли, решила, что хочет другую прическу. Куки согласилась с условием, что на это хватит времени. Видимо, времени внезапно стало полным-полно.

— Ну ладно. Только имей в виду, мне, конечно, нравится твое исподнее, но лучше все-таки прикрыться.

Оставив Эмбер заботам Хилди, мы с Куки спустились вниз в пижамах и халатах и прошли по деревянному полу до двери. Артемида ни на шаг не отставала.

Я открыла дверь и встретила Кит с распростертыми объятиями. Буквально. Несколько долгих секунд она глазела на меня, а потом быстренько обняла и похлопала по спине, будто не знала, куда пристроить руки.

— Вы очень... блестящая, — сказала Кит таким голосом, словно надышалась гелием.

Наверное, потому, что я сдавила ей трахею. Обниматься вполсилы — это не про меня. Если трахея у человека после моих объятий цела и невредима, значит, я что-то делаю не так.

— Я не вовремя?

Взяв Кит за плечи, я хорошенько присмотрелась, от чего ей стало еще больше не по себе. Класс!

Но, по правде говоря, выглядела она замечательно. Завила волосы, надела костюмчик поуже и даже накрасилась. В мире, конечно, случаются вещи и почуднее, но таких совсем не много.

— Пока нет. У нас тут свадьба намечается, но до нее еще несколько часов.

— Простите, — ахнула Кит. — Надо было сначала позвонить.

— Не смешите мои тапочки! — сказала я и повела в фойе ее и еще одного агента, которого никогда раньше не видела.

Каждый жест, каждое движение приходилось выверять с предельной точностью. А все потому, что мне нельзя было смотреть на Куки. До конца начесать ей волосы не успели, и теперь прямо на макушке сидел комок шерсти со шпильками. В старших классах я видела такое на одном из уроков по биологии. Узнав, что в мире существует вирус, который выглядит точно так же, я жутко перепугалась и на всю жизнь заработала себе кошмары.

Точнее заработала бы, будь мне не наплевать. В конце концов, я училась в старших классах. В то время не наплевать мне было только мальчикам.

И все-таки увидеть вирус, так сказать, в лицо было страшновато, и при каждом взгляде на него от страха по спине ползли мурашки. А от такого страха я, как правило, избавляюсь безудержным хохотом. Если рассмеюсь и на этот раз, Куки смутится. Так что, глядя в ее сторону, я изо всех сил держала себя в руках. Мне нужно было сосредоточиться. Сконцентрироваться. Объединиться со своим внутренним ниндзя. По части концентрации ниндзя настоящие профи.

— Что-нибудь случилось? — спросила я у Кит, провожая гостей в нашу импровизированную гостиную.

Имелось у меня подозрение, что раньше в этой комнате монахини молча обдумывали высокие материи. Оставалось лишь надеяться, что Бог не станет возражать против нашей идеи превратить это место в гостиную, где мы развлекали гостей. К тому же веселились мы здесь всего один раз. Вчера. Правда, я не пила, а значит, была застрахована от всех последствий, которых можно ожидать после попойки в доме Господнем. Зато Куки нагрешила на шесть воскресений вперед. Бедняжка.

— Я хочу кое-что вам показать, — отозвалась Кит. — Но сразу скажу, что специальный агент Уотерс был категорически против нашей поездки сюда.

Я оглянулась на идущего за спиной мужчину:

— Видимо, вы и есть специальный агент Уотерс.

— Я и есть, — хамовато ответил тот.

Энергия, которую он излучал, ощутимо вибрировала. Под этим своим накрахмаленным воротничком Уотерс кипел от злости. А значит, будет весело.

Впрочем, внешне он был очень даже ничего. Среднего роста, стройный и подтянутый, с кожей экзотического оттенка. В его речи присутствовал акцент, намекавший на местное происхождение. В голову закрались подозрения, что в свободное время он наряжается в боа из перьев и поет караоке. Хотя, может быть, я всего лишь вредничаю.

— Жаль слышать, что идея обратиться ко мне не пришлась вам по вкусу.

— По-моему, здесь вы ничем помочь не сможете. Не понимаю, зачем мы вообще приехали. — Уотрес впился в Кит тяжелым взглядом.

Во мне тут же вспыхнули все защитные рефлексy, но я заставила себя выдавить самую любезную на свете улыбку:

— Что ж, надеюсь, я сумею вас разочаровать.

Ну надо же! Я его удивила! Пару секунд он молчал, а потом заговорил:

— Если вы на самом деле умеете то, о чем рассказывает агент Карсон, то разочаровываться я точно не стану.

— Вот и славненько. — Я жестом предложила им присесть, имея в виду наш ограниченный набор посадочных мест из дивана, стула и деревянной скамьи под огромным окном. — Будем считать, что мы договорились.

Переступив порог гостиной, я застыла, едва не свалив шеренгу из трех человек, следовавших за мной. Кажется, я что-то заметила краем глаза. Пришлось повернуться, чтобы узнать, не обманывает ли меня зрение.

Нет. Оно меня не обманывало.

Он был здесь.

В углу моей новой гостиной, как и когда-то в квартире в Альбукерке, висел мистер

Вонг. За три года, что я прожила в своей коробочке, они ни на шаг не сдвинулись из угла. Ни разу. Когда я въехала в квартиру, он уже там был. Я считала его приятным бонусом вместе с гранитными столешницами и полами с подогревом. Но сейчас он был здесь. Висел, как всегда, в нескольких сантиметрах от пола, уткнувшись носом в угол. Ничего не изменилось, кроме самого места.

Артемиде тоже его заметила и так быстро завиляла коротким хвостом, что он превратился в размытое пятно, как крылышки шмеля. Она потянула мистера Вонга за штанину. Попыталась подлезть ему под ноги. Залаяла. Заскулила и перевернулась на спину. А я стояла и ошеломленно пялилась на своего бывшего соседа. Куки меня прикрыла и сама повела гостей дальше по гостиной. Мне же хотелось заорать имя мистера Вонга, подбежать к нему и крепко-крепко обнять. Мне его так не хватало! Одна беда: этим я наверняка до смерти перепугала бы наших неожиданных гостей.

Агент Уотерс занял стул, оставив нам, женщинам, диван. Бросив попытки привлечь внимание мистера Вонга, Артемиде метнулась к скамье и растянулась на солнышке в полный рост. А мне наконец-то удалось заставить ноги передвигаться и присоединиться к собравшейся компашке. Когда все расселись, я изо всех старалась не смотреть на Куки. Впрочем, это все равно что стараться не смотреть на парящего в комнате призрака. По крайней мере лично для меня уж точно одно и то же.

— Итак, что стряслось? — взяв себя в руки, спросила я у Кит.

В мозгу толпились тысячи причин, по которым мистер Вонг мог оказаться здесь. Призраки прибывали толпами, как дальние родственники на праздники. А теперь и мистер Вонг. Почему? Как он сюда добрался? Как вообще меня нашел? Жизненно важные вопросы сыпались и сыпались, как песок в песочных часах. Ну, то есть некоторые из них. Вообще-то, у меня их намного больше.

Кит протянула мне папку. Стряхнув с себя ступор, я открыла документ и сразу увидела фотографию красивой девочки с огромными выразительными глазами и теплой улыбкой.

— Пропала без вести, — начала Кит. — Четырнадцать лет. В последний раз ее видели с друзьями в парке в Берналильо. Родители поняли, что она исчезла, когда она не вернулась...

— Домой из школы, — закончила я, просматривая бумаги. — Видела в новостях. Фэрис Уотерс.

Я подняла голову и, взглянув на агента Уотерса, сразу заметила сходство.

— Прошло уже две недели, — сказал он.

— Она ваша дочь?

От него исходили такие мощные гнев и беспомощность, что предположение было вполне обоснованное.

— Племянница.

Я опустила голову.

— Мне очень жаль.

— А мне жаль, что мы попусту тратим ваше время, когда вам и без нас есть чем заняться.

— Вовсе нет.

Я сделала вид, что не поняла, о чем говорит Уотерс (а он имел в виду, что это я попусту трачу их время), и продолжила листать страницу за страницей, пытаясь отыскать важные зацепки. За несколько дней до похищения Фэрис в районе парка видели темно-зеленый пикап, который часами колесил по округе. А после исчезновения девочки машину как

ветром сдуло.

— Здесь написано, что после школы она должна была встретиться с друзьями, чтобы пойти на какую-то вечеринку, но на встречу не пришла.

— Родители ничего о вечеринке не знали, но, судя по сообщениям с сотового, Фэрис намеренно ничего им не рассказала. Вечером в ту же пятницу ее одноклассница отмечала день рождения.

— Мне нужны эти сообщения и электронные письма, — сказала я, продолжая просматривать документы. — И список ее друзей со всей контактной информацией.

Кит достала блокнот и начала делать пометки.

— Хорошо. До конца дня у вас будет все, что у нас есть.

Агент Уотерс встал и подошел к окну. Он злился, и это было видно даже по тому, как напряжены его плечи.

— Агент Уотерс, — резким тоном проговорила Кит.

Он повернулся к нам:

— Зачем мы сюда приехали? Только время теряем. Что она может сделать такого, чего уже не сделали мы?

Кит поднялась на ноги.

— Джонни, я же тебе говорила. Она щелкает загадки, как орехи. Это ее работа. И в своем деле она просто молодчина. Эти две дамы, — Карсон кивнула на нас с Куки, — раскрывали дела, которые все считали висяками. В прошлом году они закрыли по моей просьбе три старых дела. Нашли улики там, где никто и не додумался искать. Помнишь того козла с Аляски? Его вычислили именно они.

У меня душа пела от того, что Кит упомянула Куки. Без своей подельницы я гроша ломаного не стою.

Агент Уотерс, он же Джонни, запустил в волосы пятерню. Удивительно, что, когда он закончил, на голове хоть что-то осталось.

— А теперь сядь и внимательно слушай, — добавила Кит таким тоном, что у меня разыгралось любопытство.

В прошлом между этими двумя явно что-то было, особенно если учесть, каким сердитым взглядом наградил напарницу Уотерс. Обойдя стул, он снова сел.

— Друзей Фэрис допрашивали?

На этот раз тот же взгляд обратился ко мне. Агент Уотерс воспринимал мои вопросы как намек на его некомпетентность. Ничего такого я не имела в виду, но к этому делу он не мог относиться беспристрастно.

— Почему вы испытываете чувство вины? — спросила я у него.

На фоне всех бурлящих внутри Уотерса эмоций чувство вины ощущалось слабо, но я все равно его уловила.

— Что?! — Он отреагировал так, будто я влепила ему пощечину.

— Вы чувствуете себя виноватым. Почему?

— Да пошла ты к черту! — процедил он, скрипнув зубами.

Я мысленно приготовилась к атаке. Если мой вопрос его разозлил, то следующие слова легко выведут из себя.

— Пока вы не объясните, почему испытываете чувство вины, я буду рассматривать вас как подозреваемого.

Куки с Кит громко ахнули в унисон. С Куки-то все ясно, она ахает направо и налево, но

поразить специального агента Карсон не так-то просто.

— Чарли... — начала Кит, а Куки положила руку мне на плечо.

Сделала она это инстинктивно, когда агент Уотерс встал на ноги и навис надо мной. И дело вовсе не в росте, а в том, что я в этот момент сидела, и это давало ему явное преимущество. Что ж, если рискнет на меня напасть, придется врезать ему по яйцам.

— Когда это произошло, Джонни... — продолжила Кит, спохватилась и исправилась: — Агент Уотерс работал в далласском отделении. Уже два года.

— Мне очень жаль, — сказала я ей, но отступать не собиралась. Я дожду этого Джонни. И я не шутила. Пока не узнаю, почему он чувствует себя виноватым в исчезновении племянницы, буду считать, что он как-то с этим связан. — Но у вас двоих явно есть общее прошлое. А значит, ваши, Кит, суждения в данный момент не могут быть объективными.

Я своего добила. Уотерс слетел с катушек, и мне пришлось готовиться к войне. Но неужели он действительно ударит беременную женщину? Джонни рванулся вперед, и я поняла, что ударит, глазом не моргнув. Долю секунды спустя в комнату опаляющим кожу взрывом ворвался Рейес в нематериальном виде. Я подняла руку. Жест предназначался Рейесу, который, как правило, сначала рубит позвоночники, а потом уже задает вопросы, но остановился и Уотерс. К тому моменту его лицо было уже в паре сантиметров от моего.

— Вы ходите по краю пропасти, — процедил агент.

Между нами тут же оказалась Кит и отпихнула его назад. А жаль. Мне хотелось посмотреть, на что он способен.

— Ты что творишь? — прошипела Карсон.

Уотерс повернулся к ней спиной. Рейес испарился, а через секунду во плоти вошел в гостиную, остановился на пороге и прислонился плечом к косяку. Его взгляд был прикован к агенту Уотерсу. Я попыталась незаметно показать Рейесу мистера Вонга, но Рейес не купился и явно не собирался упускать из вида свою цель. Эх, мне бы такую сосредоточенность!

Снова запустив в волосы пятерню, агент Уотерс сел и стал тереть ладонь большим пальцем другой руки.

— Может быть, в случившемся есть моя вина.

Кит уже садилась обратно на диван, но, услышав его признание, опять встала.

— Что ты имеешь в виду?

Уотерс поджал губы и только потом ответил:

— Мне кажется, она пыталась выяснить, кто ее преследует.

— Ты не упоминал, что ее кто-то преследует. — Схватив папку, Карсон начала просматривать документы.

— Нет. Я... Я не хотел, чтобы брат с женой узнали, что Фэрис ко мне обращалась.

Кит ошеломленно плюхнулась на диван.

— Около месяца назад я получил от нее письмо по электронке, — продолжал Уотерс. — Она спрашивала, как можно кого-то выследить. Сказала, что в районе появился какой-то странный человек, и просила меня проверить его номерные знаки.

— Почему этого нет в отчете?

— Потому что от этого не было бы никакого толку. — В Уотерсе снова разгорелись ярость и чувство вины. — Больше в письме ничего не было. Только то, что возле парка, где они собирались с друзьями, ошивается какой-то жутковатый тип. Фэрис всегда хотела работать в ФБР. Наверное, она собиралась сама все выяснить про этого парня.

— Что вы ей ответили? — спросила Куки.

Уотерс опустил голову.

— Я сказал, что проверять номерные знаки просто так незаконно, и велел рассказать о мужике родителям.

— Здесь вам не в чем себя винить, — заметила я.

Он покачал головой:

— Да, но пару дней спустя она написала мне еще одно письмо. Сказала, что узнала, кто это такой, и попросила меня приехать в Нью-Мексико и арестовать этого типа.

— И? — не выдержала Кит.

— И я сказал ей передать всю информацию родителям, чтобы они могли обратиться в полицию. Сказал, что у меня нет времени.

Лично я ничего страшного в этом не увидела, но Карсон буквально подскочила с дивана и прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Ты эгоистичная мразь! Ты же знаешь, как много для нее значишь!

Уотерс еще ниже опустил голову, как пес, которого только что отчитали. Но Карсон не унималась:

— Она же тебя обожает всем сердцем! — О да, у них точно было совместное прошлое. — И сделала бы что угодно, лишь бы ты вернулся сюда.

— Вот именно, — наконец-то поднял голову агент Уотерс.

Кит обдумала его слова, а потом горько усмехнулась:

— Так вот в чем дело! Ты решил, что она все это придумала, чтобы вернуть тебя домой.

Он снова поник, и Карсон презрительно отвернулась.

— Вы с племянницей были близки? — спросила я у Джонни.

— Перед тем как я переехал, да. Очень.

Во мне разыгралось любопытство. Но не из-за его эмоций, а из-за чувств, которые лились из Кит. У нее опустились плечи, и агента Карсон с головой захлестнуло горе. Снова выпрямившись, она сухо проговорила:

— А теперь расскажи ей все остальное.

Несколько секунд он не понимал, о чем речь, а потом вдруг сощурился:

— Издеваешься? — Кит молчала, поэтому Уотерс спросил: — При чем тут это?

Она снова повернулась к нему:

— Если ты не расскажешь, расскажу я.

— Все это ерунда, Кит. Зачем вообще поднимать эту тему?

Карсон шагнула к нему.

— Год назад я бы сказала то же самое. Пока не познакомилась с Чарли.

Уотерс покосился на меня и снова уставился на Кит.

— Расскажи ей, — твердо повторила та.

— Господи Иисусе! — Уотерс вскочил на ноги и отвернулся, словно не мог посмотреть мне в глаза. — С четырех лет Фэрис твердила всем вокруг, что умрет до того, как ей исполнится пятнадцать.

Я недоуменно заморгала:

— И когда ей исполнится пятнадцать?

Ответ был таким тихим, что я едва расслышала:

— Завтра.

Куки прижала ладонь к груди, а Карсон повернулась ко мне:

— Как я и говорила, год назад я бы такое предсказание пропустила мимо ушей.

— А потом вы познакомились со мной.

— Вот-вот. Так что скажете? Есть здесь какая-то связь?

— Скажем так, я не верю в совпадения.

— Пойду, воздухом подышу, — заявил Уотерс, двинулся к выходу и застыл на полпути, увидев наконец моего мужа.

Точнее моего очень сердитого мужа. Потому что Рейес был убежден, что агент Уотерс собирался на меня напасть. Несколько долгих секунд под злющим взглядом Рейеса Уотерс не мог сдвинуться с места, но потом все-таки взял себя в руки и прошел мимо него к главной двери. Причем каждое резкое движение агента так и сочилось дерзостью.

Когда дверь за ним закрылась, я посмотрела на Кит:

— Ну ладно. Что за фигня?

— В каком смысле? — уточнила та.

— Между вами двумя враждебность хоть ножом режь. Что происходит?

Карсон покосилась на дверь.

— Джонни мой бывший.

— Вы были замужем?

— Не делайте вид, будто страшно удивлены.

— Я не удивлена, просто...

— По-вашему, я не могу окольцевать мужчину?

— Кит, дело вовсе не в этом. Просто вы всегда по уши в делах. Меня слегка удивило, что вы нашли время на замужество.

— Что ж, как видите, я была замужем.

— И не за кем-нибудь, а за федералом! Разве правила не запрещают близкие отношения между сотрудниками?

— Можно и так сказать. Хотя на самом деле все относительно и зависит от множества обстоятельств. Но да, он федерал.

Я призадумалась.

— Значит, он ваш бывший, то бишь экс, да еще и федеральный агент... Буду звать его ФедЭкс.

Суровое выражение лица Кит смягчилось от намека на улыбку:

— Его это взбесит.

— Жаль, что он не взял вашу фамилию.

— Знаю-знаю, — проворчала Кит. — Тогда бы его звали Джонни Карсон^[1]. Ума не приложу, как можно было проворонить такой шанс.

— А вы брали фамилию Уотерс?

Вопрос как будто погладил ее против шерсти.

— Нет. Тогда я уже служила в Бюро, поэтому решила не менять имя.

— Может быть, это и стало проблемой. — Я многозначительно приподняла брови. Под правильным углом мои брови кого угодно могут сбить с толку. — Может быть, вы не до конца посвятили себя браку.

У Карсон отвисла челюсть.

— Вы даете мне советы на тему семейной жизни? Сами-то сколько замужем? Каких-нибудь восемь минут?

— Скорее восемь месяцев, — обалдела я.

— И как? Взяли его фамилию?

Я сморщила нос и оглянулась на самого понимающего на свете мужа.

— У нас было мало времени.

— Ну да, ну да, — кивнула Кит, осматриваясь по сторонам, и добавила, изобразив в воздухе кавычки: — Вам пришлось все бросить и «залечь на дно». Кстати, не горите желанием объяснить, почему вы здесь?

Я прикусила губу:

— Сомневаюсь, что вам захочется узнать правду.

Она наклонилась ближе:

— А если все-таки захочется, расскажете?

— Скорее всего нет. Некоторые вещи лучше не знать, — натянуто улыбнулась я и мастерски сменила тему: — Между прочим, я поражена, что вы были замужем. Оказывается, я многого о вас не знаю.

— Кто бы говорил! Вы раскрываете дела едва ли не сверхъестественными методами, а до сих пор так и не рассказали, как вам это удается.

Я глянула на голое запястье:

— Только посмотрите, который уже час!

— Чарли...

— Нам надо готовиться к свадьбе, правда, Кук?

Всклопоченная Куки кивнула, а я потащила Кит мимо Рейеса к парадной двери. На дорожке уже припарковались два фургона. Один — из ресторана, второй — от флориста. На крыльце стоял Джонни, засунув одну руку в карман и держа бутылку воды в другой. Увидев нас, он выпрямился.

Мне все еще с трудом верилось, что Кит была замужем. Мало того, я уловила вспышку чувств, когда она снова увидела Уотерса. Карсон была до сих пор влюблена в своего бывшего. Интересно, стоит ли ей говорить, что он тоже до сих пор ее любит?

Уотерс повернулся к нам, но Кит заговорила с Куки:

— Прошу прощения. Я не хотела мешать вам в такой день.

— Я вас умоляю! — отмахнулась Кук. — Мы тут месяцами взаперти. Потихонечку с ума сходим.

Пока Карсон не умчалась, я быстренько ее обняла и прошептала на ухо:

— Вечером позвоню и дам знать, жива она или нет.

Кит кивнула, видимо, решив не спрашивать на глазах у Джонни, как именно я смогу это выяснить. Отпустив ее, я добавила:

— Сделаю все, что в моих силах. Обещаю.

— Не сомневаюсь.

А вот Джонни, похоже, ее уверенности не разделял. Но ему хватило вежливости извиниться за свое поведение:

— Извините, что вышел из себя.

— Ничего страшного. Вы расстроены. Я все понимаю.

Он кивнул. Наверное, был рад тому, что я не стану писать на него жалобу.

Помахав агентам на прощание, мы с Куки бросились обратно и торопливо закрыли за собой дверь, пока Бог и все его создания не увидели нас в халатах. Рейес уже был рядом, и Куки, в которой вдруг проснулась совесть, попыталась пригладить волосы. По-моему, проще приручить ураган.

Муж обнял меня за талию, и я прижалась к нему, купаясь в родном тепле.

— Ты его видел?

Перестав наконец сверлить взглядом дверь, Рейес вопросительно изогнул бровь.

— Мистера Вонга, — объяснила я. — Он здесь.

Судя по тому, как приподнялся уголок красивых губ, для Рейеса это не было новостью.

— И давно он тут?

— С сегодняшнего утра. Ты это чувствуешь?

— Что именно?

— Сдвиг энергии. — Рейес посмотрел туда, где висел мистер Вонг, хотя с того места, где мы стояли, видеть моего соседа мы не могли, потому что нас разделяла несущая стена. — Я все думаю, что он здесь делает.

— И я.

— И я того же мнения, — вставила Куки, не зная, что делать с руками.

На этот раз, взглянув на нее, я не сдержалась и громко расхохоталась.

— В чем дело? — в панике спросила она, снова пытаясь усмирить космы. — Я готовлюсь к свадьбе. В чем проблема?

Я подошла ближе и подарила ей одно из своих трахедробительных объятий.

— В тебе. Ты наша большая проблема.

— Думаю, двое из трех стоящих здесь людей с тобой не согласятся, — возразила Куки и смяла мне трахею в ответ.

Монастырь впустил очередного гостя. В фойе на цыпочках, спиной к нам, вошла Джемма и тихонько закрыла за собой дверь. Моя белокурая сестра уже принарядилась для свадьбы. Зеленовато-голубое коктейльное платье, ботильоны в тон. Вот только на лице сидели огромные солнцезащитные очки, в которых она, конечно же, совсем не смахивала на насекомое. Блестящие локоны были собраны в «конский хвост». В детстве Джемма обожала единорогов, но, по-моему, сейчас с этой любовью был явный перебор.

— Чем вы тут занимаетесь? — шепотом прошипела сестра, причем я могла поклясться, что она не выговаривает некоторые звуки. — Куки, тебе через полтора часа замуж выходить. Почему ты торчишь внизу? Еще и в халате! А с волосами что?! — Она в ужасе уставилась на голову Куки, но потом резко сменила линию поведения. — Хотя... если это и есть твоя прическа, то все супер. Мне нравится. Тебе очень идет.

Я опять рассмеялась, и Джемма, прижав к губам указательный палец, протяжно зашипела:

— Ш-ш-шшш!

Ей-богу, я бы поняла намек и покороче.

— У тебя похмелье, что ли? — разобиделась я. — Сколько ты вчера выпила?

— Не знаю. Сбилась со счета на третьем бокале. А может, на двенадцатом. Точно не помню.

Моему возмущению не было ни конца ни края.

— О чем ты вообще думала? Зачем так напиваться, если прекрасно знаешь, что на следующий день у нас свадьба?

— Не хотела отставать от Куки.

— Ты умом тронулась?!

Джемма привалилась к двери и опять на меня шикнула.

— Куки — эксперт по части выпивки. Последний, кто пытался ее перепить, месяц в

гипсе провалился.

— Только потому, — решила заступиться за себя Куки, — что некто по имени Хосе Куэрво^[2] убедил чувака в том, что тот умеет летать. Я тут вообще ни при чем.

Но Джемма не слушала:

— Так что с прической?

— Джемма, она не станет выходить замуж в таком виде.

— Слава богу! Я уже испереживалась, — выдохнула сестра и прижала к груди ладонь, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце, а потом принялась подталкивать нас к лестнице:

— Ну все, а теперь пошли, пошли, пошли! У нас куча дел!

Я повернулась к Рейесу и в шутку заявила:

— Уж точно больше, чем у некоторых.

По мне, так пусть хоть голым на свадьбу идет. Правда, вряд ли дяде Бобу это понравится так же, как нам с девчонками.

Прижав меня напоследок, Рейес отпустил нас на подвиги.

— Где Дениз? — спросила я на ходу.

Меня вовсе не волновало, куда запропастилась мачеха, но хотелось подготовиться к ее торжественному появлению. От этих ее театральных выходов на сцену всегда подташнивало.

— На улице, — ответила Джемма. — Раздает приказы декораторам.

— Класс. Лишь бы держалась от меня подальше.

Уперев руки с наманикюренными пальцами в бока, Джемма укоризненно вздохнула:

— Чарли, ты должна пообещать, что ради Куки и дяди Боба сегодня не будешь ругаться с мамой.

— Чего?!

Да как она вообще могла такое ляпнуть? Неужели совсем мне не доверяет?

Выражение лица Джеммы ни на йоту не изменилось, и я сдалась. Моей сестре явно светит стать одной из тех строгих мамаш, которых боятся и тайком обсуждают все дети на площадке.

— Ладно, как хочешь. Я буду запредельно милой и вежливой. Пока не закончится свадьба. Как только кольца окажутся на пальцах, каждый сам за себя. В том числе и злые мачехи.

Джемма закатила глаза:

— Вам обеим просто позарез нужно походить на групповую терапию.

— Еще чего! — взбеленилась я. — За последние восемь месяцев эта женщина у меня уже в печенках сидит.

Дениз приезжала в монастырь несколько раз в неделю. И каждый раз у нее был новый повод. То она заметила, что у нас кончилась жидкость для мытья посуды, то просто хотела узнать, как у меня дела. Когда папа познакомился с Дениз, она работала медсестрой в педиатрии, и этот факт, видите ли, позволял ей вторгаться в мою драгоценную частную жизнь и заваливать меня вопросами. Как я себя чувствую? Какое у меня давление? Принимаю ли я витамины, которые она привезла? Не отекаю ли в конце дня? За всю мою жизнь она никогда не оказывала мне столько внимания. А если я и появлялась на ее радаре, то неспроста. Чтобы всего лишь на меня взглянуть, у Дениз всегда имелась веская причина. Наверное, не сглаживай папа острые углы, причиной которых становились заскоки и причуды Чарли Дэвидсон, бедняжке Дениз не к кому было бы обратиться. Видимо, вариант поговорить со мной она вообще не рассматривала.

— Ей одиноко, Чарли. — Джемма вся превратилась в сплошное сочувствие.

— Так пусть страдает от одиночества у тебя дома.

— Я работаю. А в офисе она мне всех клиентов распугает.

— Значит, здесь ей распугивать призраков можно? У меня, между прочим, тоже есть клиенты.

— Чарли, сейчас ей очень плохо.

— Я знаю. Чувствую ее печаль. Каждый раз, когда она появляется, я думаю только о папе, и от этого сердце кровью обливается. Пока она будет сюда приезжать, мое сердце так и будет валяться в осколках.

— Может быть, ее сердцу тоже нужна помощь?

— Однозначно. Но мне плевать.

— Не верю.

— А ты поверь. И вообще, как ты можешь ее защищать после всего, через что она заставила меня пройти?

— Может быть, ей необходимо твое прощение. Она знает, что поступила плохо.

— Поступила? — переспросила я, с каждой секундой раздражаясь все сильнее. — Ты так говоришь, будто она совершила один-единственный проступок. Плохо было все, что она делала, Джем.

Над Джеммой Дениз тряслась, как курица над яйцами. А со мной даже не пыталась сблизиться. Я получала только угрюмые мины и постоянные докапывания. Любая мать, родная или нет, которая пытается упечь дочь в психушку только за то, что та отличается от других детей, не заслуживает любви. Но я старалась. Годами из кожи вон лезла, чтобы быть похожей на Джемму. Чтобы хоть немного понравиться Дениз. Однажды я два дня готовилась к тесту по правописанию, чтобы получить «пятерку». Надеюсь, что дурацкая бумажка окажется на холодильнике рядом с тестом Джеммы. Получив долгожданную оценку, я так радовалась, что всю дорогу от автобусной остановки бежала сломя голову, лишь бы поскорее показать свой успех маме. На полпути я упала, но до дома добралась целой и невредимой. Едва взглянув на лист с ярко-красной «пятеркой», Дениз отправила меня в мою комнату без ужина. За то, что, упав, я порвала рюкзак.

Той же ночью я украдкой пробралась в кухню, чтобы съесть хоть ложечку арахисового масла, и нашла свой тест в мусорном ведре. Через три секунды на меня снизошло озарение: мне никогда не завоевать любви Дениз. Она меня презирает, и точка. Трудно, когда единственная мать, которую знает маленькая девочка, не испытывает к ней ничего, кроме презрения. В семь лет это мощный удар по самолюбию. Забрав тест, я унесла его в свою комнату, разгладила, как смогла, и приколотла к пробковой доске, на которой висели фотографии родной мамы, сделанные отцом, когда она еще носила меня под сердцем. До того, как умерла, подарив мне жизнь. Эти снимки и помятый тест служили напоминанием. Каждый раз, когда мне хотелось получить одобрение Дениз, я смотрела на мятую «пятерку» и передумывала. Лично мне кажется, что, смирившись с безразличием мамы, я спасла себя от душевных переживаний, а ее — от разочарований.

— Она это знает, — настойчиво увещевала Джемма. — Знает, что вела себя неправильно. Единственное, чего она не знает, — это как с тобой поговорить и попросить за все прощения. Ты намеренно все усложняешь.

— Это я-то усложняю?! — обалдела я.

— Чарли, — сестра перешла на свой хваленый врачебный тон, мягкий и

беспристрастный, — если не сесть и не обговорить все, что накопилось, не покопаться хорошенько в прошлом, проблемы не решатся.

Вечно Джемма забывает, что, как бы мягко и беспристрастно ни звучал ее голос, я чувствую все, что творится под маской спокойствия и терпения. Этот разговор всплывал снова и снова уже несколько недель. Хотя куда там! Скорее несколько месяцев. Я ощущала, как расстроена моя сестра. Теперь, когда Дениз вдруг разохотилась со мной сблизиться, Джемма жаждала нас помирить. Хотела, чтобы мы подружились и вместе ходили по магазинам.

Ей-богу, лучше я пешком пойду в логово адских псов.

— По-твоему, если мы с Дениз не засядем на несколько часов поболтать по душам, то проблемы, которые не решались десятилетиями, так и останутся не решенными? — уточнила я, изобразив чистейший ужас якобы от одной только мысли о страшных последствиях. А потом безразлично пожала плечами: — Я только за.

Отвернувшись, я пошла по ступенькам, давая знать, что разговор окончен, и слышала, как за спиной грустно вздохнула Джемма.

Кремация тела возврату не подлежит.

Табличка в похоронном бюро

Пока Куки и Эмбер в спальне наносили последние штрихи, я решила закончить свои приготовления в ванной и, ковывая по узкому коридору, прямо-таки ощущала, как из стен монастыря сочится его история. Под ногами скрипели половицы. Легко представилось, каково здесь жилось монахиням двести лет назад. Ну ладно, с монахинями я загнула. Но в мыслях рисовались красочные картины того, как обитавшие в монастыре люди общались с коренными американцами, смотрели, как играют их дети, выращивали в садах овощи и фрукты. Должно быть, замечательную они вели жизнь. И наверняка все эти женщины — и монахини, и коренные американки, и местные фермеры — были очень-очень храбрыми.

Вместе с тем такую жизнь легкой не назовешь. Особенно без сотовой связи. Да и одна ванная на этаже — то еще удовольствие. Но я смирилась. В каждой комнате было по раковине и зеркалу, но на зов природы приходилось бежать в другое место. Слава богу, Рейес устроил здесь отопление и систему охлаждения воздуха, но я боялась, что атмосфера монастыря может измениться и мы утратим историческую ценность здания, поэтому сделали здесь только самое необходимое. Комнаты наверху остались нетронутыми — крошечными и полупустыми. Зато в каждой стояла печь. Этими печами давно никто не пользовался, но они все еще работали и вполне могли обогреть маленькие помещения. Внизу мы тоже оставили почти все, как было. Только кое-где заделали стены и починили полы. В правильных руках бывший женский монастырь мог бы стать прекрасным рестораном, но для начала его нужно зарегистрировать в Историческом обществе, чтобы сохранить отголоски прошлого.

Правда, кое-что мы все-таки изменили. В каждой из ванных комнат вверху и внизу установили по ванне и душевой кабине. Само собой, душевые не были такими роскошными, как Джордж — каменный душ в квартире Рейеса, но сами ванны были вполне себе современными по сравнению с оригинальными. В последний раз их ремонтировали в сороковых годах двадцатого века, но с тех пор сантехника далеко ушла вперед.

Тихонько постучав и не получив ответа, я открыла дверь. В лицо ударил пар, и осталось только молиться, что не растают ни блески на лице, ни само лицо. Помахав, чтобы развеять горячие клубы, я чуть не налетела на полуголого демона-раба, который оборачивал вокруг талии полотенце.

— Ош! — рывкнула я, закрывая рукой глаза. — Я же постучала. Какого черта?

На красивом лице заиграла лукавая ухмылка. А знала я это потому, что мои пальцы совершенно случайно раздвинулись. И не моя вина, что я узрела его, так казать, в чем мать родила. На вид Ошу было лет девятнадцать, хотя на самом деле его возраст исчислялся веками. Мало того, он был старше Рейеса. Но, даже зная об этом, я все равно чувствовала себя извращенкой всякий раз, когда смотрела на стройную мускулистую фигуру. Оша создали в аду, где он был рабом. Или даэвой, как их там называли. И жизнь у него была, мягко говоря, не сахар. Представить не могу, через что ему пришлось пройти. Быть рабом — это одно. Оказаться в аду — уже другое. А быть рабом в аду... От одной только мысли закипают мозги.

Зачем вообще в аду рабы? Что именно они там делают? Об их обязанностях я знала всего ничего. Например, что их вынуждали служить в демонской армии. Впервые я встретила Оша, когда он устраивал карточные игры, где на кону стояли души людей. Ко мне обратился клиент, чью душу выиграл Ош, и я хотела эту душу вернуть. Но такова природа даэвы. Он живет за счет человеческих душ. К счастью, мне удалось убедить его трапезничать исключительно теми, кто своей души не заслуживает. Ну, например, убийцами, наркоторговцами, гадами, которые пристают к детям, и лоббистами.

Короче говоря, тогда-то я и узнала, что Ош, или, как его называли внизу, Ошекиэль, сбежал из ада намного раньше Рейеса. Мало того, он единственный даэва, которому удалось оттуда смыться. Поначалу Рейес не доверял ему так, как я, но со временем научился полагаться на Оша. Ради Пип. Потому что демон, казалось, в глубине души на самом деле печется о нашей еще не родившейся дочери.

Однажды Рейес рассказал мне, что между Ошем в аду и Ошем на земле есть одна существенная разница. В человеческом воплощении не видно его шрамов. И от этого у меня за даэву болело сердце.

Правда, не сегодня.

Смерив меня взглядом с ног до головы, Ош по-волчьи ухмыльнулся.

— Я слышал. Но мне вроде как становится одиноко. Вот я и решил, что компания не помешает.

Прекратив разыгрывать из себя воплощение чистоты и невинности, я опустила руку и закатила глаза:

— Я тебя умоляю! Можно подумать, тебе вот это по зубам. — А потом ткнула пальцем за плечо: — Выметайся. Мне нужно закончить с приготовлениями.

— А мне нужно побриться, — тут же отозвался Ош.

— Побриться ты можешь и в комнате.

— Моя комната размером с чулан для швабр.

— Моя тоже. Тебя никто не просил сюда переезжать. Мог бы остаться в своем роскошном доме.

На самом деле мы и правда тайно поселили его в чулане, но нельзя обижаться на то, чего не знаешь.

— Чтобы вы без меня отгоняли адских псов? Ни за что! Но место тут действительно стремное, — добавил он и помотал головой.

Капли с черных волос попали мне на лицо. Я поджала губы, как будто Ошу будет до этого хоть какое-то дело.

— Согласна. Хорошо, что я не родилась в девятнадцатом веке и не стала монахиней.

Снова во всю мощь засияла фирменная ухмылка.

— Что-то мне подсказывает, что, даже родись ты в девятнадцатом веке, монахиней бы не стала.

Ош прав. Наконец прогнав его, я повернулась к зеркалу, чтобы освежить макияж, но, когда рассеялся пар, увидела нечто неожиданное. На стене у меня за спиной были нацарапаны имена.

Как будто прямо отсюда можно было заглянуть на чердак, я уставилась в потолок и, топнув босой ногой, сердито крикнула:

— Рокет!

И он тут же появился. Рокет умер в пятидесятых и был крупным высоким добряком.

Глядя на него, я вспоминала огромного плюшевого медведя, с которым играла в детстве.

— Ты что творишь? Говорила же, что имена можно писать только на чердаке!

Мы с Рейесом обшили чердак несколькими слоями гипсокартона, чтобы Рокет не портил родные стены монастыря.

— Но, мисс Шарлотта, там место закончилось.

— Тогда начинай писать поверх уже написанных имен. В несколько слоев, как в лечебнице.

— Хорошо, мисс Шарлотта, но мне придется царапать на обоях, а сестра Хоббс этого не любит.

Судя по всему, сестра Хоббс была медсестрой в психушке, где вырос Рокет. Из того, что мне удалось узнать (а это какие-то крохи), его упекли в дурдом совсем еще юным. Видимо, дар Рокета был с ним и при жизни. Он знает имена всех людей, которые умерли на земле. И сделал целью своей жизни записать каждого из них. Трудно представить, о чем думали его родители, глядя, как их ребенок снова и снова записывает имена умерших людей на всем, что попадает под руку. В те времена отослать его на лечение было вполне ожидаемым решением.

Я улыбнулась его словам. Каждому, кто считает, что стены сделаны обязательно из обоев, стоит почаще выходить на улицу.

— Мы купим много-много новых обоев. Не переживай.

Рокета долго ждать не пришлось. Он переехал сразу после нас и огорошил меня крайне важной новостью о котенке, который забрел в дурдом и заблудился. Похоже, его бросила мама, и Незабудка, пятилетняя сестра Рокета, места себе не находила от беспокойства. Поскольку к тому моменту Рокет уже был здесь, Куки пришлось пару дней рыскать по территории дурдома в поисках котенка, а потом привезти его в монастырь. Рокет говорил, что Незабудка тоже переехала, но я ее еще ни разу не видела. Правда, за долгие годы моих визитов в психушку Незабудка появилась всего три раза. Потому что была ужасно застенчивой. Но я знала, что, куда бы ни пошел Рокет, она последует за ним.

К сожалению, то же самое можно было сказать и о мелкой нахалке по имени Слива. Точнее так назвала ее я, потому что она утонула в пижамке, на которой были нарисованы сахарные сливы. У нее длинные светлые волосы, ярко-голубые глаза и синеватого оттенка губки, ясно намекающие на причину смерти.

Уперев руки в бока, Слива появилась прямо передо мной и смерила меня сердитым взглядом:

— Почему ты кричишь на Рокета? Незабудку перепугала!

— Рокет пишет имена там, где не положено. Это против правил. А правила нарушать нельзя, правда, Рокет?

Тот пристыженно повесил нос.

— Правила нарушать нельзя. Все верно, мисс Шарлотта.

— Значит, имена можно писать только на чердаке. Договорились?

— Договорились.

Рокет исчез, а вот Слива, к сожалению, осталась. У нас с ней есть один общий знакомый — ее брат, офицер Тафт. Я сказала ему, что Слива переехала к нам, и несколько раз он навещал ее в монастыре. Само собой, увидеть он ее не может, но из меня получается очень неплохой переводчик.

Перестав злобно пялиться, Слива наконец заметила мой макияж и резко сменила гнев

на милость:

— Ты блестишь!

Я присела, чтобы она дотянулась до моего лица. К щеке прикоснулась ледяная ладошка.

— Прямо как принцесса из сказки.

— Спасибо, — отозвалась я, тронутая до глубины души.

— Ты, конечно, не такая красивая, еще и очень толстая, но блестишь, как принцесса.

С огромным трудом я выдавила улыбку, чтобы не проиграть посреди битвы. Потому что нельзя отступить и сдаваться. И процедила сквозь стиснутые зубы:

— Еще раз спасибо.

— Пожалуйста.

— Джессика, случайно, не вернулась?

В старших классах Джессика была моей лучшей подругой. Когда Рокет, Незабудка и Слива переехали в монастырь, она решила двинуть за ними, явно намереваясь превратить мою жизнь в ад. Слава богу, в последнее время на глаза она попадалась нечасто.

— Нет. Она много времени проводит с сестрой.

— Надеюсь, с ней все в порядке.

— Все отлично. Только мне кажется, она боится собак, которые на улице.

— Что ж, я ее понимаю.

— В общем, мы с Незабудкой хотим поиграть с Одеялком.

— Супер! Завернетесь в него и будете притворяться призраками? По-моему, очень подходящая игра.

— Да нет же! — раздраженно воскликнула Слива, сердясь на то, что я не в курсе событий. — С Одеялком. С котенком.

— Точно! Классный план. — Пока она не успела испариться, я быстренько спросила: — А почему Одеялко?

— Потому что он блестящий и черный, как одеяло у Дэвида.

Ясненько. Значит, у ее брата Дэвида, то бишь офицера Тафта, блестящее черное постельное белье. Да уж. Иногда информация все-таки бывает лишней.

— Поняла. Ну что ж, развлекайтесь.

— Ага.

Слива исчезла, бросив меня одну. А зря. Понятия не имею, как я справлюсь собственными силами. В конце концов, у меня все лицо в блестках!

Когда мы с Эмбер уже заканчивали наряжаться, потихоньку стали съезжаться гости. С высоко уложенными волосами, на которых то тут, то там поблескивали маленькие бронзовые бабочки, Эмбер выглядела великолепно и не находила себе места от радости, когда явился дядя Боб. Радовалась она не из-за него самого и не из-за того, что он вот-вот женится на ее матери, а потому, что он привез с собой Квентина. Точнее — того самого Квентина.

Квентин Резерфорд — молодой парнишка, которого мы внедрили в свою компашку, после того как в него вселился демон. Демон охотился на меня, а Квентина облюбовал

потому, что тот видит сверхъестественный мир, и воспользовался его даром видеть мой свет. Избавившись от упомянутого демона, мы узнали, что Квентин родился глухим. Семьи у него нет, поэтому мы вместе с сестрами Непорочного Креста его вроде как усыновили. Очень скоро выяснилось, что Эмбер безумно этому рада. Судя по ее поразительно подробному рассказу, одет Квентин был прямо-таки с иголочки, и мне самой уже не терпелось его увидеть.

Пока Хилди заканчивала с прической Куки, мы переоделись в праздничные платья. Я сбегала за букетами и заодно проверила, как идут приготовления, всеми силами стараясь не нарваться на мачеху. Зная мою сестру, можно было смело сказать, что церемония будет восхитительной. Джемме наконец-то повезло спланировать хоть одну свадьбу, потому что моя оказалась совсем не такой, как ожидалось. Это был сплошной экспромт в больничной палате, и все усилия сестры пошли насмарку. Теперь у нее появился шанс начать все сначала в новом месте с новой коллекцией жертв.

Вернувшись в комнату, я стала вместе с Эмбер смотреть, как гости выходят из машин. Бывший клиент Джеммы, он же ее нынешний бойфренд, Уайетт приехал одновременно с боссом Дибби — капитаном Экертом, несколькими детективами, которых я не раз видела, и братом Сливы — офицером Тафтом. Следующим появился Гаррет Своупс, друг и коллега, который в темно-сером пальто и при галстукке выглядел весьма и весьма привлекательно. Сразу за ним подъехали Амадор и Бьянка с детьми. Они часто навевались к Рейесу, и мы несколько раз устраивали потрясные барбекю. Куки успела полюбить всех Санчесов и в итоге пригласила на свадьбу. Их семилетняя дочь Эшли будет посыпать лепестками цветов дорожку к алтарю, а пятилетний Стивен — подавать кольца. Дальше из машин вышли несколько незнакомых мне людей и сразу двинулись в обход монастыря туда, где мы организовали импровизированную часовню. Некоторые из них оказались молодыми девушками в возрасте приблизительно от девятнадцати до двадцати трех лет. Куки как-то говорила, что у нее полно троюродных сестер. Учитывая количество умопомрачительных мужчин, которые будут присутствовать на церемонии, скучать барышням точно не придется.

Я рассказывала Куки о съезжающих гостях все, что только могла, чтобы хоть немного ее успокоить. Нервничала она просто ужасно. Я-то думала, что, узнав, сколько приехало гостей, она расслабится, но получилось наоборот — Куки трясло все сильнее и сильнее. Кто бы знал!

— Ну, вот и все, — сказала она наконец и встала у меня за спиной.

Я повернулась и застыла с отвисшей челюстью. Куки выглядела потрясающе! Короткие темные волосы уложили назад, создав впечатление, будто там заплетена ажурная французская коса. Как у меня и Эмбер, ее волосы украшали крошечные бронзовые бабочки в тон нашим платьям цвета корицы. А вот расшитое жемчугом платье Куки было богатого кремового оттенка. Макияж ей сделали простой, но эффектный. В общем, что и говорить — от одного ее вида захватывало дух.

— Куки... — выдохнула я, не в силах оторвать от нее глаз. — Ты потрясающая! Как кинозвезда из сороковых. Просто воплощение элегантности!

Подруга тихо рассмеялась, и напряженные плечи чуть-чуть расслабились.

— Думаешь, Роберту понравится?

— Я тебя умоляю! — Да как у нее язык повернулся такое спросить? — Дядя Боб дар речи потеряет, как только тебя увидит.

Она сморщила нос и захихикала, как натуральная школьница.

— Мам, — восхищенно пролепетала Эмбер, — ты такая красивая!

— Спасибо, солнышко. Ты тоже просто восхитительная.

Эмбер опустила глаза и смущенно поковыряла носком невидимую землю.

— Значит, мы и правда это сделаем? — взволнованно спросила у меня Кук.

— Солнце, если мы этого не сделаем, то твой мужчина точно тебя похитит и увезет в Мексику. Или в Лас-Вегас. Ну или в Румынию. Так или иначе, вы все равно поженитесь.

Она опустила голову:

— Извини, что мы женимся именно сейчас.

— Чего?! — Мой голос взлетел на октаву. — О чем ты?

— Я... не знаю даже, как сказать... не хочу отвлекать тебя от рождения ребенка. Для тебя это очень особенное время.

— Куки Мари Ковальски! Как ты смеешь говорить такие вещи?!

— Точно?

— Точнее некуда! К тому же мой дядюшка уж точно отречется от меня, если я лично не прослежу, чтобы через несколько минут ты прошла по проходу к алтарю.

Куки рассмеялась и крепко меня обняла. К нам присоединилась Эмбер, а секунду спустя в комнату вошла Джемма. Добрых тридцать секунд она ошеломленно молчала, осторожно прижав пальцы к губам, а потом все-таки стряхнула ступор и жестом позвала нас на выход. Пока сестра вела нас по ступенькам, на ее ресницах блеснули слезы. Внизу мы встретились с Бьянкой и детьми. Платье Эшли оказалось уменьшенной версией того, что было на Эмбер. Густые волосы, как и у Эмбер, уложили наверх и украсили бронзовыми бабочками. Стивен в черном смокинге с галстуком-бабочкой, чтобы не отличаться от других мужчин, выглядел просто шикарно. Еще раз объяснив детям, что им предстоит сделать, Бьянка ушла занять место рядом с мужем, Амадором, а Джемма проводила нас всех к задней двери, откуда мы будем выходить на зеленую тропинку, ведущую к алтарю.

Эшли нервно кружилась, нечаянно роняя лепестки, а Стивен взволнованно теребил галстук.

— Наверное, нам лучше поторопиться, — сказала я, — не то наши помощники долго не протянут.

Обняв нас напоследок, Джемма ушла к Уайетту. Заиграла свадебная музыка, и мы глубоко вздохнули. Первым по проходу пошел Стивен, неся в руках подушечку с обручальными кольцами. За ним — Эшли. Разбрасывая лепестки роз, она не забывала махать гостям и позировать для фотографий.

Я посмотрела на Куки, изо всех сил стараясь не разреветься. Еще рано. На свадьбах для слез отведено специальное время. И все-таки я не сдержалась. Крепко-крепко обняла подругу и почувствовала, как по щеке стекает слеза. Чмокнув Эмбер в щечку, я взяла себя в руки и пошла по проходу.

Я все тщательно спланировала. Собиралась смотреть строго вперед, думать о дыхании и стараться не споткнуться. И пока все шло по плану. Я посмотрела на дядю, который ждал свою невесту у алтаря. Выглядел он великолепно. Волосы и усы — аккуратно подстрижены. Черный смокинг. Белая рубашка. Накрахмаленная бабочка. Я заметила, что ему не по себе, и поняла, что улыбаюсь, но вовремя справилась с собой и пошла дальше, думая о дыхании и глотая слезы.

А потом случилось то, что случилось. Мои глаза остановились на Рейесе Александре Фэрроу. Шафер жениха стоял в точно таком же, как и на дяде Бобе, черном смокинге. Такая

же белая рубашка, такой же галстук-бабочка, но разница между этими двумя мужчинами была поразительная. Словно между ними лежала целая пропасть. Казалось, Рейес родился для всего прекрасного, что есть в жизни. Судя по всему, он успел постричься. Как может один и тот же мужчина в грязной футболке и рваных джинсах выглядеть не менее сексуально, чем в смокинге с бабочкой, в голове не укладывается. Но главной достопримечательностью был сам Рейес. Даже под слоями сшитого на заказ костюма его плечи выглядели невероятно широкими и могучими. Лицо — как всегда, поразительно красивое. Сильный подбородок, идеально вылепленные чувственные губы. Густые черные ресницы, от которых на щеки ложились тени. И волосы... Теперь они были короче, но непослушные темные локоны все равно падали на лоб и завивались над ушами. Рейес выглядел как супермодель. Как нечто экзотическое и очень-очень редкое. Как тот, кто пришел из другого мира.

Он заметил, что я на него смотрю. Уголок красивого рта чуть-чуть приподнялся, потом слегка изогнулась левая бровь, и у меня чуть не подкосились колени. Никогда в жизни не видела ничего красивее.

Внезапно послышался шепот. Я глянула влево. Дениз испепеляла меня взглядом, а в глазах Джеммы читался дикий ужас. Мое сердце забилося чаще, глаза распахнулись так же широко, как у сестры. Я тоже начинала паниковать, хотя понятия не имела почему. Джемма кивнула куда-то вперед, и до меня дошло: я остановилась. Как только мои глаза увидели Рейеса, я застыла на месте.

Мигом придя в себя, я расправила плечи и пошла дальше по проходу, думая, заметил ли кто-нибудь пятиминутную паузу в церемонии. Надеюсь, что нет. А если кто и заметил, то у меня, на секундочку, в животе бродит ребенок. Если что, спишу все на Пип. Вот только щеки все равно покраснелись.

Я думала, Рейес надо мной посмеется. Ну или хотя бы сочтет мою бестактную выходку забавной. Но, когда я снова на него взглянула, он вовсе не смеялся. И даже не улыбался. Его черты потемнели, а выражение лица стало почти опасным. Он почувствовал, как я на него отреагировала, а я, в свою очередь, почувствовала его реакцию и совершенно обалдела. Понятия не имею, как он может на меня так реагировать, когда я похожа на огромного Колобка. Что ж, видимо, он озабоченный. С этим жить я могу.

Дойдя до алтаря, я отошла в сторону, повернулась к гостям и стала вместе со всеми ждать появления прелестной невесты. В динамиках заиграл «Свадебный марш», и все встали. Из монастыря на свет теплого осеннего дня вышли Куки и Эмбер. Не спеша они плыли по проходу, давая гостям возможность пофотографировать и прислушиваясь к одобрителю шепоту.

Но меня волновал только Дибби. Жаль, что я не попросила кого-нибудь снять его в этот момент. Его реакция при виде Куки стоила всего кофе в Альбукерке. Или даже во всем штате. Нет! Во всем мире!

Увидев невесту, Дибби резко втянул носом воздух. Рот чуточку приоткрылся, а на лице отчетливо читались изумление и тонны сомнений. Да уж, очень в духе дяди Боба. Как никто другой, я знала, что он сейчас чувствует. В этот самый миг его поражало, что такого сумела рассмотреть в нем Куки. И я могла бы ему ответить. Она увидела в нем все: скромность, благодарность, бесконечную любовь к ней и к Эмбер. Хотя нет, не только любовь. Дядя Боб уважал Куки, уважал ее дочь и был искренне благодарен им обоим. О большем подарке судьбы он и не мечтал.

Когда они дошли до алтаря, священник поднял руки, жестом призывая всех занять свои места, и, когда гости расселись, спросил:

— Кто отдает эту женщину этому мужчине?

— Я, ее дочь, — слегка дрожащим голосом отозвалась Эмбер, — Эмбер Ковальски.

Блестящими от слез глазами она посмотрела на Куки, быстренько обняла и вложила ее ладонь в руку дяди Боба, символически давая ему разрешение жениться на матери. Для него это была огромная честь. А я, как никогда, испытывала бешеное счастье за своего ворчливого дядюшку.

Священник одобрительно улыбнулся, и я кивнула сидевшему в первом ряду Квентину. Тот встал, взял Эмбер за руку и проводил к месту рядом со своим. Все происходящее было таким торжественным и милым, что мне опять пришлось сдерживать угрожавшие затопить все вокруг слезы.

Быстро пробежавшись по клятвам, священник получил положенные «Согласна» и «Согласен». Честное слово, я не могла насмотреться на прекрасную пару, но мои глаза снова и снова возвращались к мужу, потому что никогда не видели ничего более поразительного. Смуглая кожа резко контрастировала с белоснежным воротником рубашки. А еще свежая стрижка и гладко выбритое лицо... Ей-богу, заросшего и колючего Рейеса я обожаю, но от нынешнего его вида захватывало дух. Он был как Тарзан, Кларк Кент и Джеймс Бонд в одном флаконе. Я бы не удивилась, если бы где-то возле монастыря был припаркован «астон-мартин».

Получив разрешение, дядя Боб обнял Куки одной рукой за талию, а другой приподнял ее голову за подбородок. Только сейчас я заметила, что она плачет. Дибби подарил ей самый нежный на свете поцелуй, ясно свидетельствующий об огромной любви и почтении, которые он испытывал к женщине, только что ставшей его женой. Толпа гостей взорвалась аплодисментами и поздравлениями. Все закончилось. После тонн приготовлений, вложенных сил и предвкушений все закончилось. Как-то чересчур быстро. Само собой, впереди еще был прием с едой и все такое, а уже потом я займусь делом, пока Куки будет наслаждаться предмедовомесячным медовым месяцем длиной в одну ночь на шикарном спа-курорте «Гроза Буффало» в долине Похоаке чуть севернее Санта-Фе.

Куки настояла на том, чтобы настоящий медовый месяц они с Дибби провели после рождения Пип. Булочка еще не родилась, а уже изменила наши жизни. Мало того, умудрилась даже поучаствовать в церемонии, развеселив гостей, заметивших, что на мне танцует платье. Уж не знаю, чего именно ей хотелось. Просто примоститься поудобнее или получить свою дозу внимания. Как бы то ни было, Пип изо всех сил пыталась стать гвоздем программы.

Я взглянула на нее и довольно улыбнулась.

В тот самый момент, когда разбушевалась толпа, дядя Боб потащил Куки по проходу. Вот и славненько, потому что тащил он ее прямым к еде.

— Должна признать, — сказала я Джемме, вместе с ней наваливая на тарелку всего и сразу, — ты молодец.

Я выбрала салат из капусты с жареным на гриле лососем и изящную тарелочку, до краев наполненную макаронами с сыром. Ко всему этому я еще вернусь, хотя надо бы оставить место для тыквенного мусса, тирамису и шоколадных трюфелей. И для свадебного торта! Господи, хоть бы про торт не забыть!

Почти все, что касалось свадьбы, выбирала Джемма. Декорации, еду и прочие мелочи,

которые сделали особенным такой важный для Куки день. Так что сестре я очень обязана. Да и вообще теперь без нее как без рук.

— Спасибо, сестренка, — ответила Джемма, весело толкнув меня плечом.

— Как самочувствие? — спросил ни на шаг не отходивший от нее Уайетт.

Рейес тоже маячил поблизости. Точнее — прямо возле меня. Так что я решила добавить чуточку драмы:

— Хуже некуда. Бегаю в туалет по маленькому каждые тридцать секунд. Ноги отекают. Слюни пускаю в самые неподходящие моменты. А еще постоянно тянет на тосты с сардинами и зеленым чили.

Уайетту хватило такта изобразить шок, зато Рейес только ухмыльнулся. Его явно больше интересовала еда, чем мои страдания. Негодяй.

— Ты же терпеть не можешь сардины, — сказала мне Джемма.

— В том-то и дело! Как будто я больше не я. Как будто в меня кто-то вселился. — Я застыла с открытым ртом. — Да это же вторжение похитителей тел!

— А по-моему, — захихикала Джемма, — это называется «беременность».

— Никому нет дела до моих страданий, — проворчала я, когда Рейес понес наши тарелки к столу.

Джемма с Уайеттом пошли за нами.

— Нам есть, — отозвалась сестра. — Правда, совсем капельку.

Да уж, она у меня просто прелесть!

День потихоньку клонился к вечеру. Мы с Рейесом сидели и наблюдали за Куки. Впервые в жизни моя лучшая подруга находилась в центре внимания и вся светилась.

— Куки, конечно, нечто, — сказал Рейес.

Я повернулась к нему, а он смотрел на молодоженов взглядом, полным одобрения.

— Каждый раз, когда ты говоришь что-то подобное, я в тебя еще немножечко влюбляюсь.

Рейес наградил меня удивленным взглядом, но быстро взял себя в руки. Выражение его лица стало напряженным, и у меня внутри все скрутилось в узел.

— Хотела поблагодарить тебя за то, что согласился стать шафером дяди Боба.

Рейес не ответил. Мерцающие глаза остановились на моих губах. Легким перышком по коже прошелестел фирменный жар. Запустив руку под подол платья, Рейес пальцем провел по моей ноге до колена. От прикосновения вверх побежал восхитительный трепет и пролился теплом внизу живота. Муж точно знал, как действует на меня его близость, но, к сожалению, волшебный момент быстро закончился. Внимания Рейеса требовала целая толпа женщин, и меня просто поражала их наглость. Хотя понятия не имею почему. Такое происходило везде, где бы мы ни появились. Точнее в те времена, когда мы вообще куда-то ходили или ездили. А одна и вовсе спросила, не пойдет ли он с ней проверить, все ли в порядке с ее шинами.

Что тут скажешь? У Куки невероятно плодовитая родня.

Гости в основном бродили по заднему двору, где, слава богу, призраков было не так уж много. Зато перед монастырем от их количества яблоку было негде упасть. Пока Рейес помогал сдвигать столы вместе, я болтала с Гарретом и Ошем. К вящему недовольству троюродных сестер Куки, которые чуть не передрались за внимание этих двоих. Потом поторчала с Пари, одной из моих подруг, и ее кавалером Тре. А уже после того, как Куки с дядей Бобом разрезали торт, поковыляла на поиски Эмбер и Квентина. Мы заранее

спрашивали у Квентина, хочет ли он, чтобы ему переводили церемонию, но он отказался. Сказал, что к словам все равно никто не прислушивается, а он сам хочет всего лишь насладиться процессом. Впрочем, они с Эмбер постоянно перешептывались (то бишь общались жестами так, чтобы никто не видел), и смотреть на них было ужасно приятно.

В этот же день меня ждало еще одно испытание. На четырех лапах. Тот факт, что мы с Рейесом на улице, Артемида приняла за сигнал слететь с катушек и носилась по двору, как шут на метамфетаминах, время от времени поглядывая, наблюдаем ли мы за ее трюками. Бог свидетель, выбора у нас не было. Каждый раз, когда мы отворачивались, она пулей мчалась к нам. Одна беда — для меня, Рейеса и Оша Артемида была такой же осязаемой, как и все остальные. Сквозь гостей она пролетала как раз плюнуть, а меня чуть не сбила с ног. Дважды. Переживая за нас с Пип, Рейес отвел меня в монастырь, где еды было еще больше. Даже внутри бродили гости, ели, пили и наслаждались праздником. Правда, вместе нам с Рейесом удалось побыть совсем чуть-чуть, потому что очень скоро опять где-то понадобилось его присутствие.

Выяснилось, что у Куки полно родственников, о которых я ничего не знала. Сплошные тети, дяди и сестры с братьями разной степени родства. Родных братьев и сестер, как и родителей, которые давно умерли, у Куки не было, зато другие родственники появлялись пачками. Троюродных сестер оказалось аж целых пять штук. Молодые и уверенные в себе, все они дружно решили, что красавцев вроде Рейеса, Оша и Гаррета отродясь не видели. Даже Квентина и внушительных размеров ухажера Пари Тре не миновали атаки Игривой Пятерки. Честно говоря, я барышень понимала. Правда, за жизнь одной из них всерьез беспокоилась, когда она активно начала обхаживать Квентина. Эмбер оцетинилась с ног до головы, и мне в голову закрались подозрения, что домой упомянутая барышня вернется с капитальным дефицитом волос, конечностей, глаз или зубов. В такой сценарии могли пострадать какие угодно части тела.

Слава богу, Рейес вовремя остудил назревающую бурю, и Эмбер отвела Квентина за тихий столик подальше от большинства гостей. Вот только из-за вмешательства сам Рейес оказался на линии огня. На моих глазах Игривая Пятерка в прямом смысле слова навалилась на него, причем каждая следующая жаждала подобраться ближе предыдущей. Ко всему этому Рейес отнесся абсолютно спокойно, чему я ни капельки не удивилась. К навязчивому вниманию он привык с детства.

А еще он знал, что я наблюдаю за происходящим. Я сидела у окна и смотрела, как он стойко переносит атаку за атакой. Вот только с течением времени Рейес все чаще бросал на меня игривые взгляды, подмигивал и ухмылялся. Все бы ничего, если бы он не вытворил нечто такое, что чуть не повергло меня в пучину оргазма. Через целое море собравшихся во дворе гостей Рейес посмотрел на меня долгим пристальным взглядом, а потом прикусил нижнюю губу. Назвать все это просто сексуальным было бы все равно что обозвать цунами легкой рябью на волнах.

Я машинально двинулась к двери, чтобы позвать Рейеса внутрь, как вдруг услышала женский голос:

— Привет, сладкая тыковка.

У меня за спиной стояла бабушка Лиллиан и пыталась через мое же плечо увидеть, на что я смотрю. Бабуля Лил умерла приблизительно в шестидесятых и даже после смерти оставалась наполовину хиппи, наполовину гражданином мира. Людей вокруг было полно, поэтому пришлось достать сотовый и прижать к уху, чтобы не показаться никому

пациенткой дурдома.

— Бабуля Лил! — поздоровалась я и быстренько ее обняла, пока никто не увидел. — Когда ты вернулась?

— Только что, сладенькая моя. Чего ради такой шум и гам?

— Куки сегодня вышла замуж.

— Куки?

— За дядю Боба, — кивнула я.

— Да ладно! — восторженно закудахтала бабуля Лил. — Давно пора парнишке сесть на крючок. А то переживаю за него с того самого случая с йогуртом, когда ему всего семь годков было.

Расспрашивать о деталях я не решилась.

— Так ты надолго?

— Пока не родишь. Я просто обязана увидеть девочку, которой все бредят. Народ как с цепи сорвался. Только о ней и говорят. Пришлось даже в полицию звякнуть. Так, на всякий пожарный.

Даже не спрашивайте!

— Ба, это же круто! Я так рада, что ты будешь здесь, когда родится Пип!

— Ни за что бы не пропустила. А ведь мне даже пришлось отказаться от купаний нагишом с седьмым царем Руси. — Бабуля Лил многозначительно поиграла бровями. — Ну и где твой сексапильный кавалер? Видишь ли, мне кровь из носа надо посмотреть на что-нибудь высокое, темное и умопомрачительное. Мужики по мою сторону нечасто глаз радуют.

— Вон там, — рассмеялась я. — Под обстрелом троюродных сестер Куки.

— Супер. Пойду, составлю девочкам компанию.

Я чуть со смеху не рухнула, когда бабуля Лил появилась за спиной у Рейеса и обеими руками стиснула ему зад. Муж бросил на меня обвиняющий взгляд, словно я как-то к этому причастна. Впрочем, беспокоиться было не о чем. Бабуля Лил быстренько заприметила Оша, который всю отбивался от пожилой дамочки, переборщившей с шардоне.

А самое классное — Рейес чуточку покраснел, и я опять влюбилась еще сильнее.

*А вдруг цель моей жизни — служить
предостережением для окружающих?*

Надпись на футболке

День во всех смыслах выдался прекрасный, но кое-кого все-таки не хватало. Ангела — моего мертвого тринадцатилетнего друга и напарника. Ангел никогда не пропускает вечеринок. Я всерьез подумывала его призвать, но о свадьбе он знал, а значит, пришел бы, если бы захотел. К тому же у него полно дел с приемной семьей. Может быть, там сегодня тоже какое-нибудь важное событие.

Но я почему-то сомневалась. В последнее время Ангел вел себя странно. То есть страннее, чем обычно. Временами появлялся неожиданно с таким видом, словно ему срочно нужно куда-то бежать, и месяцами со мной почти не разговаривал. Может быть, он гораздо лучше воспринял наш с Рейесом брак, чем я думала. Может, даже уважал наш союз. А может быть, его просто-напросто до чертиков пугала моя беременность. При каждом появлении Ангел как будто намеренно не смотрел в сторону Пип. Надо будет с ним основательно побеседовать и посоветовать хорошего психиатра. Правда, учитывая обстоятельства, задача непростая. Жаль, что Джемма не умеет общаться с призраками.

Прошло еще два часа, и гости стали постепенно рассасываться. Не в буквальном смысле, потому что тела у них все-таки материальные. Короче говоря, некоторые начали подходить к молодоженам, чтобы еще раз их поздравить и попрощаться. Я никак не могла понять, почему они уезжают, когда Куки и дядя Боб все еще здесь. Вообще-то, счастливую пару положено провожать в предмедовомесячный медовый месяц под ливень из риса. Такова традиция, а мне нечасто выпадает шанс побросаться чем-нибудь в дядю или в лучшую подругу. Плюс бросаться я планировала очень и очень метко, но женатики все никак не отчаливали. Куки до сих пор бродила среди гостей в свадебном платье, а Дибби — в смокинге. Оба танцевали, ели и пили, словно вообще никуда не собирались.

Разве не хочется им побыть наедине в тихой и спокойной обстановке? Мне, например, до боли хотелось остаться наедине с моим нечеловечески сексапильным мужем. Правда, совсем не хотелось, чтобы он переодевался. Много ли у меня будет шансов содрать с него костюм? А сейчас появилась наконец возможность разыграть все свои фантазии на тему Джеймса Бонда, которые не давали мне покоя лет, кажется, с двух. Вот только очень скоро мне предстояла еще одна встреча, так что сдирание одежды придется отложить. Наверное, это даже хорошо, что Рейес был так занят. Время от времени он заскакивал узнать, как у меня дела, но его постоянно куда-то забирали. Даже заставили сказать тост. Речь вышла очень даже ничего. О том, что в свое время дядя Боб несправедливо упек его в тюрьму за убийство, Рейес упомянул всего один раз. Так что да, тост получился отличный.

В очередной раз по пути ко мне Рейеса отвлекла женщина, вполне годившаяся ему в бабушки, и я рассмеялась, заметив, как натянуто он ей улыбается. Дамочка флиртowała, хлопала ресницами и раз двенадцать погладила Рейеса по плечу, отчего чувствовал он себя еще более неловко. В конце концов, пока бабулька разговаривала и драматически жестикулировала, он достал сотовый и что-то напечатал. Точно, конечно, я не знала, но могла побиться об заклад, что дамочка рассказывает ему, как работала стриптизершей, пока

не сломала бедро.

Пикнул мой телефон. Я достала его из маленького изящного клатча в тон платью и прочла сообщение от Рейеса:

«Ты спасти меня собираешься, или как?»

«Даже не знаю, — ответила я. — Мне сейчас ужасно весело. Хочешь секса по смс?»

Все еще держа телефон, Рейес сложил руки на груди. Потом прислонился спиной к дереву и, усмехнувшись, написал:

«Еще как».

«Класс. Что на тебе надето?»

Его глаза лукаво вспыхнули.

«Леопардовые трусы и носки в полоску».

Я расхохоталась, заработав любопытные взгляды всех, кто был поблизости, и написала ответ, на этот раз абсолютно серьезно, без всяких шуток:

«Ты поразительный. Как так вышло, что ты настоящий?»

Рейес тоже посерьезнел и не меньше минуты смотрел на телефон, а все та же бабулька в красочных подробностях описывала свою операцию по замене тазобедренного сустава. По крайней мере так это выглядело с того места, где стояла я. Рейес поднял указательный палец, чтобы остановить рассказ о послеоперационном восстановлении, и пошел ко мне. От его взгляда внутри все плавилось. Походка была напряженной, как у пантеры на охоте. А смокинг стократно умножал впечатление. Глубоко-глубоко у меня в животе разлилось тепло. Через каких-то три шага Рейес оказался в кухне и остановился прямо передо мной.

Я подняла голову и взглядом обвела очертания чувственных губ, суровые линии подбородка и челюсти... Мгновение спустя сильная рука легла мне на затылок, словно Рейес собирался притянуть меня к себе, но тут раздался голос Эшли:

— Тетя Чарли! Дядя Рейес! Мама говорит, нам уже пора.

Рейесу удалось поймать ее как раз в тот момент, когда она прыгнула ему на шею.

— Можно я останусь на ночь? Ну пожа-а-а-алуйста!

В кухне появилась Бьянка, покачала головой и наградила нас с Рейесом таким взглядом, что было ясно: нас ждут неприятности, если мы ее не слушаем.

Я погладила Эшли по спине, попутно обалдев от того, как крепко девчушка обнимала Рейеса. Ее голова лежала у него на плече, а красивые губки премиленько надулись.

— На сегодня дяде Рейесу с головой хватило женского внимания, — рассмеялся Амадор, с трудом отклеивая дочь от Рейеса. — Меньше всего ему нужно, чтобы за ним повсюду таскался оранжевый ураган.

Весь день Амадор называл наши платья оранжевыми. В основном потому, что Эшли оранжевый цвет терпеть не могла.

— Это цвет корицы, — проворчала она, расстроенная тем, что мы не устраивали пижамную вечеринку после приема.

— Тете Чарли нужно отдохнуть, — добавила Бьянка, взяв Эшли за руку, как только Амадор поставил дочку на пол.

— Мы можем отдохнуть вместе, — не унимался «ураган».

Видимо, я избаловала Эшли нашими киношными ночами. Впрочем, ни капельки об этом не жалела.

— Посмотрим какой-нибудь фильм, пока дядя Рейес будет делать порнокорм.

Все вокруг застыли с открытыми ртами, а мы с Рейесом едва сдерживали смех.

Ситуация сложилась не из простых, и было бы как минимум неуместно прямо сейчас разразиться хохотом.

— Попкорн, солнышко, — поправил Амадор и взглянул на Бьянку. — Надо как можно скорее научить ее правильно говорить это слово.

Я все-таки не сдержалась. Пришлось покашлять, чтобы хоть как-то скрыть смех. Рейес отвернулся, явно не в силах совладать с улыбкой.

— Я пыталась, — смущенно пробормотала Бьянка и посмотрела на дочь. — Давай так. Как только вернемся домой, сразу пойдем в «Макдональдс». Договорились?

Со стороны Бьянки это был чуть ли не подвиг. Она не из тех, кто закармливает детей фастфудом.

— Ура! — закричал только что ворвавшийся в кухню Стивен и помчался зигзагами. Притворился, будто свернет влево, ловко уклонился от родительских рук и побежал направо. Через секунду его поймал Рейес и подбросил едва ли не к потолку. Стивен звонко рассмеялся. — Когда-нибудь я стану таким же быстрым, как ты!

— Держу пари, твой отец намного быстрее, — отозвался Рейес.

— Даже не начинай! — весело фыркнул Амадор. — Я свой урок давным-давно усвоил.

Бьянка пощекотала босую ногу сына:

— Если пойдем в «Макдональдс», тебе придется обуться.

Стивен никогда особенно не фанател от обуви, носков и от одежды вообще. А однажды и вовсе сбежал из дома в одних трусах. Нашли его, когда он мчался по улице и рассказывал каждому встречному, что его маму похитили инопланетяне.

— Не люблю ботинки, — пожаловался Стивен и практически обернулся вокруг шеи Рейеса, пытаясь увильнуть от Бьянки, которая натягивала на сына носки.

— А помнишь, что написано на дверях в «Макдональдс»? «Босоножкам вход воспрещен».

Стивен перестал извиваться и уставился на мать так, словно та выжила из ума:

— Ну я же не босоножка. И вообще я не обувь.

И опять мне с трудом удалось не рассмеяться.

— Он прав, — улыбнулся Рейес.

— Смейся-смейся, *pendejo*^[3], — поддразнил Амадор. — Будет и на твоей улице праздник.

Рейес взглянул на меня:

— Жду не дождусь.

Мы все обнялись на прощание. Меня просто распирало от надежд по поводу Пип. В последнее время смотреть на Рейеса с Эшли и Стивеном стало моим любимым занятием. Ужасно не терпелось увидеть, как он станет вести себя с Пип. Если она будет хотя бы наполовину такой же очаровательной, как дети Амадора и Бьянки...

И тут меня осенило. Я посмотрела на Пип, потом на Рейеса. Глазом моргнуть не успеем, как она начнет вить из него веревки.

— Кажется, нам светят проблемы.

Рейес рассмеялся и крепко меня обнял.

— Ни капельки не сомневаюсь, — сказал он и потащил меня в темный угол.

Я хихикнула и тут же ахнула, когда он наклонился и прикусил мочку моего уха.

— Я же размером с Неваду! Как вообще меня можно хотеть?

— Что ж, видимо, я влюблен в Неваду, — ответил Рейес глубоким и нежным, как и его поцелуи, голосом.

Если бы возле нас не стояла какая-то дамочка, момент был бы идеальным.

— У тебя самая старая душа из всех, что мне доводилось видеть, — сказала она, пристально глядя на меня.

— Ну спасибо, что ли, — буркнула я в ответ и, когда Рейес наконец поднял голову, стала рассматривать женщину.

На ней было выдавшее виды платье в цветочек, под которое явно не надели лифчик. А зря. Поддержка бюстгалтера в этом конкретном случае очень бы не помешала. Чуть раньше я видела, как она копается в наших шкафчиках, думая, что никто не обращает на нее внимания. Зуб даю, аптечку в ванной она уже прошерстила.

— Ты древняя.

Да уж. Совсем не обидно. Я выпрямилась.

— Вообще-то, мне всего...

— Ты старше звездной пыли в небе, — перебила меня дамочка.

Глаза у нее были мутные, и я мигом решила, что никогда больше не буду устраивать свадьбы с неограниченным количеством спиртного, на которое явно слетаются всякие психи.

Внезапно Рейес отступил на шаг, словно что-то на улице привлекло его внимание.

— Пойду, проверю, как там Артемида.

— С чего вдруг? — офонарела я.

С каких пор его волнует, как дела у мертвой собаки? В смысле... ну какие ей могут грозить неприятности?

— Ты старая, как само время.

— Послушайте, — я уже всерьез начинала раздражаться, — не каждой девушке приятно такое слышать.

— Ты старше, чем...

— Да елки-палки! А знаете что? — Я потащила дамочку из угла обратно в центр кухни, где Дениз мыла посуду. — Здесь шампанского больше, чем на улице. И не верьте, если кто-то скажет, будто оно закончилось. Смело посылайте всех куда подальше. Идет?

В этот самый миг с выражением чистейшего ужаса на лице появилась Куки.

— Люсиль, может быть, поищешь дядю Томми? Он тебя обыскался.

— Боже мой! — ахнула женщина и помчалась во двор.

— Извини, пожалуйста, — сказала Кук. — Люсиль тебя больше не побеспокоит. Дяди Томми давным-давно нет, так что искать ей придется до посинения.

— Мне очень жаль. Как он умер?

— Да не умер он. Просто как-то ночью упаковал вещички и двинул на Аляску. До сих пор раз в несколько лет получаем от него открытки.

— А знаешь, у тебя очень разношерстная родня. — Я глянула на Дениз, которая пыталась вывести пятно со скатерти. — Впрочем, так, наверное, у всех.

— Нет-нет, ты права. Мои родственнички кому угодно дадут фору. Именно поэтому некоторых из них ты сегодня видела впервые.

— Они у тебя классные, Кук, честное слово. А почему ты никогда не говорила, что твоя кузина Люсиль ясновидящая?

— Говорила. Ну вспомни! Я говорила тебе, что она не похожа на остальных, в тот вечер, когда мы играли в «Обдурь соседа» с парой с первого этажа.

— Ты говорила, что она не похожа на остальных, но не говорила, что она ясновидящая.

Куки наградила меня скептическим взглядом:

— То есть совсем-совсем, по-настоящему ясновидящая?

— Ага. Может быть, у Эмбер это от нее.

За один присест Куки скакнула от сомнений к ужасу.

— Типун тебе на язык! Эмбер совсем не такая, как Люсиль. — Словно молнией, подругу поразило страхом. — Люсиль коробками хранит свечи от геморроя. Причем с семидесятых.

— Пусть так, но дар наверняка передается в вашей семье из поколения в поколение. Сама знаешь, твоя дочь очень даже особенная.

— Особенная, но не в этом смысле.

— Ну ладно, — рассмеялась я. — И все-таки жаль, что Люсиль еще в юном возрасте все сочли чокнутой. На самом же деле она всего лишь...

— Эксцентричная, — закончила Куки. — Поняла. Но я же не знала, что у нее действительно есть какой-то дар.

— Думаю, этого никто не знает. Зато ты хоть не пытаешься подавлять одаренность Эмбер и даешь ей возможность развивать таланты, чтобы когда-нибудь она тоже не превратилась в барышню с тоннами лекарств от геморроя.

— Сделаю все, что смогу, чтобы этого не случилось.

Куки кивнула проходившей мимо кухни Люсиль. Бедняжка спрашивала у всех, кто остался, не видели ли они Томми.

— Минуточку! — спохватилась я и нахмурилась. — Разве вам с Дибби не пора двигать навстречу одноразовому сексу? В смысле в предмедовомесячный медовый месяц?

— Ну, вообще-то, — рассмеялась подруга, — пора, но ведь у нас на руках пропавшая девочка, а у нее уж точно приоритет.

— Чего? — На меня будто ушат холодной воды вывалили. — Ну нет, Куки. В день своей свадьбы ты ни за какие коврижки работать не будешь. Господи, я даже не могу... — Чирикнул мой сотовый. Пришло сообщение, которого я ждала весь день. — Мне пора бежать...

— Куда?

— А ты, дорогуша, поедешь в свой предмедовомесячный медовый месяц. И это приказ.

— Так куда ты намылилась?

— Я серьезно, Кук. — Я промчалась мимо подруги. Точнее проковыляла мимо нее быстрее, чем обычно. — Когда вернусь, чтобы ноги твоей здесь не было.

— Тебе нельзя выходить за пределы священной земли.

Я прихватила по пути свитер и буквально перед тем, как за мной закрылась парадная дверь, успела крикнуть:

— Езжай, говорю!

Возле припаркованных машин слонялись гости. Я быстренько семенила мимо них, надеясь, что никому не придет в голову позвать меня попрощаться. А еще старалась не смотреть на призраков, которые попадались на пути. Приходилось изображать чудеса

ловкости, чтобы не наткнуться на них, и надеяться, что гости не сочтут меня пьяной. Ну серьезно, разве им домой не надо? Я продолжала идти вперед, глядя себе под ноги и сильно рискуя. Если Рейес вернется и поймет, что меня нет, то точно развернет полномасштабные поиски.

К счастью, он не увидит, как я иду в лес со стороны заднего двора. Если, конечно, не будет знать, куда именно смотреть. Я специально нырнула в первую линию деревьев и обошла вокруг монастыря, пока не оказалась на тропинке, ведущей к дороге метрах в ста от здания. Уклоняясь от веток и призраков, я ковыляла по сухой пожелтевшей траве так быстро, как только несли ноги, и постоянно оставалась начеку, даже зная, что Дюжине сюда не пробраться. Псы уже не раз на меня нападали, и мне ни за что не хотелось бы снова испытать на своей шкуре острые как бритва зубы в мощных челюстях.

Где-то вдалеке я слышала рычание. От низкого звука дрожала земля, напоминая о том, что все эти месяцы монстры неустанно патрулировали границы. Чем дальше я уходила в лес, тем сильнее нервничала. Наконец появилась дорога с припаркованным на обочине синим седаном. Я остановилась. От быстрой ходьбы по неровной земле болели ноги. Рычание стало громче, эхом отражаясь от деревьев и вибрируя у меня в груди. Из всех сил я старалась подавить страх, чтобы ненароком не вызвать того, кого не хотела посвящать в планы встретиться наедине с представителем его же пола. Однако легче сказать, чем сделать. Адские псы знали, что я направляюсь прямоком им в лапы и уже нахожусь буквально в нескольких шагах от границы, где меня легко можно сцапать и утащить со священной земли. Еще раз оглянувшись, чтобы узнать, не идет ли за мной Рейес, я громко сказала:

— Я уже здесь!

Из-за дерева вышел высокий мужчина лет шестидесяти с небольшим, в костюме и с военной стрижкой. Подойдя ближе, он оглядел меня с ног до головы.

— Мистер Аланис, — поздоровалась я.

— Мисс Дэвидсон, — в тон ответил он. — Не знал, что мне следовало одеться поофициальнее.

— Вы об этом тряпье? — отшутилась я. — Набросила буквально перед выходом. — Он подмигнул, и я добавила: — Моя лучшая подруга сегодня вышла замуж. Я не успела переодеться.

— Понимаю. И все же не советовал бы вам ходить этим путем в такой обуви. Тем более в вашем положении.

— Знаю-знаю, но мне пришлось незаметно улизнуть. Кстати, спасибо еще раз, что согласились вот так со мной встретиться.

— Не стоит благодарности.

Мистера Аланиса так и пожирало любопытство по поводу меня и наших с ним тайных встреч, вот только вопросы здесь задавал не он.

Дело в том, что мистер Аланис — частный детектив, которого я наняла через пару недель после того, как мы обосновались в монастыре. Сидя взаперти, я не могла расследовать убийство папы, поэтому наняла того, кто мог. Само собой, этим делом активно занимался дядя Боб и все управление полиции Альбукерке, но я еще никогда не чувствовала себя настолько беспомощной и бесполезной. Теперь свобода значила для меня намного больше, чем когда бы то ни было. Я просто обязана была вмешаться в расследование и сделать все, что в моих силах. Если это означало пойти против воли Рейеса и Дибби, пусть так.

Посмотрев куда-то мимо меня, мистер Аланис сказал:

— Я не стану спрашивать, почему мы с вами встречаемся тайком, и все же обязан знать, грозит ли вам какая-нибудь опасность.

Я прислушалась к тяжелому дыханию адских псов. Эх, знал бы он...

— Нет, — отмахнулась я. — Вовсе нет.

И не соврала. Той опасностью, о которой говорил детектив, и не пахло. Он хотел знать, не боюсь ли я Рейеса или еще кого-нибудь, кто мог бы случайно на нас наткнуться.

— А если вас поймают с поличным? Что тогда?

И правда, что тогда?

— Скажем так, мой муж во мне разочаруется, но с его стороны никакая опасность мне не угрожает.

Кажется, мой ответ собеседника удовлетворил, но он все же бросил еще один взгляд на деревья у меня за спиной.

— Итак, что вам удалось выяснить? — спросила я, чтобы поскорее со всем этим закончить.

Еще чуть-чуть, и Рейес поймет, что меня нет. Честно говоря, меня удивляло, что он до сих пор не узнал о наших встречах с мистером Аланисом. Все вокруг твердили, что я яркая. Настолько, что меня можно увидеть из любого уголка планеты. Так почему же Рейес ни разу не увидел, как я сбегая из монастыря? Да и вообще, как он может не знать, где я нахожусь в каждую конкретную минуту?

Метрах в трех от меня раздалось рычание. Я застыла, глядя, как сверкнула и исчезла за деревьями серебристая пыль. От страха сжалось сердце. Мистер Аланис потер заросший светлой щетиной подбородок и достал блокнот.

Я приходила сюда раз десять, не меньше, и псы еще никогда не подбирались так близко. Как только мы переехали в монастырь, Ош отметил границы священной земли кольями, на которые натянул веревку. Или я находилась ближе к границе, чем думала, или Ош что-то напутал в расчетах.

Между деревьями мелькнула еще одна вспышка серебра, под которой я на миг заметила перекачивающиеся гладкие мышцы. Я слышала, как дышит адский пес, и испытывала настойчивое желание сбежать куда подальше, но чудовище держалось на расстоянии. А значит, пока не было нужды с криками мчаться обратно в монастырь. И все же шею и плечи свело от напряжения, а все чувства пришли в полную боевую готовность.

— Ваш дядя на верном пути, — начал мистер Аланис.

Я моргнула.

— То есть?

— Вы были правы. После нашей последней встречи я остановился вон там, — он показал на узкую дорогу, идущую чуть выше, — и стал ждать. Вскоре появился тот человек и припарковался практически там же, где сейчас стоит моя машина.

Он кивнул на свой седан, а меня с ног до головы обдало волнением.

— Вам удалось за ним проследить? — спросила я.

Парня искала вся полиция, но он, словно призрак, ускользал сквозь пальцы. До сегодняшнего дня.

— Удалось.

Я хлопнула в ладоши. За последние месяцы это была первая хорошая новость. Судя по всему, какой-то чувак следил за мной всю мою жизнь. Узнав об этом, папа сел ему на хвост,

а потом погиб. Мы нашли фотографии этого человека, сделанные папой, но так и не выяснили, кто он такой. Получается, папе удалось выследить парня, а мы и близко не могли к нему подобраться. По крайней мере мы так думали. Однажды я гуляла с Пип и Артемидой и заметила стоявшую на дороге машину. Как только я на нее посмотрела, водитель мигом умчался, но я успела его узнать по папиным снимкам.

Когда папа пропал, мы нашли целую гору фотографий в номере отеля, где он тогда жил. Среди них были и мои снимки. И со времен детства, и сделанные буквально за несколько дней до папиной смерти. Причем погиб он сразу после того, как вышел на этого парня. Я в такие совпадения не верю. Кем бы ни был этот мужик, он наверняка как-то связан со смертью папы. А даже если и нет, то все равно очень хочется узнать, зачем он за мной следил с самого моего рождения.

— Это еще не все. Как я и сказал, вы были правы. У этого человека полно ваших фотографий, причем с самого юного возраста. Однако я проследил за ним до его квартиры и сделал несколько снимков через окно. Кроме фотографий, у него действительно есть о вас статьи и даже снимки из школьных альбомов. Если начистоту, то у него на стенах вся ваша жизнь. Но удивительно то, что некоторые фотографии сделаны практически сразу после вашего рождения.

— И что здесь удивительного?

— Он слишком молод, чтобы так долго за вами следить. Ему тридцать с небольшим. Или он следовал за вами по пятам с пяти лет, или до него был кто-то другой. И этот кто-то делал свое дело очень-очень долго.

Он прав. Имелось у меня подозрение, что я знаю, кто за всем этим стоит. Или точнее что.

Мистер Аланис показал мне фотографию. Я кивнула:

— Это он. Парень со снимков папы.

— Тогда и тут вы были правы. Он работает на Ватикан.

Это я знала. Один из бывших клиентов, отец Гленн, просветил меня по поводу того, что в Ватикане хранят на меня досье с самого моего рождения. Но зачем? И могла ли церковь организовать убийство папы только потому, что он узнал правду? Из-за каких-то нескольких фотографий? Так или иначе, мне нужны были доказательства, что этот человек существует на самом деле. И его адресок в придачу.

Но для начала...

— Почему вы так уверены, что он работает на Ватикан? Есть доказательства?

— Во-первых, церковь оплачивает его счета, — пожал плечами мистер Аланис. — А во-вторых, раз в неделю ему звонят с итальянского номера. Причем номер зарегистрирован на офис где-то на территории Ватикана. Должен признать, о самом Ватикане я мало что знаю, но уверен: у них как минимум несколько десятков отделений, выполняющих самые разные функции. К сожалению, мне не удалось выяснить, на какое конкретно отделение зарегистрирован номер.

— А как вы узнали, что ему оттуда звонят? — спросила я, радуясь тому, что мистер Аланис не зря потратил время.

— Честно говоря, странно получилось. Парень просто-напросто оставил телефон на столике в ресторане, — соврал не краснея детектив. — К тому моменту, как сотовый вернулся к хозяину, я совершенно случайно успел пролистать входящие звонки и прочитать сообщения.

— Да уж, бывают в жизни странные, но очень удачные совпадения.

— Совершенно верно. — Он протянул мне желтый конверт. — И очень может быть, что вся информация находится в этом конверте.

— Буду надеяться на лучшее, — отозвалась я, уже придумывая, как протащить конверт в монастырь. — Вы установили связь между этим человеком и моим отцом? Что-нибудь такое, что докажет его причастность к смерти папы?

— Нет. И полагаю, вы ничего такого тоже не найдете.

— Почему?

— По-моему, он не из тех, кто может кого-то убить и бросить труп в складском отсеке. От напоминания о том, как нашли папу, меня затрясло.

— Что привело вас к таким выводам?

— Во-первых, он вегетарианец. Большинство вегетарианцев жестокостью не отличаются. А во-вторых, он никогда не пропускает мессу.

— Логично. Он же работает на Ватикан.

— Я думаю, его задача — наблюдать и докладывать. По какой-то причине кому-то в Ватикане очень хочется знать о каждом вашем шаге. Ну а этот парень совершенно не показался мне способным на убийство.

Я кивнула, решив довериться инстинктам детектива.

— Имя вам, случайно, узнать не удалось?

— Говард. Если, конечно, оно настоящее.

— Говард? — разочарованно переспросила я.

Ожидала-то услышать что-нибудь экзотическое и итальянское, вроде Альберто или Сезарио. Но чтобы просто Говард?..

— Говард Берковиц.

— Да вы издеваетесь!

— Нет, — улыбнулся мистер Аланис. — Так написано в его документах.

— Ну ладно. Обязательно все просмотрю. А вы скрутите этого Говарда и привезите его ко мне.

— Извините, мисс Дэвидсон, — рассмеялся детектив, — но похищениями людей я не занимаюсь.

— А я и не говорю о похищении. Похитить — это слишком грубо. Уговорите его. Пообещайте что-нибудь взамен. На худой конец, накачайте рогипнолом.

— Этого я тоже сделать не могу. Но у меня есть идея получше.

— Здесь не может быть идеи получше, — расстроено промямлила я.

А ведь думала, что его моральные принципы примерно на том же уровне, что и мои. То бишь практически отсутствуют.

— Может быть, расскажем вашему дяде, который, между прочим, служит детективом в полиции? А он уже притащит парня в участок и хорошенько его допросит.

Я поддела носком камешек.

— Идея-то ничего, вот только меня там не будет.

— Считаете, ваш дядя не сумеет вытащить из подозреваемого правду?

Раз меня там не будет, то я не смогу сказать, врет парень или нет. Но делиться этим с мистером Аланисом я точно не собиралась.

— Да нет, дяде я полностью доверяю. Не могу не доверять. Но мы должны передать ему информацию так, чтобы он даже не догадался, что я как-то в этом замешана.

— Я что-нибудь придумаю.

— Замечательно. — Что ж, по крайней мере мы сделаем шаг в правильном направлении. Я оглянулась посмотреть, не послали ли за мной поисковую команду. Пока все было тихо. — А как насчет другого дела, о котором мы с вами говорили?

— Какого из них? — весело уточнил детектив.

Мне хватило наглости взвалить на него сразу несколько заданий.

— По поводу брата.

— Ах да! — Он пролистал блокнот.

Вот здесь меня могли ждать неприятности. Рейес не хотел, чтобы я в это лезла, и опасения мистера Аланиса за мою безопасность вполне могли оказаться небеспочвенными. Разумеется, муж никогда и ни за что не причинит мне вреда, даже если узнает, что я копаюсь в его прошлом. К сожалению, сказать того же о случайно подвернувшемся ему под руку прохожем никак нельзя.

*Временами я оглядываюсь на свое прошлое
и поражаюсь, что до сих пор жива.*

Надпись на футболке

Когда Рейес, он же Рейазиэль, решил родиться на земле, чтобы мы могли быть вместе, он выбрал себе в родители замечательную пару. Точнее именно такую версию этой истории мне рассказывали. Однако его похитили совсем еще младенцем. Поначалу я думала, что похищение — дело рук Эрла Уокера, жуткого монстра, который, с позволения сказать, вырастил Рейеса. И только практически перед переездом в монастырь узнала, что Эрл его не похищал. Украла Рейеса парочка из Альбукерке по фамилии Фостер. Прямо со стоянки в Северной Каролине. Каким макаром Рейес оказался у Эрла Уокера, мне пока не совсем ясно. Скорее всего Фостеры испугались, что их вот-вот схватят, и продали его Уокеру. Так или иначе, теперь у них был еще один сын. Мистера Аланиса я попросила выяснить две вещи. Во-первых, был ли человек, которого Фостеры называли сыном, действительно их сыном, или его они тоже похитили. А во-вторых, кто все-таки те люди, у которых изначально украли Рейеса. То есть те самые, которых он выбрал себе в родители.

О последнем я просила неспроста. Тридцать лет назад эти люди потеряли ребенка. И уже тридцать лет их сердца разбиты, а мечты загублены. Мне хотелось хоть как-нибудь дать им знать, что их сын вырос и стал замечательным во всех смыслах и благородным человеком.

Поскольку я знала время и место похищения (тридцать лет назад на стоянке в Северной Каролине), мистеру Аланису не составило труда найти биологических родителей Рейеса. Само собой, если Рейес узнает, что я их искала, то точно будет рвать и метать. Он заставил меня пообещать, что я не стану разыскивать этих людей. Вот только, узнав о Пип и о той связи, которая существует между родителями и ребенком, я никак не могла оставить все как есть и позволить этим людям умереть, так и не узнав, жив их сын или нет, счастливы ли он и какие на его долю выпали страдания.

Разумеется, им вовсе не обязательно знать, что Рейес действительно страдал. Причем от мук, которые никакими словами не описать. Но мне казалось, им просто необходимо знать, что он жив, здоров и счастлив... По крайней мере сейчас. Надеюсь, он так и не узнает, что я натворила, и будет счастлив еще очень-очень долго. Мой поступок, конечно, шел вразрез с желаниями Рейеса, но лично я представить себе не могла, каково это — потерять Пип. В голове не укладывалось, что бы я делала, если бы она бесследно исчезла, а я бы так и не узнала, что с ней произошло. Ни один родитель не должен проходить через такой кошмар. Если это означало, что я рискую вызвать на свою голову гнев Рейеса, пусть так. Лично я уж точно буду лучше спать по ночам, если сделаю все, чтобы его родители узнали, каким прекрасным человеком стал их сын.

Короче говоря, как только мистер Аланис нашел биологических родителей Рейеса, я придумала план. Написала письмо от имени якобы незаинтересованного частного детектива и попросила мистера Аланиса анонимно послать это письмо по нужному адресу. Ни имени Рейеса, ни где он живет, ни о том, через что ему пришлось пройти, я не упомянула. Дала лишь общую информацию. Ровно столько, чтобы его родители могли наконец покончить с

сомнениями и продолжать жить своей жизнью. Точнее я надеялась, что все будет именно так.

— Учитывая возраст и внешность сына Фостеров, я практически на сто процентов уверен, что он один из троих детей, пропавших в то самое время, когда Фостеры его усыновили.

— А вы уверены, что они его усыновили?

— Агентство, на которое я вышел, давным-давно закрылось. Но мне удалось выяснить, что работало оно каких-то несколько месяцев и успело организовать всего три усыновления.

— Три?

— Так точно. Впрочем, должен признать, что человек, о котором мы говорим... В общем, на вид с ним все в порядке. Уверены, что хотите открыть эту банку червей?

— Шутите? Я обожаю червей. Если Фостеры его похитили, то его настоящие родители имеют право знать правду. Да он сам имеет на это право! Или... или вы думаете, что он уже знает?

— Очень сомневаюсь. Судя по документам, ему было всего несколько недель от роду.

— Что ж, нам придется как-нибудь решить эту проблему. А пока... как прошло другое задание?

Написать письмо родителям Рейеса о том, что он жив-здоров и стал прекрасным человеком, оказалось сложнее, чем я думала. Никак не удавалось найти правильный способ рассказать скорбящим людям, что сын, которого они когда-то потеряли, вырос и теперь с ним все в порядке.

Загвоздка заключалась еще и в том, что Рейес запретил мне общаться с этими людьми напрямую. Тут я все сделала так, как он хотел. Письмо ведь отправил мистер Аланис, а не я. Правда, я не стала предупреждать детектива о привычке Рейеса рубить позвончики. Да и мой любимый ни о чем не узнает. И это хорошо, потому что его ярость вполне способна прикончить наш мир. Слава богу, я прекрасно умею замечать следы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Забавно, что вы о них упомянули.

— О них? — переспросила я.

Детектив откашлялся. Попялился на конверт, который держал в руках. Оглянулся.

— Мистер Аланис?

— О биологических родителях вашего мужа.

— Вы отправили письмо?

— Отправил, да. — Ему вдруг стало так не по себе, что я разволновалась.

— И?

— Они здесь.

— Кто здесь?

— Биологические родители вашего мужа.

Несколько долгих секунд до меня доходил смысл сказанных слов. А когда дошел, я испытала шок покруче, чем если бы меня выволокли из сауны и окунули в ледяное озеро. Нервы опалило огнем, и я с отвисшей челюстью уставилась на детектива.

Он нервно поскреб макушку.

— Они... то есть моя помощница...

— Умоляю, скажите, что вы пошутили.

— ... указала на вашем письме обратный адрес.

— Нет.

— Да, и...

— Не может быть.

— Может.

— Нет. — У меня под ногами зашаталась земля. — Пожалуйста, скажите, что это неправда.

— Мисс Дэвидсон, они угрожали позвонить в ФБР...

Вокруг все помутнело, и впервые за долгие месяцы я чуть не потеряла сознание. Только на этот раз никто меня не бил, ничем не накачивал и не пытался раскатать по асфальту. Причины были исключительно естественные. Например, гремучая смесь волнения и дикого, оступляющего ужаса.

— ... если я не объясню, что происходит и откуда получил информацию об их сыне. А поскольку я знаю, что такая развязка вряд ли пришлась бы вам по вкусу, то решил, что вы могли бы сами все объяснить и...

В глазах потемнело. Рейес точно меня убьет.

— ... придумать, как все организовать.

Минуточку! Я же все-таки беременна, и не от кого-нибудь, а от него! Не может он меня убить. Это незаконно почти во всем мире.

— Как-нибудь поаккуратнее расскажете обо всем мужу, а потом и познакомите их. За бутылочкой вина.

Последнее, что я запомнила, — это как мир почему-то стал мягким и пушистым. А потом все кануло во тьму.

— Несем ее в машину.

Я простонала нечто нечленораздельное, когда чья-то рука подхватила меня под плечи. Вторая оказалась под коленями и, едва меня оторвали от земли, послышался тяжелый вздох. Я открыла глаза. С помощью двух других людей мистер Аланис тащил меня куда-то на руках.

Блин! Меня похищают!

Нет. Хуже. Меня уносили за границу священной земли. И, пока я безвольно приближалась к смерти, воздух вокруг дрожал от низкого рычания.

— Подождите, — проямлила я, пытаюсь проморгать туман в глазах. — Мистер Аланис, отпустите меня. Со мной все в порядке.

Он опустил на одно колено.

— Точно?

— Честное слово.

Как только задница коснулась земли, я поползла обратно. От псов меня отделяли считанные сантиметры. Любой из монстров мог схватить меня за ногу и перетащить через границу, но никто из них ничего не сделал. Правда, все дружно рычали и клацали зубами, обещая страшную расправу.

Поднявшись на ноги, я оказалась лицом к лицу с женщиной. Видимо, это и есть биологическая мать Рейеса. И она была удивительно красивой. Мягкие светлые волосы,

ласковые серые глаза. Каким-то чудом, несмотря на приключившуюся с ней беду, ей в таком возрасте удавалось выглядеть замечательно. Горе этих людей было настолько глубоким, что они так никогда и не завели других детей. По крайней мере я так думала.

— Миссис Лоэр, — поздоровалась я, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце.

— Вы знаете, что с моим сыном? — без предисловий начала она, и черты ее лица ожесточились. Я поняла, в чем дело. Эта женщина не знала, может ли верить в происходящее и имеет ли право на надежду спустя столько лет. — Где сейчас Райан?

Так называли Рейеса при рождении. Райан Александр Лоэр. Тот факт, что средние имена совпадают, а все три — данное при рождении, то, под которым я его знала, и неземное, Рейазиль — начинаются на букву «Р», поразил меня до глубины души еще тогда, когда я об этом узнала.

Я оглянулась на монастырь, чья крыша отсюда едва виднелась. Пока что никто не заметил моего отсутствия, но вряд ли у меня осталось много времени. Я посмотрела на мистера Лоэра. У него были темные волосы и карие глаза, чем, наверное, можно объяснить цвет волос и глаз Рейеса, потому что ничего другого от внешности биологических родителей в нем не осталось. Видимо, Рейес и правда был похож на Люцифера. По крайней мере в том, что касается красоты.

Я должна была потянуть время. Еще хотя бы немножко.

— Позвольте мне для начала сказать, что я замужем за человеком, который, по моему мнению, может оказаться вашим сыном.

Миссис Лоэр прикрыла изящной ладонью рот. В ее глазах блеснули слезы.

— Если вы вернетесь в Альбукерке, то даю слово, что свяжусь с вами как можно скорее. Такие новости я обязана преподнести Рейесу очень аккуратно.

— Рейесу? — еле слышно переспросила миссис Лоэр. — Его зовут Рейес?

Фамилию я называть не стала, чтобы им не пришло в голову погуглить сына. Ни к чему им знать подробности, пока у меня не будет возможности все объяснить.

— Я вас очень прошу довериться мне и не звонить в ФБР, пока я не расскажу мужу, что натворила.

— Значит, письмо написали вы, — подал наконец голос мистер Лоэр.

— Да. — Я положила руки на живот. — Мне хотелось, чтобы вы знали, что он жив и здоров. Что он стал прекрасным, удивительным и самым замечательным человеком из всех, что мне встречались в жизни.

— Я не могу понять, — снова заговорила миссис Лоэр, — почему он с нами не связался? Почему вы не сказали ему, что нашли нас?

Я закрыла глаза и опустила голову.

— Он был категорически против того, чтобы я вас искала.

Мои слова причинили ей боль. Я почувствовала, как эта боль уколола ее в самое сердце.

— Но не по тем причинам, которые могут прийти вам в голову.

— Тогда почему?

— Он считает, что больше вас не заслуживает.

— То есть как это? — На лице миссис Лоэр отчетливо читалось недоумение.

Я взяла ее за руку.

— Я не стану вам лгать. В жизни ему пришлось нелегко. Очень нелегко.

Чтобы не расплакаться, миссис Лоэр поджала губы.

— Он не хочет, чтобы вы знали, через что ему пришлось пройти. Не хочет усугублять

чувство вины, которое вы наверняка до сих пор испытываете.

Она опять прикрыла ладонью рот, а мистер Лоэр обнял жену за плечи.

— Прошу вас, поймите, он точно не обрадуется, узнав, что я с вами связалась.

— С вами все будет в порядке?

— Да. Ничего ужасного он не натворит. Может быть, выскочит на улицу или что там еще любят делать мужчины, но мне точно не причинит никакого вреда. Он меня обожает.

— А можно... — начал мистер Лоэр, но из-за бурлящих в нем чувств не сумел договорить.

Я затаила дыхание.

— Можно нам хотя бы увидеть его фото? — попросила миссис Лоэр.

— Конечно.

Я достала сотовый, пролистала фотки, пока не нашла ту, где Рейес не был бы наполовину голым, и отдала телефон Лоэрам.

Оба ахнули. Одновременно.

На выбранной мной фотографии Рейес был в самой обыкновенной рубашке, но на нем она смотрелась круто. Впрочем, на нем, блин, все так смотрится.

Миссис Лоэр коснулась экрана дрожащими пальцами.

— Он похож на твоего дядю Сэла.

— А по-моему, на моего прадеда.

Может быть, с выводами насчет семейного сходства я поторопилась. Как только появится шанс открыто пообщаться с этими людьми, не рискуя при этом собственным браком, сразу потребую все семейные альбомы.

— Он такой красивый! — грустно вздохнула миссис Лоэр.

— Каждый день ему об этом твержу, — абсолютно серьезно поддакнула я.

Она печально улыбнулась:

— Когда мы сможем с ним увидеться?

Я задумчиво прикусила губу, а потом ответила:

— Если вы дадите мне пару дней, я обещаю, что он с вами свяжется.

— Это наш внук? — вдруг спросила миссис Лоэр, и я ошеломленно застыла.

— Да, — наконец отозвалась я и погладила живот. Это же надо! У Пип будут настоящие дедушка и бабушка! Дениз не в счет. — Точнее внучка.

Миссис Лоэр нерешительно шагнула вперед:

— Можно?

— Конечно.

Она погладила мой живот, как будто я Будда. Что, в принципе, логично. Буддой я себя и чувствовала.

— Как ее зовут?

— М-мм, пока что Пип.

Лоэры рассмеялись. Не удержался и мистер Аланис.

— В общем, я бы еще осталась, но мне очень нужно в туалет.

— Конечно-конечно! — тут же спохватилась миссис Лоэр и обняла меня на прощание.

Ее муж сделал то же самое, и меня переполнило чувствами, которые бурлили в нас троих. Ну и как мне скрывать такое от Рейеса, пока не выпадет шанс нормально с ним поговорить?

Мистер Лоэр протянул мне визитку:

— Здесь мой номер. Мы остановились в «Марриотте» на проспекте Луизиана.

— Поняла. Позвоню, как только с ним поговорю.

— Не могли бы вы... — начала миссис Лоэр, а потом помолчала, подбирая слова. — Не могли бы вы передать ему, что мы его любим? Что желаем ему только самого лучшего?

— Разумеется.

Я осталась посмотреть, как все трое добрались до машины мистера Аланиса и уехали, а потом пережила очередной приступ паники.

Как, бога ради, я все расскажу Рейесу?

Я глянула на адских псов, бродящих вдоль границы. Их мех серебрился, как рыбы в пруду. Мне были видны лишь части мощных тел, которые то появлялись, то исчезали, словно полупрозрачные отражения каких-то миражей. Чем ближе я подходила, тем громче рычали и клацали зубами, как голодные пираньи, псы. Им явно не терпелось отщипнуть от меня хотя бы кусочек. Интересно, могу ли я подойти еще ближе? Смогут ли они схватить меня и перетащить через границу, не ступая на священную землю?

И все-таки подобраться ближе я не осмелилась, потому что не собиралась рисковать жизнью Пип. Но смотрела во все глаза, пытаюсь отыскать на псах метку. Ош говорил, что у всех адских созданий есть своя собственная метка — что-то вроде символа того, кто они такие и какими обладают силами. Мне казалось, если я смогу разглядеть эти метки, а потом их нарисовать, мы получим ответ, который поможет нам в наших поисках. И наконец-то поймем, как убить адских псов.

Но, как бы близко я ни подходила, никаких меток не видела. Правда, я понятия не имела, что искать. Видела только серебристую пыль на черном-черном меху, который не отражал, а поглощал свет. На самом деле серебристый цвет и был отражением бесконечной, непроглядной черноты. Но никаких меток я так и не увидела. Может быть, все дело в том, что я еще не научилась видеть то, что видели другие сверхъестественные существа. Может быть, если бы я больше понимала, кто я такая и на что способна, то смогла бы увидеть зверей насквозь.

Один зарычал, и я увидела очередной серебряный проблеск. На этот раз вместе с пастью, утыканной наводящими ужас зубами. Пес бросился на меня. Я отшатнулась и споткнулась в ботинках на низких каблуках, но успела устоять и не грохнуться на задницу. И слава богу, потому что Пип явно бы не впечатлили мои навыки держать равновесие.

Как только я пришла в себя, откуда-то сзади послышался мужской голос:

— Один т-толчок, и т-ты бы с-стала их обедом.

Обалдев, я развернулась и увидела Даффа. Дафф — мертвый заика двадцати с чем-то лет. На макушке у него всегда бейсболка, а на глазах — очки. Мне он с первого дня казался клевым. И то, что он заикался, играло не последнюю роль. Но с недавних пор мне от него жутковато. Понятия не имею почему, если, конечно, не принимать во внимание, что все его слова в мой адрес в последнее время так или иначе передают скрытую угрозу.

Дафф улыбнулся мне, но не сразу. Несколько секунд он просто стоял, замороженно глядя на рычащих зверей, снующих вдоль границы и ждущих, когда я окажусь у них в лапах. Казалось, будто Дафф восхищен адскими псами. Однако он быстро взял себя в руки, и выражение его лица потеплело.

— Что ты здесь делаешь, Дафф?

— П-просто з-заскочил узнать, к-как у т-тебя дела.

— Зачем? — подозрительно спросила я. — Тебя Рейес послал?

— Н-нет. Нет. Я сам пришел. В-видел, как ты уходишь, и п-подумал, вдруг т-тебе нужна помощь.

— И с чего тебе пришло такое в голову?

В последнее время Дафф частенько ошивался поблизости, причем появлялся там, где не имел права появляться. Вообще-то, он буквально меня преследовал, а учитывая наличие парня из Ватикана, преследователей мне по горло хватало. Я все думала поговорить о Даффе с Рейесом, но мне не хотелось выбрасывать призрака из нашей жизни без видимых причин. Впрочем, начинало казаться, что все идет именно к этому. Порой Дафф говорил престранные вещи. Хотя, может быть, он просто-напросто не умеет общаться с людьми. Мне такие встречались. Например, кузина Куки Люсиль. Или любая из ее троюродных сестер. Или ее же дядя по материнской линии. Да вообще вся ее семья вполне могла стать объектом гарвардских исследований.

Вот только Дафф, как по мне, вел себя слишком странно. Поймите меня правильно, странности я люблю, но странности Даффа казались жутковатыми, словно каждый шаг он делал не просто так, а преследуя какую-то скрытую цель. Как будто испытывал судьбу, хотел узнать, как далеко сможет со мной зайти. Что ж, если так и дальше пойдет, то скоро узнает.

Однако к тому, что он дальше сказал, я была совершенно не готова.

— Интересно, что произойдет, если кто-нибудь толкнет тебя через границу?

Я проследила за его взглядом, увидела веревку, натянутую Ошем, и в упор посмотрела на Даффа:

— Ты мне угрожаешь?

Его глаза широко распахнулись.

— Нет! И никогда бы так не поступил. Просто... то есть п-просто мне интересно, что бы они сделали. Псы.

— Разорвали бы меня на кусочки. — Ну все, хватит с меня на сегодня сумасшедших. — Прости, Дафф, но мне пора возвращаться на свадьбу.

— К-конечно, — отозвался он и исчез.

Я успела заметить, что напоследок он бросил напряженный взгляд на Пип, которая кувыркнулась, как будто тоже заметила этот взгляд. По крайней мере мне так показалось. Я развернулась, чтобы пойти дальше, и врезалась в мертвого тринадцатилетнего гангстера.

— Ангел! — взвизгнула я, потому что от радости мой голос взлетел на октаву, обняла его и поцеловала в щеку. Мы давно не виделись, и мне его ужасно не хватало.

Он осторожно обнял меня в ответ, как будто боялся раздавить ребенка в животе.

— Где тебя носило? — спросила я, отстранившись на расстояние вытянутой руки.

На нем были все та же красная бандана и все та же грязная футболка. А когда я поцеловала его в щеку, мне пощекотал губы знакомый пушок. Как всегда, Ангел лукаво улыбался, снова и снова заставляя меня гадать, что у него на уме.

— Да везде. А ты все еще суперская. Я б тебя и такую уложил.

— Ну и ну! — С трудом, но мне все-таки удалось улыбнуться шире. — С твоей стороны это очень мило, но как-нибудь перебыюсь.

— Если вдруг передумаешь, — пожал плечами Ангел, — у тебя есть мой номер.

Я фыркнула и честно призналась:

— Я по тебе скучала. Как поживает твое семейство?

Он опустил голову. Видимо, до сих пор ему было трудно принять тот факт, что семья лучшего друга стала и его семьей тоже.

— Порядок. Мама со своими племянницами целый день готовили тамале.

Мой рот тут же наполнился слюной. Ей-богу, Павлов вполне мог заменить мной одну из своих собачек.

— Хотел, кстати, кое-что тебе сказать.

— Ух, как серьезно звучит! — поддразнила я.

— Держалась бы ты от него подальше.

От Рейеса, что ли? Опять?

— Солнышко, я вышла за него замуж. И вот-вот рожу от него ребенка.

Ангел еще ниже опустил голову, чтобы спрятать лицо.

— Не от него. От того чувака, который только что был здесь. Этот конченный *pendejo* только притворяется твоим другом.

Задумчиво сдвинув брови, я уточнила:

— Дафф?

За последние несколько минут здесь был только он. Разве что... У меня екнуло сердце. Вдруг Ангел слышал, как я разговаривала с мистером Аланисом и Лозрами?

— Плевал я, как его звать. Этот четырехглазый ублюдок даже внешне на маньяка смахивает.

— Ангел, судить о людях только по внешности невежливо. Далеко не все те, кто носит очки, маньяки.

— А я и не это имел в виду.

— Знаю, милый. — Я приподняла его лицо за подбородок. — У тебя точно все хорошо?

— Не доверяю я ему. Особенно когда он вертится вокруг тебя.

— Насколько я помню, Рейесу ты тоже не доверял.

Ангел опять повесил нос.

— Ну, он вроде ничего.

— Прошу прощения. Кажется, я не расслышала.

— Говорю, Рейазиэль вроде ничего.

Я бы удивилась меньше, даже если бы Ангел вдруг влепил мне пощечину.

— Мы говорим об одном и том же Рейазиэле? О том самом, о котором ты меня постоянно предупреждал, и которого терпеть не мог с самого начала?

Он пнул камешек, но, само собой, промахнулся. Издержки нематериальности и все такое.

— Он тебя защищает. Все остальное ерунда.

— Это так мило! — Я крепко его обняла. Получилось неловко, потому что обнимать меня в ответ Ангел не спешил. — Ты самый милый на свете гангстер.

— Угу, — промычал он, явно мечтая, чтобы устроенный мной кошмар поскорее закончился.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты был жив! — Я снова отстранилась, но все еще держала его за плечи. — Точно купила бы тебе футболку с надписью «Ангел Чарли».

На губах Ангела заиграла суперская кривоватая ухмылочка.

— Фиг бы я ее носил.

— А я б тебя зашантажировала. — Взявшись за руки, мы двинулись к монастырю. Мне и правда очень-очень надо было сбегать по маленькому. — Носил бы каждый день, еще и спасибо бы говорил.

— Черта с два, чокнутая.

Пробравшись через кусты, мы вернулись на праздник. В голове толпились тысячи мыслей, но присутствие Ангела помогало отвлечься от неизбежного. Нелегко будет объяснить внезапное появление биологических родителей Рейеса. Скорее всего адские псы — просто цветочки по сравнению с жизнью без него. А именно на это я себя и обрекла, когда решила пойти против его воли.

Ангел сказал, что ему надо проверить, как там поживает тамале, поцеловал меня на прощание и попытался засунуть язык мне в рот. Я от души треснула его по заднице, но, к сожалению, ему это, кажется, понравилось. Обойдя монастырь, я подошла к главной двери и заметила, что машин почти не осталось. Зато призраков стало больше, чем когда я уходила. Все они смотрели прямо перед собой и определенно чего-то ждали, усугубляя и так владевшее мной напряжение.

Как бы то ни было, мне придется выложить Рейесу все как на духу. Придется расхлебывать кашу, которую сама же и заварила. Кстати, никогда толком не понимала значение этого выражения. Почему-то казалось, что оно любую трудность превращает в преодолимую. В конце концов, речь ведь о каше. Какие тут могут быть проблемы? По-моему, надо было придумать словосочетание поточнее. Например, расхлебывать застывший бетон. Ну вот, уже лучше.

Я взялась за ручку, но открыть дверь так и не успела. Ее за меня открыла Дениз.

— Где ты была?! — едва ли не истерически заорала она. — Мы все из-за тебя испереживались!

У нее за спиной появилась Джемма и изобразила какой-то бешеный жест. Учитывая, что она, вообще-то, психиатр, выглядело это не очень профессионально.

— Ты не имеешь права вот так запросто уходить в лес, никому ничего не сказав.

— Ну ма-а-ам, — захныкала я, как школьница, — все классные дети так делают. К тому же я явно не девственница, а значит, выжила бы в лесу, даже если бы наткнулась на маньяка. Поцокав языком, Дениз затащила меня внутрь.

— Я не понимаю и половины из того, что ты говоришь.

Клянусь, наяву сбывался мой самый страшный кошмар. Папа погиб, а мачехе спустя двадцать семь лет приспичило обратить на меня внимание. И тут я окаменела. Меня осенило. Все встало на свои места. Мы не на священной земле. Рейес солгал. Мы в аду!

— Тебе надо отдохнуть наверху, пока мы прибираем, — пришла на помощь сестра.

Наградив Джемму довольной широкой улыбкой, я демонстративно потянулась.

— Тоже верно. Я ужасно устала. Да и Пип сегодня вела себя очень активно. Измотала меня до потери сознания.

Джемма подозрительно сощурилась, а я рассмеялась и побежала наверх, надеясь, что в туалете не занято. Мне повезло. Слава богу за маленькие радости. Я уже мыла руки, как вдруг заметила позади какое-то движение. Резко развернулась и увидела папу. Моего чудесного, прекрасного папу! После переезда в монастырь я изредка его замечала то тут, то там, но он никогда не задерживался надолго и никогда со мной не разговаривал. Мало того, каждый раз нервно оглядывался, словно боялся, что за ним следят.

— Папа! — Я бросилась к нему. Даже эти несколько секунд были нашей самой долгой встречей после его гибели, а вопросов у меня накопилась целая куча. — Пап, ты как? Что происходит? — Впервые я коснулась ладонью холодной щеки, и из груди вырвались рыдания. — Почему ты со мной не разговариваешь?

— Шарлотта, — тихо проговорил он, глядя на меня с таким изумлением, будто впервые видел. — Девочка моя! Я понятия не имел, кто ты такая, как много значишь...

— Чего? Пап...

— Я так тобой горжусь!

Пока я к нему прикасалась, он не мог исчезнуть.

— Останься и поговори со мной, пожалуйста. У меня так много вопросов!

— У тебя? — тихо рассмеялся папа.

А потом его что-то отвлекло. Он глянул на дверь ванной, оторвавшись от моей ладони, и испарился. Я посмотрела на поднятую руку, пытаюсь впитать кожей из воздуха холод, оставленный папой, и понять, почему он так внезапно исчез.

Послышался стук в дверь, а за ним и глубокий бархатный голос:

— Чарли?

Даже через закрытую дверь я ощущала извечный жар мужа. А потом посмотрела туда, где только что стоял папа. Неужели он боялся Рейеса?

Я открыла дверь, чувствуя, что начинаю беспокоиться еще сильнее. Зачем папе его бояться?

— Привет, — сказал Рейес, прищурившись. — У тебя все хорошо?

— Что? У меня? Само собой.

Он стиснул зубы так крепко, что на щеках появились мои любимые ямочки.

— Выкладывай.

Так или иначе, теперь у меня появилось оправдание тому, почему я нервничаю. А значит, я могла еще немного потянуть время до того, как расскажу мужу правду. Может быть, узнав, что я натворила, он больше никогда не захочет со мной разговаривать. От одной только мысли об этом к горлу подступил огромный ком.

— Датч, — почти угрожающе сказал Рейес.

— Я... я видела папу.

Он осмотрелся по сторонам.

— Только что?

— Ага, но он исчез буквально перед тем, как пришел ты.

Рейес нахмурился, покосился куда влево, но ничего не сказал. Я глянула туда же, и он воспользовался шансом поцеловать меня в шею.

— Куда ты ходила?

— Прогуляться.

— Странное время для прогулки.

— Странное время, чтобы проверять, как дела у Артемиды, — парировала я.

Встревожившись, Рейес отступил на шаг.

— Что ты видела?

Не сразу, но я все-таки поняла, о чем думает. Что я за ним следила. А раз так, то он что-то скрывает. Да уж. Порой чувство вины творит с людьми дикие вещи.

— Деревья. Траву. Кусты. Серебристо-черный мех адских песиков.

На сильных челюстях заиграли желваки.

— Близко к границе подошла?

— Не очень. Я была в беседке. Но и оттуда их видела.

— Если так, то, может быть, тебе не стоит больше ходить в беседку.

— А может быть, тебе стоит рассказать мне, зачем проведывать мертвую собаку, которой не грозят никакие неприятности.

— Ты вообще с нашей собакой знакома? — усмехнулся Рейес.

Он прав. Я чуть-чуть расслабилась.

— Ну ладно. Она, конечно, может вляпаться в неприятности, но...

— Она дралась с адскими псами.

От удивления у меня отвисла челюсть.

— Артемида? Шутишь?

— Я пытался не подпустить ее к границе.

От ужаса я еле-еле выдохнула.

— Спасибо. Но зачем она это делает?

— Она твоя хранительница и в псах видит угрозу. Должен признать, она весьма проницательна.

Я рассеянно кивнула.

— В общем, мы устроили импровизированное барбекю. Есть хочешь?

— Мог и не спрашивать.

Когда-то Рейес был потрясающим поваром, но поставьте его за гриль, и небеса разверзнутся, только чтобы на него посмотреть.

— Тогда принеси тебе чего-нибудь чуть позже.

— Супер. — Он все еще был в смокинге, и я не могла на него насмотреться. — Только не переодевайся.

— Почему? — спросил Рейес, и ямочки, от одного вида которых подкашивались ноги, появились снова.

— Потому что я никак не могу избавиться от фантазий про Джеймса Бонда.

— Что ж, костюмчик надо вернуть только в понедельник.

Я обхватила пальцами лацканы и притянула Рейеса ближе.

— Чую, вечерок у нас пройдет в духе «Лунного гонщика».

Рейес проводил меня до двери нашей спальни, где уже переодевались Куки и Эмбер. Я последовала их примеру. Сменила платье на свитер и растягивающиеся во все стороны штаны, которые не мешали животу, и переобулась в мягкие ботинки.

— Итак, — начала Куки, пока Эмбер помогала ей выбраться из платья, захихикав, когда волосы Кук застряли в «молнии», — что у нас на повестке дня?

— Твой предмедовомесячный медовый месяц, — подбоченилась я и, едва она открыла рот, чтобы возразить, добавила: — А мы с Эмбер и Квентином наделаем попкорна и посмотрим «Шоу ужасов Рокки Хоррора».

Эмбер с энтузиазмом закивала.

— Ты так говоришь, только чтобы я уехала, — проворчала Куки, освободив наконец

волосы из плена. — Я тебя знаю. Пока Эмбер и Квентин будут смотреть фильм, ты займешься делом.

Блин, она знает меня как облупленную.

— И что? Я вполне могу работать, пока ты будешь кувыркаться с моим дядей.

Раздался громкий смех — Эмбер не сдержалась.

— Обещаю все тебе рассказать, как только ты вернешься. В конце концов, сегодня день твоей свадьбы, Кук.

— Вот-вот, мам, — поддакнула Эмбер и подмигнула мне. — Если что, я помогу тете Чарли.

Мы дали друг другу пять. Кто бы знал, как я обожаю этого ребенка! Но Куки только покачала головой, вешая платье на вешалку:

— Мы с Робертом договорились. Я помогу тебе с делом, а он сделает все, что сможет, со своей стороны. И он уже уехал в город узнать, есть ли новости.

— Кук, ну это же дикость какая-то!

Она подошла к раковине, чтобы смыть с лица блески.

— Чарли, мы все равно не поедem в настоящий медовый месяц, пока не родится Пип. Так что все путем.

Как только Куки сказала о медовом месяце, я ощутила, как внутри нее разлилось какое-то неприятное чувство. И так было всегда, когда мы затрагивали эту тему. Ей-богу, если бы я не знала, как на самом деле обстоят дела (а честно говоря, я действительно не знала), то могла бы поклясться, что ни в какой медовый месяц Куки вообще ехать не хочет.

И все-таки сегодня она вышла замуж, елки-палки! Ни одна невеста не должна работать в день своей свадьбы. Я процентов на девяносто уверена, что даже закон такой есть. С другой стороны, кто я такая, чтобы спорить?

— Ну ладно. Значит, мне нужно все, что ты сможешь раздобыть. Друзья. Активность в соцсетях. Телефонные звонки, которые длились дольше двух минут.

— Ей пятнадцать, — напомнила Эмбер. — Наверняка все ее звонки длятся дольше двух минут.

Я улыбнулась:

— Дельное замечание, стрекоза.

Когда-нибудь я точно сделаю из Эмбер классного частного детектива.

В ответ в широкой улыбке показались белые зубы.

Я взяла несколько страниц из папки, которую оставила Кит.

— Сбегаю к Рокету. Узнаю... статус Фэрис Уотерс. А потом прочешу ее сообщения. Если найду что-нибудь подозрительное, сравним с ее звонками. Хочу знать, не заманил ли ее куда-нибудь хищник.

Куки просияла, словно ей не терпелось поработать над новым делом. Что ж, времени и правда прошло немало. Занимались мы только мелкой побочной работой, которая не требовала нашего присутствия, но дел такого масштаба у нас не было давно. И все же я никак не могла отделаться от мысли, что энтузиазм Куки связан скорее с медовым месяцем, чем с работой.

Я осторожно стерла со щеки подруги остатки блесков. Что бы она ни говорила, меня живьем съедали сожаления. Никто не должен в день своей свадьбы искать пропавшего ребенка.

— Думаете, она еще жива? — спросила Эмбер.

Куки положила ладонь на плечо дочери, а я глянула в потолок — туда, где был чердак.
— Есть только один способ это выяснить.

Скорее всего причиной моей смерти станет сарказм в какой-нибудь неподходящий момент.

Факт

Куки принялась выяснять все, что только можно, о жизни Фэрис, а Эмбер умчалась на поиски Квентина. Поскольку в «Школу для глухих» в Санта-Фе ему нужно было возвращаться только на следующий день, он решил остаться у нас на ночь. Эмбер очень хотелось помочь мне с делом, но она пришла к выводу, что намного веселее будет приятно провести время с самым милым на свете парнем. Прямо так его и назвала.

Я прошла по коридору на втором этаже до самого конца, где начиналась лестница на чердак. Рокет жил там с тех пор, как переехал в монастырь. Мы уже дважды меняли гипсокартон, потому что дни Рокета практически круглосуточно занимало выцарапывание на стенах имен умерших людей. А знал он имя каждого, кто когда-либо умер на земле. Само собой, записать их все было невозможно. Когда-то я прочла, что в мире ежедневно умирает сто пятьдесят тысяч человек, и не могла взять в толк, почему Рокет записывает одни имена, а не другие. Тем не менее, много десятилетий подряд вести своеобразный учет умерших он считал своей работой. А кто я такая, чтобы возражать? К тому же наверняка имелся какой-то ключик к безумию нашего гения. Однажды я обязательно выясню, есть ли связь между именами, которые он царапает на стенах.

Я уже собиралась подняться, как вдруг ощутила затылком порыв холодного воздуха. Ветер растрепал мне волосы, и я вся покрылась мурашками. А потом увидела девушку, с которой несколько месяцев пыталась поговорить. И я не о той, что рыдает у меня в шкафу. Та появилась всего несколько дней назад. А эта другая уже жила в монастыре, когда мы переехали. Она была молодой, точнее совсем юной монахиней, но ее наряд выглядел старше, чем те, что носят в современных монастырях.

Очень медленно, словно опасаясь спугнуть дикое животное, я повернулась к ней. Мне не хотелось, чтобы она меня боялась. Я была уверена: все это время она пыталась мне что-то показать. Появляясь, она куда-то убегала и время от времени останавливалась посмотреть, иду ли я следом. Но каждый раз я теряла ее из виду в лесу.

— Ну уж не сегодня, — сказала я, когда девушка повернулась, чтобы уйти.

Она быстро прошла по коридору до главной лестницы и исчезла. Я спустилась вниз и вышла во двор, прекрасно зная, что она будет меня ждать. Так оно и было. На лице девушки отражался чистейший страх, а ресницы слиплись от недавно пролитых слез. Едва заметив меня, она, как всегда, помчалась прочь.

— Сегодня я тебя не упущу, — сказала я ее спине, но ответа так и не получила.

Мы двинулись по уже знакомой и давным-давно заросшей высокой травой тропинке, которая вела в противоположную от монастыря сторону. В конце тропинки монахиня, как всегда, исчезла. Я остановилась и расстроено покрутилась вокруг своей оси. Наверняка этой девочке не больше восемнадцати лет. Что же она пыталась мне показать?

Собравшись с духом, я пошла глубже в лес и на ходу спросила у воздуха:

— Где ты?

Может быть, надо было посадить ей на хвост Ангела. Он бы смог за ней проследить и не

отстать. Девочка, как и Рокет, явно верила, будто я могу пробегать сквозь твердые предметы.

Когда мы играли в прятки в прошлый раз, я прочесала лес налево от того места, где монахиня исчезла, но в конце концов пришла в тупик. На этот раз я двинулась направо, то и дело спотыкаясь на неровной земле. Тем не менее, идти мне удавалось быстро, хотя по пути я постоянно влипала в паутину, дергала руками и отчаянно отряхивалась. Где-то вдалеке слышалось рычание адских псов. И вдруг я почуяла аромат лаванды. Легкий, но узнаваемый. Я остановилась. Почему здесь пахнет лавандой? Взяв себя в руки, я поняла, что слишком близко подошла к границе. Впрочем, в запасе еще оставалось несколько метров. Или оставалось бы, не толкни меня кто-то сзади.

Я начала заваливаться вперед, но успела ухватиться за ветку. Вот только ног под собой уже не чувствовала. Ветка сломалась, и я покатилась вниз с горы. Деревья слились в одно размытое пятно. Ветки царапались и хлестали по лицу, пока мне не удалось наконец схватиться за корень. Из-за внезапной остановки плечо опалило болью. Я понятия не имела, что с этой стороны монастыря гора настолько крутая. Пытаясь найти под ногами опору, я задергалась и внезапно застыла. Меня крепко схватили чьи-то руки.

Я подняла голову и уставилась в испуганные глаза монахини. Она потянула меня наверх, и я поползла выше, пока не оказалась на твердой земле. Поначалу в голове возник вопрос, не она ли меня толкнула. Но если так, она не стала бы мне помогать.

— Спасибо, — сказала я, отряхиваясь от грязи. Девочка не ответила. — Ты видела, кто меня толкнул?

Она по-прежнему молчала. Что ж, в последнее время я начинала к такому привыкать. Да и не важно, видела она что-то или нет. Кажется, я прекрасно знала, чьих рук это дело.

Так близко, как только осмелилась, я подошла к краю обрыва, крепко держась за дерево. Буквально за секунду до падения что-то привлекло мое внимание.

Отсюда была видна небольшая полянка с ручьем. Я никогда туда не спускалась, потому что поляна находилась за границей священной земли. Но и Рейесу нельзя было заходить так далеко. И все же он стоял именно там, у густых кустов, и разговаривал с Ангелом. С моим Ангелом! С моим другом и главным, пусть и единственным, детективом!

Во-первых, поляна находилась гораздо дальше отмеченной Ошем границы. А значит, Рейес уже давно должен был стать закуской. Во-вторых, какие, бога ради, общие темы могут быть у него с Ангелом? Я подалась чуть ближе и прищурилась. Поляна была великолепна. Именно в таком месте было бы замечательно устроить пикник. Низко висящее над горизонтом солнце косыми лучами высвечивало землю и удлиняло тень Рейеса. Я заметила, что выражение его лица какое-то задумчивое. Или даже сердитое. Пиджака на нем не было. Верхние пуговицы на белоснежной рубашке он расстегнул, а рукава закатал.

Проведя ладонью по лицу, Рейес резко отвернулся от Ангела. Эти двое никогда особенно не ладили. Так зачем им теперь вести тайные беседы? Неужели Рейес узнал о Лоэрах? Мог ли Ангел все это время за мной следить? На добрых десять секунд от страха сдавило в груди, пока я не вспомнила, что синюшное лицо мне не идет.

Сделав глубокий вдох, я повернулась к юной монахине, но ее уже и след простыл. Я осталась одна в лесу, где кто-то пытался меня убить. Мысль была не из приятных, поэтому я быстренько пошла обратно к монастырю, стараясь по пути избавиться от ледящего душу страха. Хотел ли Дафф моей смерти? Он ведь говорил раньше что-то о том, чтобы меня толкнуть, а меня определенно толкнули. Вряд ли это совпадение.

Прокравшись в дом, я побежала наверх, чтобы опять переодеться, раз уж вся была

покрыта грязью и травой, а потом вернулась к лестнице, ведущей на чердак. Если монахиня снова появится, я точно за ней не пойду. На улице темнело, а где-то в лесу бродил убийца-толкатель.

Я медленно пошла по ступенькам. После падения в животе болело, и с каждым шагом боль становилась все острее и острее. Но вряд ли начинались роды. Боль была слишком острой, плюс болело только в одном месте сбоку. Видимо, я просто-напросто ударилась, пока катилась по склону горы. Глубоко вздохнув, я открыла дверь на чердак и сразу увидела Рокета, который выпарапывал на гипсокартоне очередное имя.

— Мисс Шарлотта! — просиял он, крепко меня обнял, стократно усилив боль в боку, и тут же вернулся к делу.

Недолгая у нас выдалась беседа. Я прислонилась спиной к колонне и осторожно сказала:

— Рокет, у меня есть для тебя имя.

— А у меня их слишком много.

— Слишком много имен?

— Агась. Слишком много.

— Мне очень жаль. Можешь проверить одно для меня?

— Это вряд ли, мисс Шарлотта.

— Почему? — спросила я, разминая болевший бок.

— У меня их слишком много.

— Красивая была свадьба. — Рядом со мной появилась Слива с лысой Барби в руках. — Куки была такая хорошенькая! Жаль, что я не смогла сделать ей прическу.

От одной только мысли об этом меня обдало диким ужасом.

— Незабудка здесь?

Младшую сестру Рокета я до сих пор в монастыре не видела. Что тут скажешь? Нравится этой девчушке играть в прятки.

— Ага. Она в круглой комнате.

Я задумчиво нахмурилась:

— В какой еще круглой комнате?

— В маленькой.

— В какой, блин, маленькой?

— Ну в той, которая внизу, и о которой никто не знает.

Так могло продолжаться целую вечность.

— Ладно, — отступила я. — Надеюсь, ей весело.

— Ей здесь нравится. Тихо и спокойно.

— Вот и славненько.

Я вдруг задумалась, не говорит ли Слива о том чулане, который мы никак не могли открыть. Рядом с кухней находилось нечто вроде прачечной, где была дверь не то в чулан, не то в комнату, не то в кладовую. И дверь эта то ли застряла, то ли была заперта, то ли и то, и другое сразу. Даже Рейес не мог ее открыть. Поначалу дверь стала своего рода вызовом, но в конце концов мы бросили затею преодолеть это препятствие и перешли к более интересным делам.

Вот только мало кто понимал, что нет ничего интереснее, чем запертая дверь, которую невозможно открыть. Лично я намеревалась во что бы то ни стало попасть в эту комнату. Правда, пока не знала как.

— Ну ладно, Рокет. А теперь серьезно. Мне нужно, чтобы ты проверил Фэрис Мартину Уотерс.

Рокет, кажется, погрузтел:

— В моем списке такой нету.

— Ух ты! — улыбнулась я. — Это хорошо.

— Пока нету, — добавил гений.

А вот это плохо.

— Значит, скоро появится? — спросила я, заранее зная, какой получу ответ.

— Правила нарушать нельзя, мисс Шарлотта, — сказал Рокет и продолжил царапать гипсокартон.

Я решила задать еще один вопрос, хотя и на него знала ответ. Но, как говорится, попытка не пытка.

— Ты знаешь, где она?

— Не где, а только жива или нет. Нельзя нарушать правила.

Черт возьми!

— Чтоб ты знал, правила созданы для того, чтобы их нарушать. И вообще, чьи это правила, Рокет? Кто их тебе навязал?

Он глянул на меня так, словно я находилась на самом дне по шкале уровня интеллекта.

— Медсестра Хоббс.

— Ясно. А когда медсестра Хоббс перечисляла тебе эти правила, что конкретно она имела в виду?

— Все сразу, — отозвался Рокет, широко разведя руки. — Но в основном пудинг.

Ну, я просто обязана была спросить.

— А причем тут пудинг?

— А притом, что я ей как-то пытался объяснить, куда исчез вчерашний пудинг, и что его взяла Рубин. Тогда медсестра Хоббс и сказала: не важно где, когда и кто, а только да или нет.

Разговор явно складывался не так, как я себе представляла.

— Да или нет?

— Брал я его или нет.

Я уставилась на Рокета с отвисшей челюстью. Минут, эдак, на десять. Он что, издевается? Все это время он твердил мне о каких-то правилах, которые не имели отношения ни к мертвым, ни к тому, как он узнавал все эти имена, а касались какого-то там пудинга?

Кое-как мне все-таки удалось переварить новости.

— Рокет, мне кажется, эти правила нельзя применять ко всему подряд.

Все, кто был рядом, громко ахнули.

— Мисс Шарлотта, — укоризненно начал Рокет, — эти правила действуют везде. Я же вам говорил. Речь шла не только о пудинге, а еще и о кукурузном хлебе с медом, о черепашке по имени Цветочек и (правда, всего один разок) об аминазине.

Я ушам своим не верила. Мне всегда казалось, что правила Рокет взял из какого-то небесного пособия или руководства. Иными словами, из какого-нибудь официального источника. А оказывается, правила навязала ему медсестра из дурдома, где он прожил большую часть жизни! В мыслях тут же всплыл образ медсестры из «Пролетая над гнездом кукушки». Страшная была женщина.

— Рокет, сестра Хоббс не имела в виду умерших людей. О них ты мне можешь рассказывать все, что захочешь.

— Правила нарушать нельзя. А вы уже нарушили все правила.

Рокет до сих пор ругал меня за то, что несколько месяцев назад я с помощью своих сверхъестественных сил исцелила в больнице маленького мальчика и еще пару человек. Гению казалось, что использовать мой дар ради исцеления людей — это вопиющее нарушение правил. Но ведь я постоянно спасаю людей. Нахожу убийц и пропавших детей. Раскрываю сложные дела. Ну и чем это отличается от того, чтобы исцелить больного ребенка?

— Рокет, допустим, я исцелила мальчика, всего лишь к нему прикоснувшись. Допустим, исцелила еще нескольких больных. Чем это отличается от того, что я делаю каждый день? Я постоянно спасаю людей с помощью своих сверхъестественных связей. Так почему одно нарушает правила, а другое — нет?

— Прекрати на него орать, — вмешалась Слива, наглаживая лысую голову куклы, но я не обратила на нее внимания.

— И я прекрасно, черт побери, знаю, что правила сестры Хоббс никак не касаются меня, потому что в то время, когда ты ее знал, меня на свете еще и в помине не было.

— Медсестра Хоббс очень умная, — возразил Рокет, выцарапывая на стене букву «К». Я решила попробовать еще раз.

— Ладно. Значит, да или нет. Итак, Фэрис Уотерс скоро умрет. Где это случится?

— Не где, а только да или...

— Ну все! — взбеленилась я. — Еще раз скажешь мне про свои правила, я сожму их в кулак и спалю лазерным взглядом!

Никакого лазерного взгляда у меня, само собой, не имеется, но было бы круто.

— Мисс Шарлотта! — ахнул Рокет. — Нельзя так делать!

— Еще как можно. Вот увидишь. — Я поднялась на цыпочки, оказавшись с ним нос к носу. — Даже не сомневайся.

С огромными, как блюдца, глазами Рокет испарился.

— Нет у тебя никакого лазерного взгляда, — весело заметила Слива.

— Как знать. Я же все-таки бог, если ты еще не слышала.

Но СС не купилась:

— Если ты не Супермен, то лазерный взгляд тебе не светит.

Больше я ничего сказать не успела. Слива последовала примеру Рокета и бросила меня на пыльном чердаке одну-одинешеньку.

Я глянула на имя, которое выцарапывал Рокет, и застыла. Эрл Джеймс Уокер. Человек, точнее монстр, который вырастил Рейеса. Сейчас он доживал свои дни, питаюсь через соломинку, в хосписе. Рейес перерубил этому гаду позвоночник, когда тот меня пытал и явно собирался убить. И теперь Уокеру грозила смерть.

Несколько секунд я стояла и думала о том, почему этот козел должен умереть именно сейчас, но потом поняла, что дареному коню в зубы не смотрят.

Первым делом, вернувшись в спальню, я позвонила Кит, чтобы сказать ей, что племянница ФедЭкса еще жива. Правда, решила не упоминать, что времени у нас осталось с гулькин нос. А значит, нам позарез нужен был прорыв.

Оказалось, что у федералов информации тоже негусто, а все зацепки привели в итоге в тупик. В планах был повторный допрос одноклассников Фэрис на случай, если раньше упустили что-то важное.

— Чарли, — напоследок сказала Кит, — вы должны повернуть свой фокус. Мы обязаны ее найти.

— Я над этим работаю, честное слово.

Прихватив ноутбук, папку с делом Фэрис Уотерс и чашку горячего шоколада, я развалилась на Дэвиде Бекхэме, чтобы дать спине передышку. Живот почти не болел, зато именно в этот момент Пип решила попробовать силы в Олимпийских играх, продемонстрировав судьям все свои спортивные навыки. Я погладила живот там, где, по моему, находилась попа булочки, и стала просматривать дело племянницы агента Уотерса.

Возникло ощущение, будто за мной наблюдают, но такое в последнее время со мной случалось частенько, так что я не обратила на это никакого внимания и продолжила читать. Просмотрела все сообщения Фэрис и выделила те, что привлекли внимание. Куки работала внизу в импровизированном офисе. Через какое-то время горячий шоколад остыл, к тому же мне все равно надо было узнать, как дела у Кук, поэтому я пошла вниз.

В монастыре было прибрано. Осталось всего несколько гостей, но все они либо тусовались в кухне, либо наслаждались свежим воздухом на улице, где стоял гриль. Слава богу, кухня Куки Люсиль уже уехала. Я сразу направилась в офис, но меня перехватил дядя Боб:

— Можно тебя?

— Нет, но на распродаже я стою всего доллар девяносто девять.

Вздохнув, он подлил масла в огонь:

— У тебя есть минутка?

Я похлопала себя по карманам.

— С собой нет. Может, за диван закатилась.

— Чарли.

Доби только притворялся раздраженным. На самом деле его переполняло счастье. А такие эмоции исходят от него довольно редко. Клянусь, будь Куки здесь, я бы поцеловала ее прямо в губы.

И все-таки, должна признать, дядя Боб меня немного удивил. В конце концов, я ведь испоганила ему предмедовомесячный медовый месяц.

— Извини, что сегодня так вышло, — сказала я.

— Не переживай. Она — как ты. Не успокоится, пока не поймает преступника.

— Тоже верно. Куки золото. Но ты наверняка это уже знаешь.

— Знаю.

— Кстати, ты сегодня потрясающе выглядел.

Доби переоделся, но это не отменяло того факта, что в смокинге он выглядел замечательно.

— Спасибо.

Мы зашли на территорию неловкости. Compliments у нас с дядей не в чести. Куда привычнее пассивно-агрессивные придирки, легкие угрозы и подзуживания.

— У тебя тоже вид был фантастический.

Мои брови взлетели вверх.

— Странно, что ты заметил. С такой-то богиней под боком!

— И то правда, — зарделся дядя Боб.

— Надеюсь, капитан приятно провел время.

— Думаю, так и есть. Он... то есть ты его весьма заинтриговала.

Дядя Боб явно не имел в виду ничего хорошего, но я все-таки сказала:

— Ага, только благоверному моему не говори. Итак, зачем я тебе понадобилась?

— В общем, мы до сих пор не решили, где провести медовый месяц. И я подумал, может, ты знаешь, куда ей хочется. Мне она не говорит. Хочет, чтобы я сам выбрал место. А я хочу, чтобы выбрала она.

— И что мне делать? Подбросить монетку и узнать, кому из вас выбирать?

— Нет. Я хочу, чтобы ты выяснила, куда именно она хочет поехать.

Я улыбнулась и подалась ближе.

— Видишь ли, какая тут петрушка... Ей все равно. Она захочет туда, куда захочешь ты. Можешь купить хоть тур по Боснии, и она будет счастлива.

— Пользы от тебя как от козла молока.

— Ну, есть у меня один совет. Не вези ее в ад. Говорят, там в это время года ужасная засуха.

— Беру свои слова обратно. Ты еще бесполезнее.

— Я в курсе. Правда. Есть какие-нибудь новости?

Мне не нужно было уточнять, чтобы дядя Боб понял, о чем речь.

— Нет, милая. Мне очень жаль. Сейчас ждем отчетов из лаборатории.

В отличие от сериалов, экспертиза в реальной жизни занимает недели две. Иногда даже несколько месяцев. Так что я не особенно надеялась на результаты трудов славных экспертов. Мое терпение давным-давно лопнуло. И все-таки нужно было чем-то занять Дибби, пока мистер Аланис не подкинет ему анонимную наводку на ватиканского парня. Ей-богу, я бы убила за возможность присутствовать на допросе. Кого-нибудь не очень заметного. Например, какого-нибудь любителя полапать женщин в метро или поговорить во время спектакля.

Обняв дядю Боба, я шепнула ему на ухо:

— Пуэрто-Рико.

Он стиснул меня в ответ, а потом отпустил, усмехнувшись и подмигнув напоследок.

Уже собираясь все-таки дойти до офиса, я вдруг решила, что сейчас самое время хорошенечко допросить моего главного следователя по поводу недавних тревожных открытий. Что могли обсуждать Ангел и Рейес? И почему вдруг Ангел встал на его сторону? Насколько я знала, тринадцатилетний гангстер терпеть не мог моего мужа. А теперь они ни с того ни с сего стали приятелями?

Я решила докопаться до правды во что бы то ни стало и вызвала Ангела. Он появился со сложенными на груди руками, как будто я помешала чему-то важному. Чувак погиб давным-

давно. Какие важные дела могут быть у призрака?

— Что вы задумали с моей второй половиной?

На юном лице мелькнуло удивление, но Ангел быстро взял себя в руки:

— Понятия не имею, о чем речь.

— Не разыгрывай передо мной оскорбленную невинность. Я видела вас с Рейесом на поляне.

— Ш-ш-ш! — зашипел Ангел и прикрыл мне ладонью рот. — Как ты могла нас видеть?

Я отодрала от себя его руку.

— Глазами. И, пока вы там были, Рейес выглядел расстроенным. Что происходит, и к чему вся эта секретность?

Он тихо выругался себе под нос.

— Не могу сказать.

— Ангел, — я шагнула ближе и наградила его своим знаменитым убийственным взглядом, которого боялись и люди, и звери, — или ты сам мне все расскажешь, или, клянусь всем святым, что есть на...

— Я тебя умоляю! — Ангел отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. — Меня больше пугает он, чем ты. Но только по дням, в названии которых есть согласные.

— Минуточку... А почему он тебя пугает? Он тебе угрожал?

— Нет, да ему и не надо. Ты видела, как он злится? Так вот, я с такой фигней связываться желанием не горю.

— Значит, ты точно не видел, как злюсь я.

Ангел фыркнул:

— Ты злишься точно так же, как миссис Кливер, когда у нее подгорают кексы.

— Это просто оскорбительно! Кексы я не пекла ни разу в жизни.

— Тебе виднее, чикита^[4]. Я точно не проболтаюсь, так что можешь взять свои угрозы и... ай!

Я схватила его за руку и намеренно впилась в призрачную «кожу» ногтями.

— В чем дело? — Я подтянула его ближе. — Передумал?

— Можешь пытаться меня, сколько влезет. Толку не будет. Я ничего не могу тебе рассказать. Но знай: все, что он делает, — это только ради тебя и твоего ребенка.

Я его тут же отпустила.

— Ради Пип?

— Да, — ответил Ангел, потирая руку.

— Ну хоть намекни, Ангел. Если ей угрожает опасность...

— Если? — скептически переспросил он. — Ты на улицу выходила? Ясное дело, ей угрожает опасность. Вам обеим. Понять не могу, как это до сих пор до тебя не дошло.

— Дошло. Очень даже дошло. Но...

— Я ни слова не скажу. Задавай свои вопросы Рейазиэлю.

Ангел исчез, лишив меня возможности еще хоть чуть-чуть поспорить. Проклятье! Ненавижу, когда меня, так сказать, не посвящают в узкий круг. Я обожаю круги. Почему люди никак этого не поймут?

Из столовой дефис кабинета послышался громкий стук. Маленькую комнатку за столовой мы превратили в офис, а саму столовую — в общий рабочий кабинет. Рейес, Ош и Гаррет проводили там много времен, изучая найденные Своупсом тексты и пытаясь выяснить, как прикончить Дюжину. Ош твердил, что псов нельзя убить, зато можно

отправить обратно в ад. Поэтому теперь все трое искали еще и способ вернуть песиков на родину. Решение, конечно, временное, но мы были готовы на все.

Я побежала туда и наткнулась на очень расстроенного Гаррета Своупса и бедный, ни в чем не повинный стул, на котором Гаррет выместил свою злость. Вместе со стулом на пол полетела и стопка бумаг, над которой Своупс корпел больше недели. Наблюдать за злым Гарретом было забавно, так что я не вмешивалась. Но он меня заметил и, смутившись, повернулся ко мне спиной.

— Чем занимаешься? — спросила я.

На нем все еще была симпатичная рубашка, которую он надел под пиджак.

— Я думала, ты уехал ловить с Хавьером беглеца.

— Я и уехал, но оказалось, его поймали еще утром.

— Ну, это хорошо. — Я кивнула на стопку документов: — Есть подвижки?

— Ни единой, — покачал головой Гаррет. — Тут ни черта нет о том, как уничтожить Дюжину.

Для перевода пророчеств он нанял доктора филологических наук. Над всеми текстами доктор фон Гольштейн поработать не успел, но перевел немало. И информация в переведенных отрывках оказалась удивительной. Некий парень по имени Клеозарий накатал уйму пророчеств, большинство из которых касалось меня, то бишь дочери света, и Пип, которую он называл просто дочерью. В одном или двух кусочках Клео писал, что она станет сплавом света и тьмы, то бишь меня и Рейеса соответственно, и напроорочил, что Пип (хотя так он ее, конечно, не называл) свергнет Люцифера. Уничтожит раз и навсегда. Большинство из того, что написал Клеозарий, шло вразрез с «Откровением» и содержащимися в нем предсказаниями, но кое-что все-таки совпадало. Например, упоминание о четырех всадниках. Правда, Клео называл их просто вестниками великих страданий.

А еще он предсказал появление Дюжины и писал то, что мы слышали отовсюду: одну Дюжину пошлют, а вторую призовут. Вопрос: кто пошлет и кто призовет? Понятное дело, Люцифер послал свою Дюжину, то бишь адских псов, которые денно и нощно сторожили границы нашей священной земли. Но кто тогда призвал вторую Дюжину? Какую роль они сыграют во всей это неразберихе? И как, бога ради, их убить?

— Мне очень жаль, Чарльз, — добавил Гаррет, как раз когда в кабинет-столовую вошли Рейес и Ош, — но в текстах нет ни намек на то, как их убить. По крайней мере в тех отрывках, которые перевел доктор Фон. А материалов еще немеряно. Чтобы перевести их все, ему потребовались бы годы.

— Ничего страшного. Чуть позже звякну сестре Мэри Элизабет. Может быть, она что-то узнала.

Сестра Мэри Элизабет время от времени подслушивает ангельские разговорчики. В буквальном смысле. Общаться с ангелами напрямую она не может, но иногда подкидывает очень любопытную информацию.

Я уселась на стул и просмотрела несколько страниц. Рейес сел рядом, а Ош стоя дожевывал бутерброд с жаренным на гриле мясом. Запах стоял умопомрачительный, и мой рот мигом наполнился слюной.

— Еда готова, — пристально глядя на меня, сказал Рейес.

Кожу опаляло фирменным жаром. На Рейесе все еще была белая рубашка, свежая стрижка по-прежнему выглядела идеально, но на скулах уже темнела щетина. А сам Рейес

выглядел уставшим. Глаза казались сонными. Все это, конечно, обалденно сексуально, вот только Рейес не бывает сонным. У него неиссякаемая энергия. По крайней мере я так всегда думала.

Мне все еще не давал покоя вопрос, какие общие дела у него могут быть с Ангелом. Рейес направо и налево вербовал себе призраков-шпионов. Возможно, что-то подобное ему нужно было и от Ангела. Но зачем шпионить за мной? Я точно никуда не денусь. Мы все здесь взаперти. Может быть, именно поэтому воздух практически трещал от напряжения, а Рейес излучал обжигающий, как никогда, жар. Он не привык чувствовать себя бесполезным и теперь был похож на загнанного в угол волка, готового наброситься на все, что движется. Сегодня Рейес выглядел и вел себя прекрасно, но его энергия как будто сгустилась, словно дай ему малюсенький повод — и он просто-напросто взорвется.

— Ничего не хочешь мне сказать? — спросил он, и мое сердце пустилось вскачь.

Неужели он узнал Лоэрах? Или о том, как я пыталась расспросить Ангела? Или о том что меня толкнули? Я сомневалась, что Рейес видел меня во всех трех случаях. И уж точно не собиралась давать ему повод слететь с катушек, тем более у всех на глазах. О Лоэрах я расскажу ему позже, и он сможет решить, что дальше делать. Кроме того, он мне лгал. В некотором роде. Не рассказывал, что они задумали с Ангелом. О том, где находится граница, он тоже соврал. Хотя это могло быть делом рук Оша. Но если так, то как Рейес мог зайти за отмеченную Ошем границу? Или Ош тоже замешан в том, что происходит? И что именно, блин, происходит?

— Да нет, — широко улыбнулась я. — Хотела, кстати, узнать, все ли путем с вертолетом.

Несколько месяцев назад мы придумали план. Как только родится Пип, мы сядем в арендованный Рейесом вертолет и улетим на остров, где когда-то располагался лепрозорий. Весь остров был освящен, а значит, там не будет адских псов. Мы понятия не имели, повезет ли нам, но лучшего плана у нас не было. А планов за все это время мы насоставляли громадьё.

— Все в порядке. Уже давно обо всем договорились.

— Супер.

Рейес продолжал сверлить меня взглядом, поэтому я уставилась на бумажки и заметила несколько страниц, исписанных почерком Гаррета.

— А это что такое?

— Ничего, — отозвался тот. — Пробовал свои силы в переводе.

Я была впечатлена, а Рейес... ну, кажется, он отнесся к словам Своупса скептически. Как будто ничего другого от него и не ожидал. А может быть, он все еще пытался понять, лгу я или нет.

— Тут есть что-то обо мне или о Пип? — спросила я и начала читать.

— Кажется, есть немного о тебе. Да откуда мне, на хрен, знать? — Подойдя к столу, Гаррет взял блокнот. — Насколько я понимаю, речь идет о начале и конце чего-то. Вот только не знаю чего.

— Надеюсь, все-таки не мира. Можешь прочесть текст вслух? — попросила я, потому что внезапно в голову пришла идея.

— Разве что чуть-чуть. Я не знаю, как читаются все гласные, так что...

— А ты попробуй, — не унималась я, горя желанием проверить теорию.

Гаррет взял одну из страниц. Все оригинальные тексты мы скопировали. Их возраст

исчислялся тысячами лет, поэтому теперь они хранились в безопасном месте, а Своупс работал с копиями.

Громко вздохнув, чтобы все поняли, как ему не хочется этого делать, Гаррет, запинаясь, прочел несколько строчек. Потом замолчал и уставился на меня. Я сидела, чувствуя, как работают в голове шестеренки, и пыталась разобраться с произношением Своупса, а потом сказала:

— Еще раз.

Читать на всех языках, когда-либо существовавших на земле, я не умею, зато говорю на каждом из них. На живых и мертвых, устных и жестовых.

Гаррет начал заново.

— Король! — воскликнула я, уставившись на него снизу вверх. — Там говорится о короле.

— Нет, — возразил Рейес, сев ровнее, — о королеве. Если обратить внимание на первое слово в предложении, станет ясно, что речь об объекте женского рода. Просто Своупс неправильно произносит слово. — Он глянул на Гаррета. — Читай.

Гаррет поднял перевернутый стул, уселся за стол и прочитал ту же строчку.

— Уже лучше, — похвалила я. — На этот раз я поняла. Значит, некая королева, она же первая...

— Станет последней, — закончил Рейес и заглянул мне в глаза. — Здесь говорится о тебе. Только вместо слова «бог» используется слово «королева».

— Логично, — подал голос Ош, тоже сядя за стол. — Пророку нужно было осторожно выбирать слова, иначе его сочли бы еретиком.

— Или обвинили бы в сделке с дьяволом, — добавил Рейес.

— Как колдуна, — кивнул Ош. — Приговорили бы к смерти и скорее всего забили бы камнями.

— Даже подумать страшно.

— Итак, если ты и есть королева в этом отрывке, — заметил Ош, — то как ты можешь быть первой и последней?

Рейес все еще смотрел на меня, а я изо всех сил пыталась не обращать на него внимания. Потому что взгляд у него был не из разряда «подойди поближе, детка», а скорее из оперы «да кто ты, на фиг, такая?». Или так, или у меня разгулялось воображение.

— В чем дело? — в конце концов спросила я.

— Там действительно говорится о тебе, — отозвался Рейес с таким видом, словно его осенило. — Ты первый настоящий призрачный бог.

Я нахмурилась. Что-то похожее мы обсуждали и раньше.

— А разве я не тринадцатая? Ни черта не понимаю.

Рейес покачал головой:

— Ты тринадцатый бог, но первый настоящий бог призраков. Или призрачный бог.

Со всем свойственным мне драматизмом я распласталась (в основном только головой) на столе.

— Ты никогда и ничего мне подробно не рассказывал. Я уже совсем запуталась.

— Ну ладно, — тихо рассмеялся Рейес. — Вот что мне известно. Было семеро богов. Точнее так бы их назвали в этом мире. И эти семеро были первыми, изначальными богами, которые там, в своем мире, создали все. Как Бог этого мира создал все здесь.

Я повернулась к мужу, пытаясь разложить все полочкам:

— Типа как другую галактику?

— Нет, — вставил Ош. — Типа как другую вселенную. Эта уже занята.

— Есть и другие вселенные? — поразился Гаррет.

— Вселенных столько, сколько звезд на небе в той, где мы сейчас находимся.

Ошеломленный не меньше меня, Своупс откинулся на спинку стула.

— Значит, в моей вселенной, — пролепетала я, — было семь богов. Не один.

— Да, за неимением лучшего слова. Вообще-то, они совершенно иные создания, но пока сойдет и «бог».

— Усекла. Бог так бог. И у нас их семь.

— Было семь. С течением времени богов стало тринадцать, включая тебя. Но осталась только ты. Ты — последняя из них.

Я повторила свой драматический выпад, и Рейес опять рассмеялся. Убрал с моего лица волосы и заправил за ухо.

— Семеро изначальных богов были не такими, как Бог этого мира. Они могли производить потомство, но лишь однажды.

— Ладно, я на крючке. Почему только однажды?

— Потому что, когда они создавали другого бога, а именно этих других я и называю призрачными богами, они сливались воедино и переставали существовать. И этот союз порождал другое существо...

— Как Пип!

— ... как Пип, только новое создание появлялось из слияния сразу двух богов и обладало силами обоих своих создателей. А значит, призрачный бог был сильнее тех двух, что его сотворили, взятых по отдельности. Все равно что две звезды столкнутся, и возникнет сверхновая, которая будет жить вечно и обладать бесконечным запасом энергии. Прошли миллионы лет. Или даже миллиарды. За все это время изначальные боги слились друг с другом и с одним уже сотворенным призрачным богом, и дальше по тому же сценарию, пока не остался только один. И все они были поразительными, величественными созданиями, обладавшими силой миллиарда солнц.

Я пришибленно застыла.

— Блин, обалденно шикарная история.

— Спасибо.

— Но почему тогда я и первая, и последняя?

— Если ты дашь себе труд посчитать...

Я в ужасе уставилась на Рейеса. Понятия не имела, что придется считать. Но он не обратил на меня ни малейшего внимания.

— ... то поймешь, что семеро изначальных богов и первые созданные ими призрачные боги в результате процесса слияния могли сотворить только тринадцатого призрачного бога. Семеро изначальных богов и трое первых призрачных, соединившись, породили в итоге двух призрачных богов. И впервые за все время существования их вселенной двое оставшихся призрачных богов, которые обладали силами всех своих предшественников, слились воедино, и из их союза родилась ты.

Пытаясь представить себе весь процесс, я зажмурилась.

— Кажется, с математикой у тебя беда.

— С математикой у меня полный порядок.

Рейес взял лист бумаги и карандаш и нарисовал схему, в которой крестиками отметил

семерых изначальных богов, а ноликами — порожденных ими призрачных. Он был прав. Из семерых изначальных богов всего получалось, включая их самих, тринадцать. Семеро изначальных и шестеро призрачных.

— Получается, чтобы создать меня, мой отец и мать пожертвовали своей жизнью?

— И да, и нет, — сказал Ош. — Они по-прежнему живут внутри тебя. Если все на самом деле так, то сила, которой пропитана каждая твоя клетка, способна разрушить эту вселенную. Даже миллион вселенных и все, что в них существует. Хорошо, что представители твоей расы сами по себе очень добры. Мне нравится думать, что предшествующие тебе боги — нечто вроде... — Ош замолчал, пытаясь подобрать подходящее слово, и глянул на Рейеса.

— Наставников, — предложил вариант Рейес.

— Точно. Они как наставники, существующие у тебя в сознании и в воспоминаниях, определяющих твою генетику. Просто ты — отдельное существо.

— И, отвечая на твой вопрос, — добавил Рейес, — ты первый настоящий призрачный бог, созданный двумя призрачными богами. А поскольку других нет, то ты одновременно и последний.

— Как-то это печально, — вздохнула я, а потом спросила, положив руку на грудь: — Но ведь они все еще здесь?

— Как советники.

— Только подумай! — Ош с благоговением уставился на меня. — Всю силу, энергию и могущество первых семи богов взрастили, собрали и передали тебе одной.

Рейес посмотрел на даэву и сделал то, чего я никак не ожидала, — попросил у него совета:

— Вот с этого момента я перестал понимать, что происходит.

Ош кивнул, давая знать, что готов его выслушать.

— Почему она в этом мире? — продолжил Рейес. — Если она последний бог своей вселенной, всего своего народа и вообще последняя из себе подобных, почему она оказалась здесь?

— Даже я не могу этого понять, — отозвался Ош.

— Когда мы в первый раз занимались сексом, — начала я, из-за чего Рейес почувствовал себя капельку неловко, зато Ош наострил уши, — я кое-что видела. Как ты впервые меня заметил. — Я в упор посмотрела на мужа. — Ты выбрал меня из тысяч существ, созданных из света. И все они были точно такими же, как я. Значит, нас наверняка больше.

— Не были они точно такими же, как ты. Для сравнения, чтобы хоть как-то описать твой мир, представь себе Бога, в смысле бога этого мира, среди его ангелов. Он не такой, как они. Он их создал. В его власти обратить их всех в прах силой одной лишь мысли, но он все равно живет среди них. Ангелы, разумеется, могущественнее смертных, но они не похожи на Бога, хотя и созданы из той же сущности. Из того же света.

— То есть ты увидел меня среди моих же ангелов?

— Образно выражаясь. Но опять же, ты должна понять: вся эта история заняла миллионы, если не миллиарды лет. Боги твоего измерения древнее всех, кого я когда-либо встречал.

И тут на меня снизошло прозрение.

— Тогда я старше, чем ты.

— Чего? — недоуменно переспросил Рейес.

— Тебе, наверное, много веков, но я, получается, старше. Мне миллионы лет!

— Верно, — усмехнулся он.

— Значит, я совратила младенца, — с довольным видом подытожила я. — Жаль, что я ничего этого не помню.

— Насколько я понимаю, ты все вспомнишь, как только узнаешь свое неземное имя. Это как предохранитель. Но, по идее, ты не должна узнать имя, пока не умрет твое физическое тело.

— Но я уже умирала! — напомнила я. — Когда на нас напала Дюжина, я всадила кинжал себе в сердце. Я, блин, еще как умерла и видела над нами рай. Уж мне-то ты можешь поверить.

— Ты умерла, но вернулась, — сказал Ош, у которого тоже были проблемы с пониманием всей этой неразберихи. — Это единственное объяснение. Умерев, ты не заняла пост ангела смерти, то есть жнеца, как было предназначено.

— Значит, другие ангелы смерти, или... жнецы, которые до меня пожинали, за неимением лучшего слова, души, тоже были из моего мира?

— Да, — ответил Рейес. — Но твои предшественники-жнецы скорее как ангелы земного Бога. Ни один бог никогда не занимался подобной черной работой.

— Ну и на кой разбрасываться генофондом? — встрял Гаррет. — Зачем посылать сюда самого натурального бога, если для этого есть специальные люди?

Рейес кивнул, соглашаясь с тем, что все это не поддавалось никакой логике:

— Как я и говорил, это все равно что послать королеву работать уборщицей.

— Или все-таки бога, — заметил в свою очередь Ош, — разгребать чей-то бардак.

Гаррет задумчиво уставился на меня:

— Ну и за кем ты тут должна подчистить?

Друг поможет подняться, если кто-то собьет тебя с ног.

Лучший друг возьмет битую и скажет: «Ты полежи, а я разберусь».

Факт

Поедая потрясающие вкусности, которые наготовили на гриле Рейес и Ош, мы с Куки сверяли свои заметки. К сожалению, удача нас не баловала. Кук все еще ждала информации от Кит, а я, увы, мало что могла сделать, сидя в монастыре, и чувствовала себя совершенно беспомощной. Мало того, на меня давил страх по поводу Лоэров. Как рассказать обо всем Рейесу?

Несколько раз я умоляла Куки хоть одну ночь провести с новоиспеченным мужем в каком-нибудь симпатичном месте, но она наотрез отказывалась уезжать. Джемма и Дениз тоже до сих пор торчали здесь. В последнее время я как-то чересчур часто их видела. И этот факт был странным и тревожным одновременно. Точнее Дениз капитально выводила меня из себя, но по большей части не наглела. А сейчас и вовсе собрала наши тарелки и занялась мытьем посуды. Так что какое-то время я готова была потерпеть.

Эмбер с Квентином ушли смотреть фильм, и это напомнило мне, что, пока не поздно, надо позвонить сестре Мэри Элизабет. Если кто и знает, что происходит наверху, то точно она.

Встав из-за стола, Рейес ушел чистить гриль. Джемма с книгой в руках обосновалась в уютном уголке в гостиной. Дяде Бобу пришлось вернуться в город, а Ош, живший по одному ему известному расписанию, куда-то подевался. Кит прислала копии допросов всех друзей Фэрис, и Куки не терпелось хорошенько покопаться в документах, поэтому я воспользовалась шансом поболтать с Гарретом, тем более что за столом только мы с ним и остались. Все наши разговоры касались пророчеств и адских псов, а мне хотелось узнать, как у него дела. Ну, типа того. На самом деле мне хотелось узнать, как поживает мать его ребенка Марика и, собственно, сам сын Своупса.

Жестом я позвала Гаррета сесть поближе. Он подозрительно нахмурился и только потом придвинулся вместе со стулом. Где-то на сантиметр. Гад.

— Ну и? — спросила я, попивая горячий шоколад. Опять.

До рождения Пип мне пришлось официально порвать с кофе, поэтому горячий шоколад стал моим новым другом. Мы не были так близки, как с мокко латте, но весьма неплохо ладили. Чтобы построить крепкие отношения, требуется время. А с доверием у меня всегда были проблемы.

— Что «ну и»? — уточнил Своупс, глотнув пива, которое хлебал весь день.

— Как там Заир?

Один уголок его рта приподнялся.

— Все хорошо. Вижусь с ним почти каждую неделю.

— А у Марики как дела?

Пожав плечами, Гаррет развалился на стуле и вытянул ноги.

— Тоже порядок. Мы с ней поговорили.

Я подалась ближе:

— И?

— Она хочет попробовать еще раз. В смысле повстречаться.

— Чувак, это же классно!

— Даже не знаю. Она использовала меня, чтобы забеременеть, и ничего мне не сказала.

— Само собой, она ничего тебе не сказала. Если бы она выложила все начистоту, что бы ты сделал?

— Побежал бы, куда глаза глядят. Но это ничего не меняет, Чарльз.

Конечно же, он прав, но мы все совершаем ошибки. И я решила ему об этом напомнить:

— Помнишь, как однажды я помогла тебе устроить засаду на...

— Ты о том, как чуть не раскрыла мой пост, потому что тебе приспичило, чтобы я попробовал твой кофе?

— Ага. И что тогда произошло?

— Парень вернулся домой. Я его повязал. Конец истории.

— Нет. Перед этим.

— Ты хотела меня отравить.

— Нет. После этого.

И я вовсе не пыталась его отравить. Всего лишь хотела узнать, не подсыпали ли мне в кофе яду. Потому что на вкус он казался... ядовитым. Выяснилось, что я просто-напросто плохо вымыла чашку. А навывдумывать успела всякого. Вплоть до того, что управдом пытается меня убить.

Гаррет громко вздохнул, чтобы выразить собственное мнение. Никому, надо сказать, не нужное.

— Ладно, я понял.

— Ну нетушки. Что тогда произошло?

— Я пошел в закусочную за чашкой кофе.

— Нет. Ты пошел в закусочную охмурять одну из официанток.

— Я в курсе.

— А ты помнишь, почему я оказалась в том же районе, что и ты?

— Ты вела наблюдение за той закусочной.

— Нет. Я вела наблюдение за той официанткой. И зачем мне это понадобилось?

— Чарльз...

Я прижала к его губам указательный палец. Своупс злобно уставился на меня.

— Зачем я это делала?

— Ты узнала, что она подливает мужчинам в кофе глазные капли.

— Вот именно! Ей зачем-то понадобилось мстить всем мужикам на планете. А от этих капель их капитально тошнило. Я спасла твою задницу. Ты мог умереть.

— Не мог.

— Но мог впасть в кому, как муж бедняжки миссис Вердин.

— К чему ты ведешь?

— Ты совершил ошибку, когда решил поухлестывать за этой женщиной, хотя нутром чуял, что она такая же нормальная, как колченогий стул. Мы все совершаем ошибки.

— Марика не совершала никакой ошибки. Она все сделала намеренно.

— Я понимаю тебя, честно. Просто надеюсь, что ты дашь ей второй шанс. Особенно теперь, когда она порвала со своим бойфрендом.

— Они расстались?

Я кивнула, зная, что Своупс попался.

— Ну не знаю, Чарльз. Все бабы чокнутые.

— А как ты хотел? Но это не значит, что надо полностью от них отказаться.

— Может быть, что-нибудь и получится. В смысле я всегда хотел иметь семью. А Заир чудо. Да и Марика временами ничего.

— Вот это по-нашему! — Я стукнула его кулаком в плечо. — Ну так как? Принес?

— Ты только поэтому со мной заговорила?

Разумеется, нет, но мне не хотелось давать ему понять, что я искренне за него волнуюсь. Гаррет ухмыльнулся, и серебристые глаза лукаво блеснули.

— Она за стремным ящиком, — сказал он, кивнув на ящик для картошки.

— Класс! — Я пошла посмотреть на новую игрушку. — Всегда хотела себе кувалду.

Рукоять была длиной примерно в половину моего роста, а сам боек — размером с полуторалитровую бутылку. Но в целом, на вид кувалда казалась очень даже миленькой.

Я взялась за рукоять и попыталась поднять инструмент, не обращая внимания на посмеивающегося за столом «охотника за головами». Ничто не собьет меня с пути к намеченной цели.

— Что ж, попробуем.

Кое-как мне удалось выволочь кувалду из-за ящика и немножко протащить по полу.

— Ты же не собираешься с ее помощью кого-нибудь убить?

— Точно не собираюсь, — отозвалась я, пыхтя и кряхтя, в то время как кувалда елозила по плиточному полу со звуками, которые вполне сгодились бы для какого-нибудь ужастика.

— А ты в курсе, что этому полу лет сто?

Пол мне было жалко, честно, но дурацкая штукавина никак не поднималась.

— Она гораздо тяжелее, чем кажется.

— Тебе помочь?

— Не-а. — Я еле дышала. А прошла-то всего полметра. — Сама справлюсь.

Прямо за кухней находилась крошечная комната с чем-то вроде чуланчика. Никто не знал, что это такое. Даже сестра Мэри Элизабет. Как по мне, это вполне могла оказаться какая-нибудь исповедальня. Что мы только ни делали, но дверь открыть так и не смогли. Даже забыли о ней на какое-то время. Но, чем больше я думала о чулане, тем сильнее хотела узнать, что там. А там могло быть что угодно. Труп, гора золота или лестница в потайной ход.

Короче говоря, у меня лопнуло терпение. Оставалась последняя надежда. Я открою эту дверь, даже если придется выбить вокруг нее стену.

Гаррет двинул за мной в комнатку, которую мы превратили в прачечную. Поскольку от физической помощи я отказалась, он решил помочь по-другому. Наблюдал, посмеивался и уверял, что у меня не все дома. На другое я и не рассчитывала.

Целую вечность спустя мы добрались до двери, которую кто-то сделал прямо посреди стены. Стена, между прочим, стояла параллельно стене той комнаты, в которой мы с Куки устроили наш офис. Но между ними было добрых полтора метра. Что же там скрывалось?

Я собиралась это выяснить во что бы то ни стало.

Потягивая пиво, Гаррет с порога наблюдал за происходящим, а я изо всех сил пытался оторвать кувалду от пола. Вообще-то, я совсем не слабачка и вполне могу таскать тяжести. Пусть даже относительно тяжелые тяжести. Но эта штука никак не поддавалась.

Я опустила кувалду на пол как раз в тот момент, когда пришел Рейес. Причем появился он с такой же скептической ухмылочкой, с какой наблюдал за мной Гаррет.

— Собираешься открыть дверь? — спросил Рейес, вытирая руки полотенцем.

— Еще как собираюсь. — Я опять попробовала поднять кувалду и снова опустила на пол, чтобы передохнуть. — Мы должны выяснить, что там. Там ведь может быть что угодно! Должна же быть причина, почему эта дверь заперта. — В тысячный раз я уставилась на упомянутую дверь. — Впрочем, интересует меня другое. Как ее заперли? Замка-то нет.

Ну правда, это уже просто абсурд.

Дверь была тяжелая. Кому понадобилась такая мощная и непроходимая дверь в монастыре с обычными стенами и обычными дверьми? Рейес даже пытался заглянуть в чулан в нематериальном виде. И не смог туда попасть!

— А вам разве не любопытно? Что может прятаться в комнате, куда нельзя попасть даже нематериально?

Я опять попыталась поднять кувалду, но тут зрителей стало больше.

— Опять она за свое? — спросил Ош.

— И отступать явно не собирается, — отозвался Рейес.

Меня все это начинало конкретно доставать.

— Ну ладно, мистер Умник, раз не хочешь помогать, о чем ты разговаривал с Ангелом?

Рейес прищурился:

— В смысле?

— Я видела вас сегодня на поляне.

Он расправил плечи.

— Что ты там делала?

— Шла за миленькой мертвой монахиней. Она пыталась мне что-то показать, а потом меня толкнули, я упала и чуть не свернула себе шею. А где был ты? Точно не рядом, чтобы помочь.

Меня обдало вспышкой жара, но я не поняла, на что разозлился Рейес. На меня или на то, что меня толкнули.

— Что значит толкнули?

Ну слава богу.

— Кто тебя толкнул?

— О чем ты разговаривал с Ангелом?

— Так вот откуда это взялось? — Рейес взял меня за руку и показал на свежую царапину. Прикосновение было по-настоящему обжигающим.

— Может быть. — Я стряхнула с себя его пальцы и опять взялась за кувалду. — Понятия не имею, кто это был. Зато почувствовала странный запах. — Тут я выпрямилась и задумалась. — Что-то вроде лаванды. — А потом снова наклонилась к проблеме номер один.

Рейес шагнул ближе и приподнял мое лицо за подбородок.

— Кто это был?

В тот момент, когда он подошел, меня словно окунули в бушующее пламя.

— О чем ты разговаривал с Ангелом? — Он не ответил, поэтому я отшатнулась и показала пальцем куда-то в сторону гостиной. — Иди и постой в углу вместе с мистером Вонгом.

Пришла Куки и стала подпрыгивать, пытаясь хоть что-то рассмотреть из-за спины Оша.

— Она опять пытается проломиться сквозь дверь?

Рейес раздраженно отвернулся.

— Почему он здесь?

— Мистер Вонг? Понятия не имею. — Но я все-таки остановилась, заметив, как Рейес с Ошем глазят друг на друга. — Вы думаете о том же, о чем и я?

— Почему в доме обитает такое могущественное создание? — уточнил Ош.

— Нет. То есть да, но я думала о том, что ему надо чаще гулять. Познакомиться с какой-нибудь девушкой, ну или записаться в клуб холостяков. По-моему, ему ужасно одиноко.

Я опять потянула за кувалду, приподняла сантиметра на два от пола и изо всех сил стукнула по двери. Удар оказался едва ощутимым, а звук — еле слышным в шуме работавшей на отжиме стиралки.

Зрителей стало еще больше. За спиной Гаррета маячила Джемма, но я сомневалась, что визг, от которого закровоточили мои уши, издала она. Нет, сестра тут была ни при чем. Визжала, ясное дело, мачеха.

— Ты что творишь? — заорала она, проталкиваясь в комнату.

Не обращая на нее внимания, Рейес решил на время забыть о мистере Вонге, которого лично я считала милейшим человеком на земле. Пусть даже и мертвым.

Рейес снова подошел ко мне и погладил пальцами мою царапину.

— Как ты себя чувствуешь?

Все мои внутренности превратились в желе.

— Лучше всех.

— Кувалда? — не унималась Дениз. — О чем вы все думаете, разрешая ей таскать кувалду?!

— Я позвоню Кэтрин, — по-прежнему не впечатленный ее истерикой, добавил Рейес. — На всякий случай.

— Повитухе-Кэтрин, — поправила я.

Рожать в больнице с бригадой врачей мне было нельзя, поэтому мы организовали себе бригаду на дому. Даже обустроили одну из комнат на первом этаже под больничную палату со всем оборудованием, которое могло понадобиться современной повитухе.

Дениз вырвала из моих рук рукоять кувалды.

— Ты хоть представляешь, что может случиться с ребенком?!

Шутит, что ли?

— Ребенку ничего не угрожает, Дениз.

— Чарли, тебе нельзя поднимать тяжести.

— Еще как можно. Высоко не получается, но...

От стен эхом отразился шлепок. Только секунду спустя до меня дошло, что щека горит. Момент был настолько шокирующим, что все ошеломленно застыли. В том числе и Дениз. Казалось, ее случившееся шокировало даже больше, чем всех остальных.

Первым отреагировал Рейес. Ощувив вспышку жара, я мигом остановила время и уставилась на руку мужа у самого горла мачехи. Его ярость была настолько всепоглощающей, что он в мгновение ока сломал бы ей шею, не успев понять, что творит. Я встала перед Рейесом, положила ладони на широкую грудь и изо всех сил толкнула. А потом отпустила время, так и не убрав руки и приготовившись к удару.

Время с ревом вернулось, и Рейес, не ожидая от меня вмешательства, невольно шагнул назад. Блин! Я же толкала со всей дури, а он сдвинулся на какой-то сантиметр! Долю секунды спустя он снова рванул к Дениз, но я положила ладони ему на лицо и потянула к себе.

— Мам! — крикнула Джемма, пытаясь прорваться в комнату сквозь мужчин,

заблокировавших проход.

Кто такой Рейес на самом деле, она до конца не понимала, но знала, что он смертоносное сверхъестественное существо. Встав перед Дениз, сестра подняла руки, защищая от него мачеху.

— Прости, — буркнула Дениз, надеясь успокоить Рейеса.

— Рейес, — тихо начала я, — все в порядке. — От его раскаленной ярости мне было по-настоящему больно. — Прощу тебя, успокойся. — Я улыбнулась, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. — Ты сжигаешь меня живьем.

В тот же миг он словно выключил гнев. От бурливших внутри него эмоций на густых ресницах блеснула едва заметная влага, хотя сам Рейес испепелял меня взглядом. А потом медленно-медленно наконец-то взял себя в руки.

Я стерла скатившуюся по его щеке слезу, и Рейес смущенно отвернулся, глубоко в душе все еще кипя от злости и, наверное, испугавшись того, что мог натворить.

Я повернулась к Дениз:

— Жить будешь?

Та обеими руками прикрыла рот.

— Чарли, мне очень-очень...

— Пусть катится на хрен из моего дома, — не поворачиваясь, холодно процедил Рейес.

— Пойдем. — Джемма повела Дениз из комнаты.

Гаррет подтолкнул обеих вперед, а потом вместе с Ошем встал в проходе на случай, если Рейес передумает.

— Все под контролем, — сказал им Рейес, но с места они не сдвинулись.

Я глянула на Куки. У нее был такой вид, будто она вот-вот расплачется.

— Все в порядке, солнце, — заверила я, но убедить ее не удалось.

Тем не менее, Кук кивнула и тихонько вышла из комнаты.

— Рейес, — позвала я и положила ладонь ему на спину. Кожу опалило диким жаром. — Что происходит? Ты ужасно горячий и ведешь себя так, будто готов сорваться в любую секунду. Уходишь и где-то пропадаешь часами, а когда возвращаешься посреди ночи, усердно меня избегаешь. Я ничего не понимаю.

Учитывая все это, я представить себе не могла, как он отреагирует на новость о Лоэрах. От одной только мысли меня переполнял леденящий душу страх.

— Расскажи ей, — сказал Ош, прислонившись к дверному косяку.

— Это из-за меня? — Я опустила голову, боясь услышать ответ. — Из-за того, как я выгляжу?

Рейес посмотрел на меня в упор, и я опять ощутила вспышку жара.

— Ушам своим не верю.

— Я беременна, Рейес. И уже давно смахиваю на дирижабль.

Заметив недоуменный взгляд, я застыла. Рейес явно был изумлен.

— Ты потрясающе выглядишь. И еще никогда не была такой красивой. Неужели ты не понимаешь? Ты — бог, а я сын худшего из твоих врагов.

Я решила не заикливаться на словах о красоте и спросила:

— И при чем тут все это?

— Если ты ей не расскажешь, то расскажу я. — Ош явно давил на Рейеса. По-моему, сейчас для такого не самое подходящее время. Или я ошибаюсь?

— О чем он говорит? — спросила я у мужа, который злобно смотрел на даэву.

— Как знаешь, — сказал Ош. — Значит, я сам ей все выложу.

Взгляд Рейеса стал просто-напросто убийственным. Я даже вздрогнула. Он шагнул к Ошу, и в каждом движении так и сквозила опасность.

— Это будут твои последние слова.

Даэва кивнул:

— Тебе давно пора отрастить пару яиц.

В аду Ош был чемпионом. Самым сильным и самым быстрым бойцом. Даже быстрее Рейеса, как однажды сказал мне мой упрямый муж. Вот только размерами Ош сильно ему уступал. По крайней мере в человеческом виде. Впрочем, как знать, имеет ли размер значение в таких делах?

Рейес сделал еще один шаг вперед, но я его остановила, положив руку ему на грудь. Правда, у меня получилось только потому, что он мне это позволил.

Потом я повернулась к Ошу:

— Рассказывай.

Даэва усмехнулся, что, на мой взгляд, было совершенно ни к чему. Как-то слишком сильно ему нравилось противостоять Рейесу.

— Он не спит с самого нападения.

— Чего? — Я резко развернулась. — С какого нападения? Когда на тебя напали?

— С того самого, восемь месяцев назад, — ответил Ош. — Сейчас в сражении от него не будет никакого толка. Если Дюжина каким-то образом проберется через границу...

— Восемь месяцев? — вконец офонарела я. — Он шутит? Ты не спишь восемь месяцев?!

Мы, конечно, сверхъестественные существа, но у нас человеческие тела и человеческие потребности. Неудивительно, что Рейес постоянно выглядит уставшим и растрепанным. Однажды я три недели продержалась без сна. Думала, умру. Но восемь, блин, месяцев?!

— Почему? — спросила я у Рейеса.

— Мы еще не добрались до самого интересного, — продолжил Ош.

На челюстях Рейеса заиграли желваки.

— Не смей. Я прекратил. Ничего не получилось, и я прекратил.

— Что прекратил? — спросила я, борясь с растущим страхом.

— Сколько ты предпринял попыток, прежде чем остановиться? Десять? Или даже больше?

— Я остановился. Все остальное не важно.

Чтобы напомнить о себе, я вцепилась ногтями в бицепс Рейеса и строго велела Ошу:

— Выкладывай.

— Он считал, что может найти способ убить псов. — Глаза Оша так и искрились весельем. — Он ошибался.

— Убить? — Я переводила взгляд с даэвы на мужа и обратно. — И как конкретно шли поиски чудесного способа?

На этот раз заговорил Гаррет, правда, без намека на улыбку:

— Он затаскивал их на святую землю, надеясь, что это их убьет.

Меня пришибло таким шоком, как будто я только что засунула столовую вилку в розетку. Совершенно ошалев и потеряв дар речи, я уставилась на Рейеса. Как он вообще мог на такое решиться?

— Что-что ты делал? — еле слышно прошептала я.

Поначалу он молчал, а когда ответил, напомним мне школьника, которого отчитывают за пьянку накануне:

— Я попытался всего пару раз. Ничего не получилось, поэтому я прекратил.

— Пятнадцать, — добавил Гаррет. — Он пытался пятнадцать раз.

Я представила себе Рейеса, который не просто сражается с псами, а еще и затаскивает их — намеренно! — на освященную землю, где опять с ними дерется. Мир вокруг меня завертелся, а секунду спустя земля ушла из-под ног.

— Может быть, если бы он хоть иногда спал, ему не вручали бы его же задницу на блюдечке при каждой попытке, — сказал Ош откуда-то из окружающей меня тьмы. — Эти ублюдки знатно дерутся.

Как в замедленной съемке, я опустилась на пол. В глазах помутнело. Ко мне потянулись сразу три пары рук, а потом я оказалась в объятиях Рейеса. Весила я полтонны, а он легко поднялся со мной по лестнице до самой нашей спальни. Где как раз сидели Дениз, Джемма и Куки. Блин, добром это не кончится.

— Она до сих пор здесь? — спросила я у сестры, пытаюсь вытрясти из головы туман. — Издеваешься?

— Я должна извиниться, — заявила Дениз, заламывая руки. — Что с ней случилось?

Взгляд, которым наградил ее Рейес, высушил бы и зимнюю розу. Вот только назвать Дениз цветочком ни у кого бы язык не повернулся.

— Все в порядке, солнце, — сказала я мужу, жестом попросив опустить меня на пол.

Очень осторожно Рейес отпустил меня и придержал, пока я не смогла стоять самостоятельно, а потом сказал:

— Я тебя наедине с ней не оставляю. Даже не мечтай.

— Рейес, все путем. Она не хотела отвечать мне пощечину.

Кто бы знал, с какими трудом дались мне эти слова! Но потом я и сама зло уставилась на мачеху. Ей хватило такта притвориться пристыженной.

— Не она меня беспокоит. Значит, ты поэтому был с Ангелом на поляне?

Рейес ответил не сразу:

— Да.

И солгал. Я это знала. А он знал, что я знала. С вызовом задрал нос, я отвернулась. Через секунду Рейес вышел из комнаты.

Я повернулась к женщине, благодаря которой мое детство превратилось в ад:

— Почему ты все еще здесь?

— Я хочу объясниться.

— Чарли, — вмешалась Джемма, — выслушай ее. Мне кажется, вам обоим это пойдет на пользу.

— Зачем? Она никогда меня не слушала. Почему я должна слушать ее? Да и вообще, мне давно стоило пометить ее душу для Оша. Хотя... нет у нее никакой души.

— Это у меня нет души?! — сквозь зубы процедила мачеха.

Вот она — истинная Дениз. Так и знала, что вся эта ерунда с заботой и желанием помочь долго не продлится.

— Ты всегда считала меня пустышкой! — Ее лицо превратилось в маску ярости.

— Ну что ты, дорогая моя! Ты одна сплошная прелесть.

— Ты даже на похороны собственного отца не явилась.

Джемма громко ахнула.

— Сидишь в этой норе месяцами, — вовсе несло Дениз, — как под программой защиты свидетелей!

— Если мне и нужна защита, то только от тебя.

— Ну все! — гаркнула сестра. — Сели! Обе.

Дениз села на скамейку в ногах кровати, а я сложила руки на груди, демонстрируя полнейшее нежелание подчиняться кому бы то ни было.

Схватив за ухо, Джемма потащила меня к стулу в углу нашей с Рейесом крошечной спальни.

— Святой ежик, Джем! Повитуха-Кэтрин тебя за такое по головке не погладит.

— Прекращай ее так называть. Ее зовут Кэтрин, и точка.

Она отпустила мое ухо, и я потерла пострадавший хрящ.

— Как ты это сделала?

— Сядь!

— Нет, серьезно. У меня скоро будет ребенок. Я должна знать, как можно вывести из строя человека, всего лишь схватив его за ухо.

— Сядь, сказала.

Я села.

— Потом расскажешь, да?

— Ты должна выслушать маму.

— Ничего я не должна.

— Она этого заслуживает, Чарли.

— Минуточку! Ты же сама все видела. Все наше детство ты была рядом и видела, через что мне по ее милости пришлось пройти. Да взять хотя бы последнюю пощечину!

В моей жизни это была вторая пощечина, которую Дениз влепила мне на глазах у целой толпы людей. И вторая была не менее унижительной, чем первая.

— Всю жизнь я видела, что вы обе ведете себя, как дети в песочнице.

— Ага, но она всегда первая начинала.

— Вовсе нет.

— Ты уже забыла, как она стащила меня с велосипеда перед соседскими детьми только за то, что я не помыла посуду? Или как она отвернулась и ничего не сделала, когда какой-то мальчишка бросил грязь прямо мне в лицо? Или как она пыталась сбить меня на машине?

Дениз резко втянула носом воздух.

— Я никогда не пыталась тебя сбить!

— Ну ладно, это я только что выдумала. Но все остальное тебе придется признать.

— Господи, Чарли, — вздохнула Джемма, — может быть, не будем сейчас сказки сочинять?

— Это еще почему? Мне нужно что-нибудь про запас на случай, если ты не вспомнишь никаких страшных примеров. Я знаю: то, что я говорю, кажется смехотворным ребячеством, как будто у меня нет причин так долго ее ненавидеть. Но так она вела себя со мной каждый божий день. Что бы я ни делала. Никогда не хвалила, не принимала мою сторону. Постоянно ругала, подыскивая поводы, один глупее другого. Как будто для нее стало личной миссией сделать все, чтобы окружающие считали меня ничтожеством. Матери не разрушают и не издеваются, Джемма. Они растят, холят и лелеют. Точно так же, как она поступала с тобой.

— Это неправда, Чарли, — проговорила сестра докторским тоном.

— Она влепила мне пощечину на глазах у кучи людей. А мне было пять лет.

— Чарли, попробуй поставить себя на ее место. Ситуация была ужасная. Ты сказала женщине, чью дочь искали несколько недель подряд, что девочка прямо перед ней.

— Так и было.

— Мы простые смертные, Чарли, и ничего не знали. Мама была в ужасе, поэтому запаниковала.

— Как и пару минут назад? — Я потерла щеку и посмотрела на мачеху, которой хватило ума прикинуться смущенной. — Сегодня ты тоже запаниковала?

— Да, — ответила она.

Фыркнув, я глянула на Джемму:

— Ты в курсе, что та женщина подарила мне велосипед, когда я привела копов к телу ее дочери? А твоя мать не разрешила мне его оставить.

У Джеммы был ошеломленный вид.

— Ты ведь помогла женщине избавиться от неизвестности. Естественно, ей хотелось тебя отблагодарить.

— Даже незнакомые люди верили в мои способности, а она, — я смерила Дениз гневным взглядом, — постоянно заставляла меня чувствовать себя идиоткой.

— По-моему, тебя не нужно было поощрять за то, что ты сделала. Ты должна была понять, что это неправильно. Нельзя говорить такие вещи направо и налево, даже если это правда.

— Что ж, урок я усвоила. Можешь не волноваться. Мы закончили?

— Нет, — ответила Джемма. — Мама хочет объясниться.

— Я пыталась хоть чему-то тебя научить, — начала Дениз. — Воспитать тебя.

— Нет. — Я встала и принялась мерить шагами комнату. — Ты была ко мне совершенно равнодушна. Даже не так, ты меня ненавидела. Это не воспитание, а наказание.

— Я никогда не питала к тебе ненависти.

— Ну да, тебе было на меня наплевать. Если это не ненависть, то что тогда?

— Равнодушной я тоже не была.

— Ты была чудовищем! — закричала я, не сдержавшись. — Почему ты здесь? Почему вообще со мной разговариваешь?

У Дениз затряслись плечи, а потом она откашлялась. Ну нетушки, не сделает она из меня во всем этом гадстве плохого парня. Может быть, ее слезы и действовали на папу, но я не куплюсь ни на секунду.

— Я не была равнодушной, Чарли.

Я невесело рассмеялась.

— Я тебя боялась.

Не в силах поверить, что мачеха разыгрывает эту карту, я тяжело вздохнула.

— Я боялась тебя до смерти. Ты была... другой. Чем-то, что нельзя назвать человеком. Поэтому я тебя боялась.

— Ну надо же! Теперь ты, оказывается, во все это веришь?

— Прошу тебя, Чарли, выслушай ее. Мы так долго к этому шли! — вставила Джемма.

— То есть ты ее личный мозгоправ? Тогда дам тебе совет. Нейролептики творят чудеса.

— Ты обязана уделить ей хоть капельку своего времени.

— Всю жизнь она обращалась со мной, как с куском дерьма. Единственное, что я ей должна, — это средний палец и игнор.

— Ты права, — внезапно выдала Дениз. — Ты во всем права.

Я покосилась на сестру:

— Вот видишь?

— Если ты позволишь мне все объяснить, — продолжала мачеха, — я сегодня же уеду и больше не вернусь, если, конечно, ты не передумаешь.

— Не передумаю ни за какие коврижки. Я слушаю.

С мокрыми щеками Дениз устала на свои дрожащие пальцы.

— Когда я была маленькой, мама попала в аварию.

Блин! Не было у меня желания слушать байки из жизни, ей-богу. Это могло затянуться надолго, а мне уже очень-очень хотелось в туалет.

— Ее отвезли в реанимацию. Состояние стабилизировали, поэтому нам с папой разрешили ее проводить. Было очень страшно видеть ее в окружении всех этих аппаратов и мониторов.

Я с тоской поглазела на дверь, раздумывая, заметит ли кто-нибудь, если я сбегу на пару минут. Пип явно играла в классики на мочевом пузыре, а исповедь Дениз абсолютно точно закончится нескоро.

— Папа ушел за кофе, и, пока его не было, мама очнулась. Сонно посмотрела на меня и протянула руку. А потом аппараты словно взбесились. У нее упало давление. Прибежали медсестры и врачи, сорвали с нее одно из одеял. Оно было синее.

Лично я синий цвет не очень люблю.

— Все засуетились, пытались привести маму в чувства. Она снова очнулась, но на мониторах все еще был полный хаос. Мама посмотрела в никуда и заговорила. Что-то вроде «Хорошо, ясно, я представить себе не могла...». И у нее был такой любящий взгляд! Я посмотрела вверх и увидела, с кем она говорит. Это был ангел.

Однажды я тоже видела ангела, но решила, что сейчас не время об этом упоминать.

— Он исчез. Обо мне все забыли. Маму увезли обратно в операционную. По дороге ей делали массаж сердца, но она уже умерла. Вернувшись, папа пролил кофе. Я пыталась рассказать ему об ангеле, но он видел только одеяло, которое принял за полотенце.

Тут до меня дошло, к чему все идет. Когда умер отец Дениз, мне было четыре года. Он пришел ко мне и попросил передать ей послание. Что-то про синие полотенца. Я была слишком маленькой и ничего не поняла. А позже мне стало все равно.

— Врачи вернулись и сказали, что мамы больше нет. Папа заплакал. Я все говорила и говорила ему об ангеле, а он видел только синее полотенце.

Мне точно понадобится полотенце, если я как можно скорее не окажусь в ванной.

— Папа сказал, что иногда синее полотенце — это всего лишь синее полотенце. Эти слова стали его мантрой. Когда происходило что-то необъяснимое, он повторял их снова и снова. Но впервые о том дне мы поговорили за два года до моего знакомства с Лиландом.

Класс. Мы совершили прыжок во времени. Я скрестила ноги и изо всех сил постаралась не корчиться. Сев на скамейку рядом с Дениз, Джемма коснулась ее руки. Они всегда были близки. Честное слово, я пыталась понять, почему все сложилось именно так, но некоторые вещи просто-напросто невозможно объяснить. Как, например, НЛО и брюки-клеш.

— У папы был обширный инфаркт, но он выжил. Однажды мы ужинали, он пристально посмотрел на меня и сказал: «Иногда синее полотенце — не просто синее полотенце». Но к тому моменту я уже выросла и стала настоящим скептиком. В общем... — Дениз поникла, как будто ей было стыдно. — В общем, я ему не поверила. И это после того, что видела собственными глазами в детстве. Свалила все на лекарства, которые ему прописали. А после

знакомства с вашим отцом я попала в аварию.

— То есть суть всей этой истории — не ездить в одной машине с тобой или с кем-то из твоих родственников?

— Чарли, — монотонно и без намека на осуждение произнесла Джемма. Эх, обожаю психологию!

— Ваш отец примчался в больницу и привез вас обеих. Ему сказали, что я чуть не погибла.

«Чуть не» здесь ключевые слова.

— Наверное, ему разрешили привезти вас, потому что он был копом. — Дениз невесело рассмеялась. — А я едва находилась в сознании.

Как и сейчас, чуть не ляпнула я.

Она посмотрела на меня рассеянным взглядом.

— Вот тогда я его и увидела.

Вариантов этого «его» у меня была уйма, так что я решила промолчать.

— Увидела твой свет, Чарли. Правда, лишь на мгновение.

— Я не знала о свете, — тихо вмешалась Джемма, — пока Дениз не рассказала.

— Добро пожаловать в клуб, — отозвалась я. — Я его тоже не вижу.

Несколько секунд Дениз пялилась на меня широко распахнутыми глазами, а потом продолжила:

— Тогда я решила, что мне все привиделось. А примерно через год мы опять ужинали с папой. Я рассказала ему о том, что видела. Он пытался объяснить мне, какая ты особенная. А я рассмеялась и повторила его же мантру: «Иногда синее полотенце — это всего лишь синее полотенце».

— Честно говоря, не чую я тут извинений.

Джемма наградила меня сердитым взглядом. Жаль, что она не знала, как туго сейчас моему мочевому пузырю. Ей-богу, я держалась из последних сил. Но сейчас уходить не хотелось. Вот когда Дениз с Джеммой соберутся по домам, у меня будет отличный повод поскорее попрощаться.

— Потихоньку я начала понимать, что папа был прав. Ты особенная. Другая. Тогда я не знала, что ты помогаешь отцу раскрывать преступления. Лиланд долго от меня это скрывал.

— Ума не приложу, с чего бы вдруг.

— Я все поняла только после того инцидента в парке с матерью пропавшей девочки. А когда обо всем узнала, пришла в ярость.

— Потому что он уделял мне внимание?

— Потому что я не хотела верить в то, что видела собственными глазами. Несмотря на случившееся, я убедила себя, что ангел — всего лишь плод моего воображения. Что мама не ушла в лучший мир. Что нет никаких сверхъестественных созданий вроде ангелов и демонов. А с того момента, как я узнала о тебе, стало рушиться все, за что я держалась изо всех сил. В мире слишком много боли и страданий. Мне не хотелось верить, будто за эти ужасы в ответе какое-то всеведущее, всемогущее существо. Я стала атеисткой. Люди либо плохие, либо хорошие. И никакой дьявол не подначивает нас становиться злыми.

— Ну, насчет людей вынуждена согласиться.

— А насчет дьявола? — поинтересовалась Джемма.

Специально для Дениз я медленно растянула губы в улыбке:

— Я замужем за его сыном.

— Чарли, это не смешно.

Я серьезно посмотрела на сестру:

— А я и не шучу, Джем.

Она подалась вперед и зачем-то еле-еле слышно прошептала:

— То есть... Серьезно?... В смысле...

— Да. Он сын Люцифера.

Я надеялась, что от этих новостей Дениз помчится вон так, что пятки засверкают. Но вместо этого она опять заговорила. Кому же я так насоли...

— После того разговора у тебя дома, когда ты передала мне слова папы о синих полотенцах, последние отчаянные крохи моего атеизма просочились сквозь пальцы. Я не знала, что делать. Как с этим жить. А потом время как будто помчалось вскачь. У нас с вашим отцом возникли проблемы и...

— После смерти папы, — перебила Джемма, — мама начала ходить в церковь.

— Он ведь теперь действительно в лучшем мире? — прорыдала в платок Дениз.

— Вообще-то, в последний раз я видела его в ванной.

Обе уставились на меня с открытыми ртами и часто-часто заморгали.

— А что такого? Я была одета.

— Он здесь? — спросила Дениз.

— Нет. По крайней мере сейчас его точно нет. — На всякий случай я смотрелась по сторонам. — Честно говоря, я не знаю, что с ним творится. Но мне очень-очень надо сбегать по маленькому. Может, закруглимся уже?

— Нет. — Вся поза Дениз так и кричала о том, что она не отступит. — Я хочу попросить у тебя прощения.

— Прощения? У меня? — насмешливо фыркнула я.

— Чарли, — осторожно начала Джемма, — ты обещала выслушать маму.

— Обещала и слушаю. Но никаких других обещаний я не давала.

— Все в порядке. — Дениз погладила Джемму по руке. — Чарли меня выслушала. Просить о большем я не имею права. Но мне бы хотелось, чтобы ты знала: я очень сожалею обо всех страданиях, которые тебе причинила.

— По-моему, ты кое-что упускаешь, — заметила я.

— Может быть.

— Все это время ты знала, кто я такая. Уж точно знала, что у меня какой-то дар, что я, допустим, особенная или типа того. Но ты рьяно это отрицала и делала все, чтобы я именно из-за этого чувствовала себя распоследним куском дерьма. А теперь ты говоришь, что все знаешь, и мне, видимо, должно полегчать? Поверь мне на слово: после таких признаний ты дрянь покруче, чем мне всегда казалось.

Опустив голову, Джемма тихо проговорила:

— Иногда нам необходимо прощать. Не ради других. Ради себя.

— Ты права, Чарли. Я отбивалась от правды, воевала с тобой. Боролась со своим отцом, с вашим и даже с самим Создателем. Мне некого винить, кроме себя самой. — Дениз встала, засунула платок в сумку и пошла к двери. А потом, не оглядываясь, сказала: — Если когда-нибудь ты найдешь для меня место в своем сердце, знай: мне бы очень хотелось быть частью твоей жизни. И частью жизни Пип. Я сделаю все, что ты захочешь. Буду помогать с ребенком, ходить в магазины, менять подгузники. — Ее голос на миг оборвался. — Прошу тебя, хотя бы подумай об этом.

Дениз вышла, зато у Джеммы нашлось что сказать напоследок.

— Несколько месяцев ушло на то, чтобы она прожила хотя бы день, не рыдая по папе. Она прошла долгий путь, Чарли. Кроме нас, у нее никого не осталось. Пожалуйста, хотя бы подумай над ее предложением.

— Подумаю. Но сначала пописаю.

Внимание! Буйная барышня!

Регулярно делает поспешные выводы.

Надпись на футболке

Когда мне наконец повезло справиться с нуждой, меня уже ждала Повитуха-Кэтрин в перчатках и полной боевой готовности. Кто бы знал, как ей нравится засовывать пальцы в Вирджинию!

— Здравствуйте, Кэтрин, — поздоровалась я. — Время для очередной пытки?

Рейес был рядом и выглядел так, словно ему стыдно. Вот и хорошо. Драки с адскими псами не то, чем можно гордиться. Я бы выгнала его из комнаты, но недостаточно сильно для этого сердилась. Еще бы! Теперь у меня был козырь, которым я обязательно воспользуюсь, когда буду рассказывать о Лоэрах.

— Давайте-ка вас осмотрим, — начала Повитуха-Кэтрин. — Значит, вы упали?

— Да, в лесу.

— Вижу. — Она подняла мою футболку, и меня тут же обдало жаром.

Ничего не понимая, я посмотрела в зеркало в полный рост и увидела то, что увидел Рейес, а я не заметила раньше. Спина с одной стороны и ребра были сплошь покрыты царапинами.

Рейес ничего не сказал, но я знала, что ему очень хочется устроить мне головомойку.

— Ну что ж, переломов нет. Дышите нормально? — спросила Кэтрин.

Я кивнула. Проверив сердцебиение Пип, она предложила:

— Давайте прямо здесь все и посмотрим. Просто чтобы убедиться, что все в порядке.

Процедура оставалась прежней. Кэтрин вышла из комнаты, я сняла штаны и трусы, легла на кровать, накрылась простыней и позвала Повитуху-Кэтрин обратно. Рейес глаз с меня не сводил. Темный взгляд был одновременно и ободряющим, и тревожным. Глядя на меня из-под длинных ресниц, Рейес старательно держал себя в руках. И тут ему помогало ощущение собственной беспомощности. В этот момент я чувствовала то же самое.

Повитуха-Кэтрин раздвинула мне ноги и занялась делом. Гель, которым она пользовалась, оказался холодным, и я подскочила от неожиданности.

— Извините. Я только проверю, как у нас дела.

Как ни старалась, я не могла отделаться от навязчивых мыслей и образов. В голове толпились картинки, как Рейес затаскивает чертовых адских псов на святую землю. Все это усугублялось тяжелыми мыслями о том, что кто-то, помимо упомянутых тварей, пытается меня убить. Мне хотелось до скончания веков ненавидеть Дениз, но я ощущала ее одиночество. Причем уже много месяцев. Но, как обычно, жила в перманентном отрицании. И наконец Лоэры. Что же я натворила? Неужели собственными руками разрушила наш с Рейесом брак? Сможет ли он меня простить? Все это навалилось на меня в самое неподходящее время. Когда внутри было целых два пальца.

Прикусив губу, я закрыла глаза и затаила дыхание. Но бурлящие эмоции взяли верх. Стресс от того, что под боком постоянно ошиваются адские псы, только и ждущие шанса порвать меня на кусочки. Нет, не меня. Пип. Ощущение полной беспомощности, потому что мы никак не могли найти способ справиться с монстрами. И еще много-много всего,

включая Рейеса с его выходками и меня саму с моими же тараканами. Из горла вырвалось приглушенное рыдание.

— Все в порядке, дорогая, — проговорила Повитуха-Кэтрин. — Я почти закончила. У вас небольшое раскрытие. Около двух сантиметров.

Она вытерла меня и поправила простыню, но было уже поздно. Из всех сил борясь с бушующими чувствами, я закрыла лицо руками.

Кэтрин погладила меня по колену.

— Сейчас у вас очень эмоциональный период, милая.

Я почувствовала, как просела кровать. Меня окутало жаром Рейеса, который убрал волосы с моего лица. И вдруг меня прорвало. словно я открутила кран, сломала вентиль и теперь никак не могла выключить воду.

— Оставлю вас наедине. На мой взгляд, все в порядке. Никаких повреждений нет.

Я услышала, как закрылась дверь, а потом оказалась в объятиях Рейеса и всхлипнула:

— Это все чертовы шлюхомоны.

Он обнял меня еще крепче, и я от души разревелась.

Когда я проснулась, на улице было темно. Я лежала, прислушиваясь к глубокому равномерному дыханию Рейеса, и всем сердцем надеялась, что он действительно спит.

— Я не сплю, — вдруг сказал он.

— Который час?

— Всего девять. Тебе нужно еще поспать.

— Посплю, если ты тоже поспишь.

— Не могу.

Я приподнялась на локте и стала всматриваться в его черты. Сквозь окно с раздвинутыми занавесками сочился лунный свет, отражаясь мерцанием в невероятных глазах.

— Почему не можешь?

— Не знаю, Датч. Просто не могу. Не могу себя заставить.

— Мне кажется, ты не можешь позволить себе уснуть. Но восемь месяцев? Как такое возможно? И почему я раньше не заметила?

— Потому что дрыхнешь, как коматозник. Еще и храпишь.

— Ты не можешь присматривать за мной каждую секунду. Вдруг что-то случится, а ты слишком устал, чтобы сражаться?

— Я в курсе, уж поверь. Я не специально не сплю. Просто не могу.

От беспокойства я нахмурилась.

— О чем ты говорил с Ангелом? Что между вами происходит?

— Он занимается разведкой. По моей просьбе.

— Какой еще разведкой? Ты ведь не подвергаешь его опасности?

— Нет. — Рейес наклонился и прикусил мне ухо.

По спине побежали мурашки.

— Тогда расскажи, что конкретно вы делаете.

— Нет. — Он проложил по моей шее дорожку из легких горячих поцелуев.

— Расскажи, или мы больше никогда не будем заниматься сексом.

Рейес улыбнулся, не отрываясь от чувствительного местечка, где бился пульс.

— Я надену смокинг.

От одной только мысли мои глаза закрылись, и внутри поднялась волна желания.

— Нетушки. Сначала ты все мне расскажешь. А если нет, можешь хоть сейчас звонить адвокату.

— Я сделаю ту штуку языком.

Господи! Обожаю «ту штуку языком». Но нужно было набраться сил и стоять на своем.

— Нет, — выдохнула я слабым, как и моя решимость, голосом. — Даже при таких условиях — нет.

— Повитуха-Кэтрин оставила свой гель. Мы могли бы попробовать анальный секс.

Я чуть не рассмеялась:

— Не будем мы пробовать анальный секс. — Потом откатилась подальше и слезла с кровати. — Мне надо в душ. Но имей в виду: все, что произойдет, начиная с сегодняшнего дня, целиком и полностью на твоей совести.

— Неужели? — с любопытством спросил Рейес.

— Я тебя предупредила. И не смей меня винить, когда между нами разразится война не на жизнь, а на смерть.

— И что именно ты планируешь предпринять?

— Увидишь. Попомни мои слова, тебе это не понравится.

Я вытащила халат из шкафа с рыдающей адвокатессой по налогам и пошла к выходу. За секунду до того, как за мной закрылась дверь, Рейес заметил:

— На всякий случай напомним: я был генералом в аду. Война — мое второе имя.

О да. Скучать не придется.

Под горячей водой ушибы и царапины стали болеть меньше. К тому же я уже начала исцеляться.

По пути в душ я звякнула сестре Мэри Элизабет, надеясь, что еще не очень поздно. Я обещала ей позвонить и рассказать, как дела у Квентина. Жил он у них в монастыре, но теперь делил свободное время между сестрами и нами с Рейесом. Можно сказать, у нас была совместная опека.

— Как там Квентин? — спросила сестра раньше, чем я успела поздороваться.

— Порядок. Смотрит кино с Эмбер. Или варит крэк. Точно не знаю. Так как? Есть новости?

— По поводу вашей монахини ничего найти не удалось. Но у нас нет доступа к этим архивам. В основном такие документы хранятся в Ватикане.

— Чудненько.

— Зато я нашла один очень странный случай, произошедший в вашем монастыре.

— Готова удивляться, — проговорила я, отодвинула душевую занавеску и включила воду. Все равно будет греться целую вечность.

— В сороковых там без вести пропал священник.

— Правда?

— Ага. Приехал с визитом и испарился.

— Прямо в воздухе, что ли?

— Не буквально, конечно, но да. Больше его никто не видел. А поиски организовали грандиозные. Во всех газетах об этом писали.

— Что ж, спасибо, что побеспокоились. Что слышно на другом фронте?

— Кроме того, что на небесах царит полнейший хаос? Кстати, я об этом упоминала?

— Ага.

— А я упоминала о том, как выматывает вся эта болтовня?

— Ага.

— А о том, что из-за всех этих разговорчиков я потихоньку схожу с ума?

— Не моя ведь вина, что вы слышите ангелов. Так что там по поводу адских псов?

— Ничего нового не слышала.

— Может, порасспрашиваете?

— Вопросов я не задаю, и вы это знаете. Разговоры у нас в одни ворота. Слушать я могу, но общаться, увы, нет.

— Еще как можете! Вы ведь монахиня. Значит, чистая, невинная и благотворная, как хлопья на завтрак. Вас ангелы точно выслушают. Всего-то и надо — спросить.

— Вы хоть иногда слушаете, что я говорю?

— Простите, вы что-то сказали?

— С вами весело.

— Спасибо! — просияла я. — В общем, я хотела кое о чем спросить.

— Ладно, только если речь опять не пойдет о воздержании. Не могу же я, в самом деле, снова и снова объяснять...

— Нет. Речь о том дне, когда вы узнали, что я беременна Пип. И что на небесах все как с цепи сорвались. Так вот. Почему? В смысле неужели наверху на меня злятся?

— Нет-нет! «Злятся» — не очень подходящее слово. Скорее уж «в бешенстве».

— Почему? Разве там не знают о пророчествах?

— Конечно же, знают. Но пророчества во все времена можно было обыграть. По-моему, ангелы просто удивились тому, что все происходит на самом деле. Сами подумайте. Вы вот-вот принесете в этот мир то, что... даже не знаю, как сказать... Может быть, что этому миру не принадлежит? Нет, неправильно выразилась.

— Значит, Пип не должна родиться в этом мире?

— Я вовсе не это имела в виду. Дело в том, что... такие, как она, не рождаются здесь каждый день. Не знаю, как бы это сказать, чтобы потом не идти на исповедь... В общем, насколько я понимаю, ангелы говорят о том, что на земле родится дочь бога. Но ведь это ерунда какая-то. Есть только один Бог, так что я, наверное, неправильно их поняла.

— Уверена, так и есть.

— А еще я слышала, что она изменит нечто такое, в чем ангелы никак не ожидали увидеть изменений. И это ужасно их пугает. Ну, знаете, как порой вам кажется, что в машине вот-вот закончится бензин, а вы не успеете добраться до заправки. А когда так и происходит, все равно удивляетесь.

— Ла-а-адно, — протянула я, пытаюсь разобраться в сравнениях сестры Мэри Элизабет. Ничего не получилось, поэтому в итоге я бросила тщетные попытки. — Но ей ведь ничего с

их стороны не грозит?

— Со стороны небес? Разумеется, нет.

— Вот и хорошо. Очень-очень хорошо. Кстати, откуда у вас сотовый? Я всегда думала, что аскетичные монашки обязаны отказаться от всякой мирской дребедени.

— Я не аскетичная монашка, а сотовый у меня есть потому, что на моей должности иметь телефон целесообразно. Так что все с одобрения руководства.

— Я хочу увидеть документы.

— Мечтать не вредно.

— А вы когда-нибудь задумывались о том, что «аскетичная монашка» звучит, как аперитив? Или название панк-группы?

— Да.

— Ну что ж, дайте знать, если будут новости. Мне бы хотелось когда-нибудь пожить нормальной жизнью.

— Заметано.

Зуб даю, душ придумал Бог в качестве награды тем, кто трудится достаточно усердно, чтобы испачкаться. Я вытерлась, завернулась в обалденный халат, который купил мне Рейес, и подошла к запотевшему зеркалу. Но не успела его вытереть, как на поверхности появилась буква.

Я осмотрелась по сторонам. Никого не было. А потом появилась вторая буква, как будто кто-то водил пальцем по конденсату. Я шагнула назад, подождала, пока сообщение не появится целиком, а потом прочла вслух:

— Шпионы.

И что это значит? Неужели среди нас имеются шпионы? Прямо в монастыре? А если и так, то кто это? Нет, важнее другое: кто послал к нам своего лазутчика? Перед кем шпион отчитывается?

Поспешно вытирая зеркало, я поняла сразу две вещи. Во-первых, это был папин почерк. Абсолютно такой же, как и при жизни. Мысль, мягко говоря, пугала. Выходит, когда я умру, мой почерк останется прежним. Я-то думала, у меня есть надежда. Всегда считала, что красивый почерк — небесный бонус. Как будто после смерти нас наделяют особой ангельской каллиграфией, благодаря которой почерк становится плавным и текучим. Но оказывается, я обречена.

Во-вторых, среди нас, судя по всему, есть шпионы. Но кто? Кого могли к нам подосла...

И тут меня осенило. Сильно. Как обухом по голове. Решительно выйдя в коридор, я пошла в спальню. Рейеса уже не было, но я хорошо знала, кто остался в комнате.

Открыв дверцу шкафа, я схватила рыдающую адвокатессу за руку и выволокла наружу. Пока я к ней прикасалась, испариться она не могла.

Неловко поднявшись на ноги, барышня закрыла ладонью лицо и зарыдала пуще прежнего.

— Не утруждайся, — сказала я и тряхнула ее за руку. — На кого ты шпионишь? Кто тебя подослал?

На долю секунды я даже заподозрила собственного мужа. Это был бы не первый раз, когда он послал кого-то за мной приглядывать. Но зачем адвокатессе устраивать такое шоу? Нет, наверняка ее подослал тот, кто знал, что я попытаюсь ей помочь, и хотел, чтобы она подобралась как можно ближе к нам с Рейесом.

— Отвечай, иначе...

Блин, я не знала, что сказать. Что я могу с ней сделать? Я портал на небеса. Вряд ли угрозы отправить Шейлу туда развяжут ей язык.

Тем не менее, реветь она прекратила и злобно уставилась на меня.

— На кого ты шпионишь? — повторила я.

Барышня нагло оскалилась, и тут до меня дошло, что с ней можно сделать.

— Я помечу твою душу. Тебя проглотит пожиратель душ, и тебе крышка.

На миг на ее лице мелькнул страх, но она быстро пришла в себя.

— Кроме меня, есть и другие. Ты понятия не имеешь, что грядет.

— Ну так просвети меня.

— Поцелуй меня в зад.

— Как-то неохота. Лучше оставлю это дело Ошекиэлю.

У Шейлы отвисла челюсть.

— Даэва здесь?

— Фиговый из тебя шпион. — Она попыталась вырваться, но я держала крепко. — Как только я помечу твою душу, тебе от него нигде не спрятаться. — В этот самый момент до носа добрался аромат лаванды. Так пахло в шкафу, и запах пропитал душу мертвой адвокатессы. — Меня толкнула ты! — ошалела я, хорошо помня, что за пару секунд до падения с горы ощутила аромат лаванды.

Шейла молча задрала нос.

Вот черт. Ну и где паяльник, когда он мне так нужен? Может быть, сойдет утюг?

И тут адвокатесса решила открыть рот и взбесить меня до белого каления. Зря она это затеяла. Ой, зря.

— В этом мире ей ни за что не увидеть солнечного света, — явно довольная собой, заговорила она. — Он съест ее кишки на завтрак. Ты представить себе не можешь, какие у него планы на твою дочь.

Меня ослепило гневом. Не успев подумать, я пометила адвокатессу. Увидела символ, который яркой вспышкой света вплавился в ее душу, а потом исчез, и остался только выжженный след.

Взглянув на метку на груди, Шейла ахнула и отшатнулась, но я ее не отпустила.

В комнату ворвались Рейес и Ош. Рейес встал рядом со мной, а Ош едва не замурлыкал, поняв, что я сделала:

— И что тут у нас?

Адвокатесса вся сжалась, а я повернулась к Рейесу:

— Твой отец послал шпионов. Шпионов! Вы знали?

Ош виновато уставился в пол, зато Рейес продолжал смотреть на Шейлу.

— А мне рассказать ты собирался? — спросила я.

— Не сегодня.

Я офонарела, хотя понятия не имею почему. У него секретов больше, чем у Виктории.

Казалось, Шейла боится Оша, и она действительно боялась, но, как только ее взгляд остановился на Рейесе, она закричала и принялась отчаянно вырываться. За секунду до того,

как я выпустила ее руку, Рейес схватил барышню за плечи и хорошенько потрянул:

— Сколько вас?

— Не зна... — Шейла вскрикнула, когда он сильнее сжал пальцы. — Есть еще двое. Может быть, трое.

— Что он планирует?

— Не знаю. К-клянусь. Нам он не говорит.

Рейес оттолкнул ее с очевидным отвращением.

— Она твоя.

Шейла взяла себя в руки и с вызовом подняла голову, готовясь принять свою участь.

— Пора поужинать, — по-волчьи ухмыльнулся Ош.

От того, что произошло дальше, я чуточку напрудил в штаны.

Ош прижал Шейлу спиной к дверце шкафа. Но не так, словно собирался ее съесть, а так, будто хотел заняться с ней любовью.

— Он ждет подходящего момента, — предприняла адвокатесса последнюю отчаянную попытку нас запугать.

И у нее получилось. Я уж точно перепугалась.

— И когда наступит этот момент, дорогуша? — поинтересовался Ош, поглаживая ее шею легкими и нежными, как дуновение летнего ветерка, прикосновениями.

Готовясь к неизбежному, Шейла сжала кулаки.

— Когда никто не будет ждать.

Он прижался к ней всем телом и провел губами по шее.

— Мы всегда начеку, красавица.

Симпатичное лицо адвокатессы озарилось печальной и одновременно пугающей улыбкой. Барышня посмотрела на меня и улыбнулась шире:

— Не всегда.

Спросить, что она имела в виду, я не успела. Ош наклонился и поцеловал ее в губы. С стороны это казалось таким чувственным, что я удивилась. И возбудилась. Между ртами блеснул свет. Ош отстранился, и я заметила, как душа покидает Шейлу и перетекает в даэву. Он закрыл глаза, крепко держа женщину за голову, а сама Шейла неподвижно смотрела в потолок. Казалось, она мгновенно ослабела. Кулаки разжались, руки безвольно повисли. Тело с каждой секундой становилось все прозрачнее, а потом начало рассеиваться. Частички Шейлы поплавали в воздухе, как пепел, но потом и они исчезли.

Упершись в шкаф рукой, Ош прижался лбом к двери. От тяжелого дыхания опускались и поднимались широкие плечи.

— Откуда ты узнала? — спросил меня Рейес.

— Думаю, от папы. Он сказал мне о шпионах, и я все поняла. В основном, конечно, благодаря самой Шейле.

— То есть как это? — все еще не отдышавшись, уточнил Ош.

— Так это. В ней все было странно. Слишком умно притворяться настолько расстроенной, чтобы даже не говорить со мной. Да и место она выбрала неспроста. С чего ей вдруг сидеть в комнате, где спим мы с Рейесом?

— И разговариваем, — добавил Рейес.

Он все еще держал меня за руку, когда я села на скамейку и заметила:

— Кстати, удивительное было зрелище.

— Спасибо за перекус, — поблагодарил Ош, сложив на груди руки.

Волосы длиной до плеч закрывали большую часть лица, но вид у него, кажется, был вполне довольный.

— Наверное, не стоило мне так поступать. Это же вроде как работа Бога.

— Ты и есть бог.

— Не в этом мире.

— Ее послали из ада. Сомневаюсь, что он был бы против.

— Из ада? — удивилась я.

Рейес посмотрел на меня сверху вниз. Его присутствие ощущалось так сильно, что ужасно хотелось растаять прямо внутри него.

— Кто еще шпионил бы на моего отца?

— То есть ее отправили в ад, а Люцифер взял и послал обратно? Чтобы шпионить? Это вообще законно?

— Судя по всему, да, — ответил Ош, прислонился к шкафу спиной и запрокинул голову, все еще приходя в себя.

— А ты можешь забрать душу у того, кто еще жив? — спросила я.

— Только частично. Если душа не отмечена, я вынужден ждать, пока тот, кто отдал ее мне, не умрет. — Даэва опустил голову и уставился на меня исподлобья. От уже хорошо знакомой ухмылки его черты потемнели. — Потом душа целиком и полностью в моей власти.

— Ты не забыл, что, по нашему договору, тебе можно кушать только тех, кто своей души не заслуживает?

Хорошие люди тоже отдавали Ошу свои души. Несколько месяцев назад я спасла одного такого человека и заставила даэву пообещать выбирать души тщательнее. В ответ он молча пожал плечами. Наш договор его не радовал, но ведь он сам согласился.

— Минуточку! — вдруг спохватилась я. — Я могу пометить для тебя душу мачехи.

Рейес присел рядом.

— Не можешь.

— Всего одна малюсенькая метка. Почти незаметная.

Ош тихо рассмеялся и засунул руки в карманы.

Взяв с тумбочки бутылку воды, я поудобнее примостилась под боком у сына зла.

— Почему даэвы питаются душами?

— Их для этого создали, — ответил Рейес, тяжело глядя на Оша. — Работать. Сражаться. Развлекать. Жить за счет страданий других.

— А для чего создали тебя? — спросил даэва.

— Нести смерть таким, как ты.

— Погодите-ка, — я жестом показала тайм-аут. — Куда мы катимся? Разве не были мы все друзьями еще минуту назад?

— Все в порядке, — успокоился Ош. — Временами Рейазизель забывает, откуда пришел. И что нас обоих создало одно и то же существо.

— Но не в одном и том же пламени, — возразил Рейес. — Не из одной и той же сущности.

Ош невозмутимо приподнял бровь.

— Может быть, ты тоже шпион, — добавил Рейес.

— Может быть, — отозвался Ош. — А может быть, ты знаешь больше, чем рассказываешь.

— Может быть.

Класс. Теперь мы, видите ли, играем в «может быть». Да что происходит? Они же суперски ладили! Я решила сменить тему и глянула на Оша:

— Расскажи мне побольше о том, как помечать души. На земле есть еще те, кто ими питается?

— Есть, — ответил он, не вдаваясь в подробности.

— И все они даэвы?

— Нет. Я единственный даэва, которому удалось сбежать и преодолеть вечную пустошь.

Все верно. Татуировки Рейеса — это карта к адским вратам. Благодаря этому ему удалось одолеть пустошь забвения — огромное пространство между его миром и землей. В буквальном смысле Рейес — портал в ад, в то время как я — портал на небеса. И мы умудрились как-то спеться. Что ж, случаются вещи и постраннее. В этом я уверена. Когда-то он мне говорил, что большинство из рискнувших пробраться из ада в наш мир затерялись в вечной пустоши, где по сей день потихоньку сходят с ума. Интересно, что будет, если одно из этих существ, проведя столетия в забвении, все-таки доберется до нашего мира? Каким окажется это существо?

От одной только мысли пробирала дрожь.

— Я тут подумала, — дошло до меня, — все двенадцать адских псов преодолели пустошь и пробрались в этот мир. Наверняка им кто-то помог.

Рейес кивнул:

— Я бы сказал, что к этому приложил руку тот, кто их призвал.

— Но ведь твоему отцу далеко не сразу удалось создать сына с картой на теле. На создание портала у него ушла уйма времени. Без карты, которая есть только у тебя одного, он и сам не сможет так запросто попасть в этот мир. Правильно?

Рейес задумчиво опустил голову.

— Да.

— Ну и как тогда он мог помочь псам?

— Она права, — заметил Ош. — Тот, кто их призвал, уже должен был находиться в этом мире.

Рейес встал и принялся мерить шагами комнату. Ош задумчиво застыл с опущенной головой. Несколько долгих месяцев они пытались разгадать эту загадку. А я все еще не понимала, почему Ош нам помогает. Само собой, он ненавидит Сатану, но мне казалось, что дело тут не только в ненависти. Я чувствовала, что у Оша есть и другая причина.

И зачем ему рассказывать мне о том, что я могу делать и чего не могу? Он дал мне столько информации о моем прошлом и силах, которыми я обладаю, что хватило бы и крупницы этих знаний, чтобы уничтожить его раз и навсегда.

Решив воспользоваться моментом и узнать как можно больше, я выпалила:

— Почему я могу помечать души? То есть почему именно я?

— Это входит в список твоих сил и обязанностей, — отозвался Ош, не поднимая головы. — Только жнец может помечать души людей. Бог, конечно, тоже, но зачем ему это? Полагаю, подобные трюки по плечу и Михаилу. Ну и, разумеется, настоящему ангелу смерти.

— То есть ангел смерти существует? Самый-самый настоящий?

— Самый-самый настоящий.

— Ух ты! А что еще входит в список? — не унималась я. — В смысле какие еще есть метки?

Как-то Ош проговорился, что у меня как у ангела смерти, то есть как у жнеца, есть целых пять меток. Как пять оценок. Поскольку я могу заглянуть человеку в душу и увидеть, что он сделал со своей жизнью и как относился к другим, то имею право судить, выносить приговор и приводить его в действие. Ясное дело, мне хотелось знать, что значат все эти метки-оценки.

— У тебя есть пяток меток, и твое слово — закон. Только Бог может отменить твое решение по поводу чьей бы то ни было души. — Ош взглянул на меня и подозрительно нахмурился. — А почему ты спрашиваешь?

— Просто хочу знать, что умею.

— Ты все узнаешь, — сказал Рейес, — когда умрешь и примешь полную силу жнеца. Если, конечно, возьмешься за работу.

— С чего мне отказываться?

— С того, что ты бог. Тебе надо управлять целой вселенной. — Тут он отвел взгляд. — Зачем тебе торчать именно здесь?

— Дельное замечание, — поддразнила я мужа, но все равно поразилась, как обыденно все это звучит в их устах. — Так что там за другие метки? — снова спросила я у Оша.

Тот поглазел на Рейеса и только потом ответил:

— Ты можешь заклеить душу меткой рая или ада. Можешь приговорить ее к уничтожению, что, по сути, и делаешь, когда помечаешь душу для меня. Если подумать, у тебя практически нет ограничений. Ты можешь поставить на душу метку странника, и эта душа никогда не обретет дом, но будет вечно скитаться по дебрям неземных миров и думать о своих ошибках. А еще ты можешь отметить душу предназначением.

— Это как?

— Ты дашь душе особую миссию на земле, и никто из сверхъестественных созданий не вправе оспорить твое решение.

— Вроде как президент назначает кого-нибудь начальником штаба?

— Вроде того. Такая душа становится неприкосновенной.

И все-таки некоторые моменты оставались неясными.

— А если я приговорю душу к уничтожению, но тебя не будет рядом, чтобы ее слопать, что тогда с ней произойдет?

— За несколько дней она сгорит, и процесс этот очень болезненный. Так что я в некотором смысле даже служу на благо народу.

— Кто бы сомневался. Напомни-ка мне, чем ты занимался, когда я тебя нашла?

— Прошу прощения, но всем нужно есть. К тому же я всего-навсего заключаю сделки на души, которые люди отдают мне по собственной воле.

— Но для этого ты обводишь людей вокруг пальца.

Соглашаясь, Ош развел руками:

— Это был старый я. Теперь я совсем новехонький.

— То есть ты больше никого не обманываешь?

— Еще как обманываю. Потому что это проще простого. Но только всяких гадов, — быстренько добавил он, заметив, как я помрачнела. — Растворителей малолетних и иже с ними. — А потом наградил меня лукавым взглядом: — Как ты и просила.

— Не забудь про тех, кто разговаривает в театре.

Один уголок его рта приподнялся.

— Ни в коем случае.

Рейес подошел к окну и выглянул во двор. Было уже темно, но мы все равно видели призраков.

— Как-то я съел одну женщину... — начал Ош.

— Чувак, не надо мне такое слышать.

— Точнее съел ее душу, — исправился он.

— В следующий раз с этого и начинай.

— В общем, на вкус она была просто ужасна. Как пепельница с керосином.

Я с трудом переборола рвотный рефлекс.

— Да ладно!

— Самое смешное — она никогда в жизни не курила.

— И почему же она тебе досталась? Наверняка ведь не родилась приговоренной на ад.

— Все ее жутко боялись. Она была безжалостным наркобароном. Убивала каждого, кто вставал у нее на пути. В ее расправах погибло множество людей. В том числе и дети. На всех нас остаются следы наших решений.

— И это отражается на вкусе души?

— Да.

— Интересно, какая на вкус душа у меня.

Ош улыбнулся во все зубы:

— Как вишневый пирог. Очень кислый вишневый пирог.

— Тебе-то откуда знать?

Не обращая внимания на угрожающий мрачный взгляд, которым наградил его Рейес, даэва подмигнул.

— Ты меня попробовал?! Господи, меня как будто изнасиловали.

— Я тебя умоляю! Считаю, я всего лишь лизнул.

— Ей-богу, надо было больше внимания уделять изучению Библии в школе.

— Сомневаюсь, что вам бы рассказывали о даэвах. Мы не настолько важны, чтобы заслужить хотя бы крошечное упоминание в ваших книжках.

Я сощурилась:

— Почему-то мне кажется, что тут нет ни толики правды. — А потом спросила у Рейеса: — Их стало больше?

— Намного.

Широкие плечи целиком загораживали окно, поэтому мне пришлось подлезть Рейесу под руку. Он обнял меня и отодвинулся. Все верно. Призраков на тусовке стало значительно больше.

— Думаешь, среди них есть шпионы?

— Да. — Рейес глянул на меня. — Но они могут быть где угодно. И любой из них может быть шпионом.

Я кивнула.

— Об этом вы сегодня говорили с Ангелом на поляне? — Рейес опять не ответил, и я укоризненно поцокала языком. — Имей в виду, дорогуша, ты навлек на себя гнев самого ан... жнеца. Кстати, — я оглянулась на Оша, — о людях, которые разговаривают в театре. Я пошутила.

— Вот блин, — притворился расстроенным даэва.

Оставалось только как-то убедить мужа хоть немного отдохнуть. Жаль, что для этого нет специальной метки.

Я отправилась узнать, как дела у Куки, но перед тем, как закрыть за собой дверь, посмотрела на Рейеса, решив дать ему последний шанс во всем признаться.

— Это твой последний шанс во всем признаться, — заявила я без всяких церемоний.

Он расселся на кровати и сложил за головой руки.

— Я серьезно. Если не расскажешь, о чем вы говорили с Ангелом, я за себя не отвечаю.

Рейес усмехнулся.

Я нетерпеливо постучала ногой по полу.

Улыбка стала шире.

— Что ж, война так война. Но должна тебя предупредить...

Засыпать его угрозами не удалось. Мне в лицо полетела подушка. Я униженно застыла и закрыла глаза, слушая, как тихо хохочет мой благоверный.

Ну все, допросился.

*Для перехода на следующий курс
соискатели обязаны сдать устный экзамен.*

Рекламный слоган последней новинки в области нижнего белья

Я спустилась узнать, как дела у Куки. Дядя Боб до сих пор был в городе. Работал. В день собственной свадьбы. Я чувствовала себя ужасно виноватой, хотя и не знала почему. К тому, что работал Диби, я никоим образом не причастна. Вот Куки — совсем другое дело.

— Приветик, — поздоровалась я, краем глаза наблюдая за Рейесом, который был в кухне и готовил горячий шоколад.

Тот самый шоколад, который стал моим лучшим другом, когда ради Пип мне пришлось бросить кофе. Если подумать, ради Пип я пожертвовала многим. Надо будет каждый божий день ей об этом напоминать. Чтобы не забыла.

— Почти десять, Кук. Тебе давно пора спать.

В офисе стоял маленький диванчик, на котором сидели Эмбер и Квентин. Точнее сидела только Эмбер. Квентин спал, свесив одну руку с дивана, а второй прикрыв лоб. Светлые волосы упали на лицо. Один здоровенный ботинок лежал на коленях у Эмбер, но та, похоже, ничуть не возражала, а преспокойненько читала с довольным видом.

— Я как раз все перепроверяла, — отозвалась Куки, напрочь проигнорировав мой прямой приказ. Да уж, у нас с ней такое частенько бывает.

Рейес принес мне мою чашку и предложил народу свою:

— Кто-нибудь еще будет?

Истинный джентльмен.

— Не откажусь, дядя Рейес, — игриво улыбнулась Эмбер.

Усмехнувшись, он отдал ей свой шоколад и спросил у Куки:

— Тебе принести?

Куки так погрузилась в работу, что не сразу поняла, чего от нее хотят. Подняв голову, она поморгала и ошеломленно застыла, уставившись на стоявшую перед ней красоту. На Рейесе были домашние штаны в черно-красную клетку и темно-серая футболка, льнувшая к телу, как вторая кожа. Я ощутила от Куки горячую вспышку, а переплунуть жар Рейеса — тот еще подвиг.

Куки так и не ответила, и Рейес сжалился, подарив ей знаменитую кривоватую ухмылочку:

— Сейчас принесу.

Подмигнув мне, он ушел обратно в кухню. На мгновение показалось, что на спине я заметила странные линии, но мысль мигом улетучилась, как только Куки вернулась с небес на землю.

— Он что-то сказал?

— Блин, он забыл самое главное! — Выбравшись из-под огромного ботинка, Эмбер побежала за «дядей Рейесом». — Ты забыл зефирки!

— Он делает тебе какао, — сказала я подруге.

— А-а, ясно. — Она тряхнула головой, чтобы прояснить мысли. — Рядом с этим человеком невозможно сосредоточиться.

— Есть такое дело. Можно кое о чем тебя спросить?

— Конечно. — Куки развернулась ко мне вместе со стулом.

— По поводу твоего предмедовомесячного медового месяца.

— Ну правда, ничего страшного.

— А я думаю, что очень даже страшно, но не в том смысле, в каком думаешь ты.

Она поерзала.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне показалось, что ты испытала облегчение от того, что не придется никуда ехать.

— Чего? Чарли, пропала девочка. Какое уж тут облегчение?

— Вот и я о том же. Потому и беспокоюсь.

— А ты не беспокойся.

— Ну что ж, — я решила удариться в реверсивную психологию, — когда все это закончится, вы поедете в настоящий медовый месяц.

И опять Куки внутренне содрогнулась.

— Точно.

— Кук, — сказала я, когда она отвернулась к компьютеру, — в чем дело?

Сделав глубокий вдох, она бросила взгляд на коридор, а потом снова посмотрела на меня:

— Брак с Робертом не второй, а третий.

От шока я приросла к полу.

— Боже мой! Поверить не могу, что ты мне об этом не рассказывала!

Куки прижала к губам указательный палец, и я перешла на громкий шепот:

— Я тебе все рассказываю! Даже о том, как однажды Тимоти Тидмор пытался сделать из Вирджинии лунку для своих шаловливых шаров!

— Знаю, — стыдливо поникла Кук. — Но мой первый брак длился несчастных два дня.

— Ушам своим не верю! — Воспылав любопытством, я подалась ближе. — Так как это было?

— Я поехала в Вегас с тетей и дядей. В тот день мне исполнилось восемнадцать, а тетя и дядя сутками пропадали на какой-то выставке. В общем, у нас с кузинами была куча свободного времени. Ну и как-то возле бассейна я познакомилась с парнем. Мы отлично провели день, а под конец... ну... поженились.

Я ошалело моргнула, не в силах представить себе Куки в образе беззаботной оторвы.

— В тот же вечер... — Она помолчала, ожидая, что я перебую, но я не посмела, и Куки продолжила: — Короче, позже тем же вечером мы сидели в номере его родителей. Вроде как отмечали наш медовый месяц. И у него... то есть на нем...

— Что у него и что на нем?

— У него штаны горели.

— Ясное дело. Вам же было по восемнадцать.

— Да нет же, буквально горели.

— В смысле загорелись? По-настоящему?

— Ага. Мы ужинали при свечах. За счет его родителей, разумеется. Он пролил на штаны вино. Я бросилась на помощь и сбила со стола свечу. Ну а дальше... сама понимаешь.

— Мамочки! Больно, наверное.

— Даже не сомневаюсь. И после этого случая он совсем изменился. Стал вести себя, как натуральный козел. Слава богу, как только он рассказал родителям, что мы натворили,

они тут же аннулировали брак.

— Ну ладно. Первый медовый месяц у тебя вышел не очень, но наверняка с отцом Эмбер все было иначе.

— Второй был еще хуже.

— Не может быть! — Во мне опять разгулялось любопытство.

Куки кивнула:

— Мы жили вместе целый год, и все было чудесно, пока мы не поженились. После этого все изменилось.

— И что произошло?

— Начиналось все хорошо. Была свадьба. Огромное, надо сказать, событие. Приехали все чудики с моей стороны, а его родственникам и вовсе не было числа. В общем, хорошая была свадьба, только не совсем в моем духе. Понимаешь?

— Еще как.

— Я так нервничала, что перед свадьбой выпила немножко вина.

— Вот бли-и-ин...

— Нет-нет, сама церемония прошла без сучка без задоринки. Я чуть-чуть шепелявила на клятвах, но в остальном все было идеально.

— Ясненько, — вставила я, но все равно разволновалась.

— Потом был прием, и я выпила еще немножко...

Куки и алкоголь — это всегда тревожно.

— Нас осыпали рисом, мы сели в лимузин и поехали в отель, где должны были переночевать, а наутро улететь в Канкун.

— Ну, пока все звучит шикарно. Мне нравится.

— По пути я выпила еще немного. Точнее даже переборщила. То есть мы оба напились в стельку, и Ноа решил посветить задом из окна. Попугать, так сказать, народ.

— Минуточку! А кто такой Ноа?

— Отец Эмбер, — раздраженно ответила Куки.

— А, ну да. Я же знала. Значит, он светит задом в окно...

— И тут меня начинает тошнить.

— Неудивительно.

— Ну и я потянулась к ближайшей двери.

— Не может быть!

— Может. Я открыла дверь, когда Ноа показывал проезжающим машинам задницу. Он выпал из лимузина прямо на шоссе I-25.

В полном ужасе я сидела, боясь пошевелиться.

— В южной части, — добавила Кук.

Я все еще прикидывалась статуей.

— Возле поворота на Гибсон.

— Дальше-то что было? — наконец пробормотала я.

— Множественные переломы, разрыв селезенки и сотрясение мозга.

Я обеими руками прикрыла рот.

— Вот-вот. После этого все изменилось. Даже через десять лет брака мы так и не сумели обрести то, что когда-то было между нами.

— Мне очень жаль, солнце.

— Не везет мне с медовыми месяцами.

— А вот и нет. Это были всего лишь случайные совпадения.

— Ты не веришь в совпадения, — печально улыбнулась Куки.

Я сжала ее ладонь.

— Теперь верю.

— Вот так намного лучше, — заявила Эмбер, усаживаясь обратно на диванчик.

— Поверить не могу, что ты такой была, — тихонько сказала я, пока Эмбер пыталась опять положить на себя ботинок Квентина и не пролить при этом шоколад.

— Какой — такой?

— Познакомиться с парнем, а через двенадцать часов выйти за него замуж...

— Через девять.

С большим трудом мне удалось не улыбнуться.

— С половиной.

Я наклонилась вперед и крепко обняла подругу:

— Зато теперь у тебя есть дядя Боб. А его уж точно не переубедить в том, что ты — невозможно прекрасный идеал.

Куки рассмеялась:

— Ты бы удивилась, узнав, на что я способна.

— Никогда!

— О чем вы там шепчетесь? — поинтересовалась Эмбер, поудобнее устраиваясь под весом наковальни.

Вытирая слезы с глаз, Куки откинулась на спинку стула.

— Об интернате, куда мы тебя сплавим, если не начнешь отрабатывать свое содержание.

Эмбер сдула упавшие на лицо локоны.

— Давно пора придумать что-то новенькое, мам. Эта шутка на меня с трех лет не действует.

— Быстро учится, — сказала я подруге. — Что там с информацией от Кит? Есть успехи?

По вздоху, который испустила Куки, я поняла все без слов.

— Полный ноль. К делу не придраться. После школы Фэрис должна была пойти в парк, а потом с друзьями на вечеринку.

— О которой ее мать ничего не знала, — добавила я.

— И все-таки не понимаю, — заметила Эмбер, просматривая какие-то страницы, и до меня дошло, что она читала дело вместе с Куки. — Почему копов так волнуют вечеринка и парк?

— Потому что, по словам друзей Фэрис, именно туда она и собиралась.

— По словам каких друзей? — спросила Эмбер таким тоном, будто мы упускаем что-то очевидное. — Среди них явно не было того, с кем она в тот день переписывалась.

Я подошла ближе.

— Что ты имеешь в виду?

Эмбер показала на распечатку сообщений Фэрис:

- Вот. Кит упоминала об этом парне? Майк как-то там. Судя по этим сообщениям, на вечеринку они не собирались, зато хотели встретиться в кафешке, где зависают скейтеры.

Рейес принес Куки чашку какао, за что получил благодарности, и остался с нами в офисе.

— Эмбер, где ты такое увидела? — спросила я.

Та опять ткнула пальцем в распечатку, а я, так ничего и не поняв, уже набирала номер Кит. Эмбер показывала на сообщение, в котором было написано «→ в туннеле».

Чувствуя себя круглой идиоткой, я проямлила:

— Солнце, я тут ничего не понимаю.

Но не успела Эмбер объяснить, как Кит ответила на звонок. Я включила громкую связь.

— Вы на громкой связи, — сказала я, напрочь забыв о вежливости. — Кто такой Майк, с которым переписывалась Фэрис?

— Мы не знаем, — устало, но не сонно отозвалась Карсон. Значит, я ее не разбудила. — У нее есть друг по имени Майкл, но он говорит, что не переписывался с ней. К тому же сообщений от этого «Майка» всего несколько, да и выглядят они вполне невинно.

— А вот и нет, — заявила Эмбер. — Как Майк он писал всего несколько раз. А еще писал как Питер, Стивен и Оуэн. Это их любимый сериал.

— Никого с такими именами найти не удалось. И что значит «любимый сериал»?

— «МПСО», «Морская полиция: Спецотдел», — ответила Эмбер с таким видом, будто мы все из ума выжили. — Вот же, — она пролиستала несколько страниц. — В первом сообщении от имени Майка.

— Где? — спросила я, пытаюсь увидеть то, что видела Эмбер.

Она продолжала копаться в бумажках, пока не нашла старые эсэмэски Фэрис. Я тоже видела сообщения, где говорилось о сериале, но как, бога ради, Эмбер связала это с именами?

— Нашла. Он говорит Фэрис, что, если ее родители рядом, он перейдет к следующей серии.

Это уже просто-напросто смешно. Я ведь еще совсем не старушка. Неужели я так отстала от жизни?! В сообщении было написано: «ЕПР начну с новой серии». Видимо, все-таки отстала.

— Все равно не догоняю.

— Не переживай, — сочувственно улыбнулась Эмбер. — Значит, тут написано «Если предки рядом (ЕПР), начну с новой серии». То есть «перехожу к следующей букве». Слава богу, распечатки от оператора сотовой связи пришли по порядку, а не по номерам абонентов. Именно поэтому мы все и поняли. Потому что буквально через десять секунд пришло сообщение от Питера. — Эмбер показала на сообщение с текстом «Новая серия».

— Питер, значит. — До меня начинало доходить. Что ж, придется начать заново и просмотреть все сообщения от этого парня. — Ну а скейтерское кафе тут причем?

— Ну вот же, — Эмбер в третий раз ткнула пальцем в сообщение «→ в туннеле».

— Разве тут не о том, что парень едет по какому-то туннелю?

— Нет, конечно. Стрелка — это встреча. А «Туннель» — название кафе, где собираются скейтеры. Но я там никогда не бывала, — тут же добавила Эмбер, чтобы Куки не беспокоилась.

У меня отвисла челюсть.

— Как мы могли такое не заметить?

Куки растерянно покачала головой.

— Мы тоже не заметили, — сказала Кит. — Подумали, что ребята всего лишь хотят устроить попойку в каком-то туннеле, чтобы не нарваться на копов.

— Видимо, на это парень и рассчитывал, — подытожила я. — Кит, это было не случайное преступление. Если Эмбер права, то все спланировано заранее. Чувак специальнс

написывал Фэрис сообщения, чтобы лучше ее узнать. А значит, планировал свое грязное дело неделями.

— А еще он ей фотки присылал, — заметила Эмбер. — Но это точно не он. — Она показала мне один из снимков. — Поверить не могу, что она на такое купилась.

— Почему? — спросила я. — Кто это такой?

— Парень из «Таргета»^[5]. Ну тот, который стал знаменитым, после того как какая-то девочка сфоткала его за работой и выложила в «Твиттере». Фотка весь мир облетела. — Эмбер давала все возможные подсказки, но мы в упор не понимали, о чем речь. — Ну прямо повсюду висела. А вот этот, — продолжала она, показывая другую фотографию, — взорвал весь «Ютьюб», когда перепел «Папарацци»^[6]. — Мы по-прежнему молча пялились на Эмбер, и она не выдержала: — Леди Гага, блин!

— А-а, ты про песню! — осенило меня.

Эмбер сравнила снимки.

— Серьезно, они ведь даже не похожи. О чем она только думала?

Я села за свой стол напротив Куки.

— Они переписывались несколько недель. Наверное, Фэрис думала, что знает его.

— И может ему доверять, — добавила Куки и решительно воззрилась на дочь. — Ну все. Где твой сотовый? С сегодняшнего дня тебе на семь лет запрещено пользоваться телефонами.

— Ну ма-а-ам! — закатила глаза Эмбер.

— Чарли, — сказала Кит куда бодрее, чем минуту назад, — по-моему, вы нашли зацепку.

— Не я, — отозвалась я и указала на Эмбер, — а Эмбер Ковальски.

— И Квентин Резерфорд, — вставила та, с обожанием глядя на спящего Квентина. Наверное, только из-за огромной любви она не пустила на него слюни. — Именно он нашел связь с «Морской полицией». Это его любимый сериал.

— Мы проверим все номера, с которых приходили сообщения. Держу пари, телефоны одноразовые, но есть шанс напасть на след хотя бы по одному из номеров.

— Кит, этот парень неслабо потрудился, чтобы выйти на Фэрис, — напоследок сказала я. — Должно быть, он с ней где-то познакомился. Например, в кафе, куда она с одноклассниками заходит после уроков. А может быть, даже в школе.

— Уже звоню агенту Уотерсу. Мы поймаем этого гада.

Я положила трубку и хлопнула Эмбер по ладони.

— Может быть, ты только что спасла жизнь.

— Очень надеюсь, — застенчиво улыбнулась Эмбер.

Еще раз тщательно просмотрев все сообщения и сделав пометки на основе находок Эмбер, мы отправили распечатки со своими выводами обратно Кит и только потом разошлись по спальням. Я притащила Рейеса в общую ванную, усердно настаивая, чтобы он как можно дольше поотмокал под горячим душем. И на то было две причины. Во-первых, мне хотелось, чтобы он хорошенько расслабился и наконец уснул. Восемь месяцев без сна —

уму непостижимо! И как только мой муж не превратился в зомби? А во-вторых, я хотела подготовиться к войне.

Поскольку комнатухи в монастыре крошечные, одежду Рейеса пришлось «заселить» в соседнюю с нашей комнату, которую я называла его гардеробной. В конце концов, он же принц. Пусть даже принц преисподней, но с титулом все равно нельзя не считаться. Короче говоря, ворвавшись в гардеробную, я принялась воплощать в жизнь свой подленький план. Перекопала комод, пока не нашла все нижнее белье благоверного. До последних трусов. Сложила в целлофановый пакет из продуктового (я, видите ли, фанат повторного использования и все такое), прокралась в нашу спальню и спрятала пакет в колыбельке Пип. Потом, хихикая, как пациентка дурдома, взяла книгу, которую сейчас читала, и взгромодилась на кровать.

Все внутри звенело от предвкушения, когда в коридоре раздались шаги Рейеса. Он открыл дверь в гардеробную. Выдвинул ящик. Второй. Третий. Шаги послышались ближе, и я поглубже спряталась в одеяло. К тому моменту, как Рейес с игривой улыбочкой появился на пороге, я лежала в постели с самым невинным на свете видом.

Сложив на груди руки, Рейес прислонился плечом к косяку.

— Ты, случайно, не в курсе, куда подевалось все мое нижнее белье?

Закрыв книгу, я задумалась. Конкретно задумалась. Потом сморщила нос и подумала еще немного.

— Не-а, — наконец сказала я. — Странно, что ты сам не в курсе, раз уж речь о твоём белье. Без бельишка-то, наверное, не очень удобно.

— Я, в принципе, не возражаю.

Рейес сбросил полотенце, и мои глаза тут же метнулись к самому интересному.

Черт бы побрал его и это твердое, как камень, тело! С трудом отведя взгляд, я вернулась к чтению, а Рейес спокойно надел свободные пижамные штаны, которые завязывались шнурком спереди, и зеленовато-голубую футболку. Причем все время смотрел на меня, как пантера, готовая напасть на жертву.

— Решил бросить трусы, как вредную привычку? — поинтересовалась я, когда матрас просел под его весом.

Не обратив на вопрос ни малейшего внимания, Рейес прочел название книги, за которой я усиленно пряталась:

— «Пробудившийся любовник»^[7], - и примостился головой у меня на плече. — Ты же месяц назад читала эту книгу.

— Ничего подобного.

Он приподнял бровь.

— Ну ладно, читала. Не могу остановиться. Прочла уже двадцать семь раз подряд.

— Тебя тоже надо пробудить? — усмехнулся Рейес.

— Может быть.

— Тебе не нужна для этого инструкция. Я могу показать все шаг за шагом.

Он провел пальцем по моей шее, и кожу лизнул жар, просочившийся под ночную рубашку.

— Не стоит, — еле-еле подавила улыбку я. — Автор не скупится на подробности. Главный герой книги, похоже, весьма осведомлен в этом деле. Так что основы я усекла.

— А так он может?

Рука Рейеса пробралась под одеяло и легла на мое колено. Своим коленом он

полностью обездвижил одну мою ногу, а другую отодвинул дальше. Потом поцеловал меня в плечо, а секунду спустя его пальцы коснулись нежных складок у меня между ног, раздвинули их и осторожно скользнули внутрь. Меня словно наполнили жидким огнем, который разнесся по венам и обернулся вокруг костей, плавя и сжигая, пока внизу живота не разлилось тепло. Я сжала простыню в кулаке и, отчаянно желая всего и сразу, еще шире раздвинула ноги.

— Даже не знаю, — едва дыша, проговорила я. — Я его никогда не видела. Но, кажется, он очень способный.

— А что ты скажешь на это?

Свободной рукой Рейес сдвинул ночную рубашку и сжал губами затвердевший сосок Угрозы. Нежно посасывая, он сделал «ту штуку языком». Ту самую, елки-палки, штуку языком, которая каждый раз действовала безотказно. Уже через считанные секунды я ерзала и извивалась, умоляя подарить мне разрядку, но пытка продолжалась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ничего не видя, я засунула руку под одеяло и прямо через штаны обхватила твердый член. Рейес резко втянул сквозь зубы воздух, а я даже через ткань почувствовала, как под моими пальцами бушует кровь, и уже хотела повернуться к нему лицом, но не успела. Подняв над кроватью, Рейес поставил меня на пол, обнял сзади и подтолкнул к зеркалу в полный рост. Там он стащил ночнушку по плечам, и она упала у моих ног. Я опустила голову, но пальцы обвились вокруг моей шеи, заставляя посмотреть в зеркало, словно Рейес хотел, чтобы я увидела то, что видит он. Вот только мои глаза видели огромную круглую женщину.

Должно быть, он почувствовал мои опасения, потому что тихо поцокал языком и положил мои ладони на стену по обе стороны от зеркала. Ступней подтащил поближе стул и закинул мою ногу на спинку. Пальцы едва касались сиденья, а саму меня к тому моменту уже заметно трясло.

Рейес снова взял меня за горло и тихо заговорил на ухо:

— Я буду делать с тобой разные вещи. — Голос звучал глубоко, гладко, с густым акцентом, и до меня дошло, что он говорит на мэнском языке. — Очень плохие вещи, — добавил Рейес. Акцент казался почти таким же сексуальным, как и он сам, и буквально распалил мою душу. — А ты будешь смотреть. — Рейес накрыл Уилл и сжал. — Учиться. — Крепкие зубы прикусили мочку уха. По щеке шепотом прошло теплое дыхание. — И наконец поймешь, что ты со мной делаешь.

Что я с ним делаю? Спятил, что ли? Прямо сейчас я была бешено благодарна, что передо мной стена, иначе очень сомневаюсь, что устояла бы на месте. Особенно когда внушительный твердый член скользнул между ног, и я ощутила его пульсацию. Рука сама двинулась вниз, чтобы ощутить восторг прикосновения, но Рейес ее перехватил и вернул на стену.

— Рано, — напряженно предупредил он, сильно сжав мое запястье.

А потом сотворил нечто очень-очень странное. Собрал мои волосы в кулак и свободной рукой стал ласкать мне лицо, глядя на мое отражение в зеркале. Я знала: он хочет, чтобы я что-то увидела, но я видела только его. Мерцающие глаза под пеленой густых длинных ресниц. Чуть приоткрытые чувственные губы. Сильные линии челюстей...

Отпустив волосы, Рейес перешел к плечам. Провел по ним пальцами, а потом обхватил ладонями Угрозу и Уилл, припав губами к шее. Пальцы легко сжали соски, и я содрогнулась

от спазма чистого удовольствия.

Везде, где Рейес ко мне прикасался, оставались обжигающие следы, и я поняла, что это не случайно. Свой жар он вполне мог контролировать, по крайней мере отчасти.

Я должна была увидеть. Посмотреть на него с другой стороны. Из сверхъестественного мира. И пусть мне только предстояло научиться в один прыжок переходить из одной реальности в другую, я медленно выдохнула, расслабилась и сосредоточилась, пока не увидела извечное пламя, льнущее к мужу. Пару раз я уже видела этот огонь, но так — еще никогда. Обычно по его коже стелятся голубые пламенные змеи, словно источник огня — он сам, но сейчас Рейес буквально сиял оранжевым пожаром. И везде, где он ко мне прикасался, на каждом сантиметре, обласканном его руками, оставались оранжевые сполохи.

Я зачарованно смотрела, как меня в буквальном смысле живьем сжигает принц преисподней.

Горячие руки легли мне на живот, питая изнутри теплом, и я поняла, что вот-вот упаду. Я откинула голову Рейесу на плечо, а он снова опустил руку мне между ног. Крепко прижимая меня к себе другой рукой, он нежно поглаживал складки, пока искра, которую он зажег у меня в животе, не полыхнула с новой силой. Сгорая от желания, я вцепилась в руку мужа, но он опять вернул мою ладонь на стену.

А потом исчез.

Открыв глаза, я увидела, что Рейес присел прямо передо мной. Ногти впились в стену. Раздвинув мне ноги еще шире, он будто заклеил меня горячим поцелуем. Я громко ахнула. От движений языка внутри болезненно натягивались какие-то струны. Удовольствие вихрилось, как пыльная буря, жаждущая превратиться в торнадо. Я отчаянно искала вершину этого вихря, но долго искать не пришлось. На чувствительном местечке сжались зубы, а мгновение спустя боль смыло сладкими легкими прикосновениями языка, которые все ярче и ярче разжигали тлеющие внутри угольки, пока меня не объяло пламенем сжигающей все на своем пути похоти. Разрушительной лавиной обрушился оргазм, и по нервам разлетелись пульсирующие осколки невообразимого наслаждения. Едва переживая одну волну за другой, я вцепилась Рейесу в волосы, пока пылающий океан не начал успокаиваться, оставляя на память о себе резкие, острые спазмы.

Когда вся эта энергия вырвалась на свободу, я чуть не рухнула на зеркало, но Рейес уже стоял у меня за спиной, явно не собираясь на этом заканчивать. Спустив штаны вниз, он одним длинным движением оказался внутри. За долю секунды не до конца погасшее пламя наслаждения разгорелось заново.

Рейес поймал мой взгляд в отражении. Поразительные глаза, в которых сияла неуголенная страсть, будто заставляли меня смотреть.

Разве могла я ослушаться? Рейес был великолепен. С каждым движением, с каждым ударом под футболкой бугрились крепкие мышцы.

Прижав меня спиной к своей груди, Рейес прошептал на том же языке:

— На этот раз мы кончим вместе. — От трения между нашими телами огонь разгорался все сильнее и сильнее. — Смотри, что ты со мной делаешь, *ghraih*. — «Любимая».

Я сосредоточилась на том, как с каждым движением языка пламени вокруг Рейеса становились все ярче. Брови сдвинулись. С приближением оргазма выражение его лица становилось напряженнее, почти превратившись в маску агонии. Тяжело дыша, он уперся рукой в стену. Крепко сжал зубы. По моей коже гуляли острые шипы обжигающего

наслаждения, кусали, царапали, оставляли следы чистого восторга. Удары становились все мощнее и мощнее. Внутри меня разрастался первобытный голод, словно Рейес высасывал удовольствие прямо из моих костей.

Я почувствовала, как он, издав мучительный стон под тяжестью невыносимого наслаждения, взорвался внутри меня. Его оргазм вихрем перетек в мой, и в этот момент я все увидела. Увидела Рейеса. Он вспыхнул океаном бушующего пламени. Огненные языки окутали его и подхватили меня таким диким, таким яростным потоком, что я засомневалась, выживу ли после такого.

В комнате не осталось воздуха. Легкие сжались в груди. Глаза закрылись, и меня с головой захлестнуло волной испепеляющего огня. Под натиском ослепительного желания исчезло все, а под ногами дрожала дивная, прекрасная земля.

В реальность я возвращалась медленно. Перед глазами плыло, поэтому пришлось поморгать. С трудом освободившись, я повернулась к Рейесу и стала всматриваться в невозможно красивое лицо. Он все еще упирался рукой в стену и пытался отдышаться. Я почувствовала, как по нему прошла последняя волна дрожи. Потом он шагнул ближе, прижав меня спиной к прохладному зеркалу, уткнулся лбом в руку на стене, а свободной обнял меня за талию.

— Видела? — спросил Рейес, и от него пошла легкая рябь неуверенности.

— Видела. Это было потрясающе.

А вот Рейес моей уверенности не разделял. Глубоко в душе у него росли сомнения. Мне хотелось заверить его, что все, что я увидела, все, что он мне показал, было невероятно. Я погладила его по спине и поняла, что он мокрый. Очень мокрый. Даже как-то чересчур.

Я взглянула на руки и ахнула. Они были сплошь покрыты кровью. Отодвинувшись, я обошла Рейеса, чтобы увидеть, в чем дело, но он быстро повернулся ко мне лицом.

— Рейес, у тебя кровь идет, — сказала я, пытаюсь его развернуть.

Он не сдвинулся ни на миллиметр, стиснул зубы и тяжело уставился на меня сверху вниз. Видимо, не ожидал, что я замечу что-то странное.

— Так вот почему ты в футболке! — осенило меня. Ведь знала же, что не просто так он занимается со мной любовью, наполовину одетый. Такое, конечно, и раньше случалось, но нечасто. — Раздевайся.

— Со мной все в порядке, — сухо сказал Рейес, поправил штаны и завязал шнурок на поясе.

Я сделала то же самое. В смысле подняла с пола ночнушку и напялила ее через голову.

— Вот и замечательно. А раз так — показывай.

— Датч, — процедил он и опять повернулся, когда я во второй раз попыталась его обойти.

Но в отражении я успела заметить длинные кровавые полосы. Здоровенные порезы начинались от плеча, пересекали спину и заканчивались под ребрами. Такое мог сотворить либо медведь, либо адский пес.

Меня захлестнуло яростью.

— Снимаю футболку, или, ей-богу, я сама ее сниму.

Рейес знал, что с меня станется. Что одним-единственным словом я могу его вырубить. Однако вместо того чтобы разозлиться, он почему-то замер и сощурился, причем явно не от злости, а от чего-то очень похожего на гордость. Уголок чувственного рта приподнялся, но Рейес все равно покачал головой:

— Нет. За последнее время ты и так всякого насмотрелась. Не хочу демонстрировать тебе всю глубину собственной глупости.

Ослепительная ярость тут же рассеялась.

— Мистер Фэрроу, — начала я и покрутила пальцем, чтобы он развернулся, — глубина твоей глупости волнует меня меньше всего на свете.

Смирившись, Рейес вздохнул, стянул футболку через голову, подарив мне умопомрачительную картину перекачивающихся под кожей крепких мышц, и повернулся лицом к зеркалу. Именно в этот момент я решила заняться садоводством и первым делом посадила в пол собственное лицо.

— Это все гормоны, — промямлила я Ошу, который принес мне стакан воды.

Как выяснилось, он как раз шел в ванную, когда «раздался гром и под ногами треснула земля». Это он так сказал. Хотя очень сомневаюсь, что мое падение было таким громоподобным.

— Просто голова закружилась.

Ош подмигнул. Поскольку свадьба закончилась, на макушке у него опять сидел цилиндр. Рейес с суровым выражением лица прижимал к моему виску холодный компресс. Я его напугала. Себя тоже, но ведь не нарочно.

— Я упала прямо на Пип. — Надеюсь, что она ответит, я потыкала пальцем в живот. — Как думаете, с ней все в порядке?

— С головой у нее уж точно получше, чем у тебя, Ioca^[8]. — Ангел тоже счел нужным нарисоваться, потому что мне, видите ли, кроме дезориентации и унижения, срочно понадобилась взбучка.

— Ангел Гарса! — Я погрозила ему пальцем. — Чтоб ты знал, я способна на страшные поступки.

Подняв руки, он по-мальчишески улыбнулся, и мое сердце растаяло.

— Скотч принес? — спросила я у Оша.

Тот поднял моток и оторвал кусок липкой ленты, чтобы заклеить раны на спине Рейеса. Оказалось, те странные линии, которые я видела под темно-серой футболкой на спине мужа чуть раньше, были как раз от скотча. Посчитав, что достаточно исцелился, Рейес содрал скотч, когда ходил в душ. Но он ошибался. На спине остались две глубокие раны со следами четырех когтей на каждой. Первая шла сверху вниз от плеча под самые ребра. Вторая — через всю поясницу. Когти адских псов острые как бритва, а плоть разрывают до самых костей. Чем и объясняется мое внезапное, но, слава богу, кратковременное отсутствие на бренной земле.

— На твоём месте я бы прекратил обжиматься с адскими псами, — совершенно

спокойно заявил Ангел Рейесу.

Рейес наградил его злым взглядом, но Ангел и бровью не повел. А ведь раньше боялся моего мужа до смерти. Видимо, за последние месяцы они настолько подружились, что Ангелу теперь можно было говорить вслух все, что вздумается.

— Если это случилось вчера, — начала я, глядя, как Рейес стиснул от боли зубы, пока даэва лепил ему на спину скотч, — почему ты так медленно исцеляешься?

Но вместо Рейеса ответил Ош:

— Потому что не спит. Месяцами уже не впадал в стазис.

Я поймала взгляд мужа.

— Рейес, тебе нужно поспать. Почему ты, блин, не спишь? Восемь месяцев — это же уму непостижимо!

Приклеив последний кусок скотча, Ош похлопал по нему, и пациент издал приглушенный стон.

— Как новенький, — проговорил даэва, а потом резко посерьезнел. — Но если запахнет жареным, в таком состоянии пользы от него никакой.

Собрав вещи, он подмигнул мне напоследок и ушел.

— Короче, если что, я рядом, — сказал Ангел. — Свистни, если понадобится.

— Почему? — выпалила я, пока он не исчез.

— Что — почему?

— Почему ты здесь? Что вы задумали?

Я успела заметить угрожающий взгляд, который бросил Рейес на моего лучшего детектива.

Ангел пожевал губу.

— Да я просто за тобой присматриваю.

Развить тему мне не удалось — он испарился. Я сложила руки на груди и с упреком воззрилась на Рейеса.

— Почему ты не спишь?

Наверное, в сложившейся ситуации правильнее было беспокоиться о его здоровье, а не подпитывать собственное любопытство по поводу тайных дел с Ангелом.

Рейес улегся на кровать, заняв большую ее часть.

— Не могу расслабиться.

— Рейес, — начала я, усевшись на него сверху, а это тот еще акробатический трюк в моем состоянии, — Ош прав. Без нормального сна ты не сможешь сделать все от тебя зависящее, если ситуация резко ухудшится. Понимаешь, мы как будто в чайнике, а кто-то потихоньку добавляет газ. Вечно прятаться здесь нельзя. Псы найдут способ сюда пробраться. Я это чувствую.

Чтобы усесться поудобнее, я поерзала, и Рейес улыбнулся, как будто вообще не слышал, что я сказала. Его руки легли мне на бедра.

— Скоро я все узнаю, — наконец сказал он.

Я наклонилась вперед, заправила ему за ухо темный локон, провела пальцем по очертаниям губ.

— О чем?

— О том, как бороться с псами.

Я тут же выпрямилась.

— Так ты поэтому продолжаешь нарываться, даже зная, что святая земля их не убьет?

Рейес игриво изогнул бровь.

— Нарываться?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Можно и так сказать.

— Но ты ведь прекратишь, да? Ты же сказал, что прекратишь.

— Прекращу.

Я легла рядом.

— А что происходило, когда ты затаскивал псов на святую землю? Они корчились от боли? — Я опять села. — Или, может быть, дымились, как будто земля сжигала их плоть?

Подсунув руку под голову, Рейес ответил тоном, наполненным любопытством:

— В том-то и дело. Земля как будто вообще никак на них не влияла.

— Не поняла. То есть им даже больно не было?

Он покачал головой:

— Ни капельки.

На этот раз, прислушиваясь к равномерному дыханию мужа, я точно знала, что он притворяется. И притворялся уже восемь месяцев. Из нас двоих спала разве что моя правая нога. То, что узнал Рейес об адских псах, не давало мне покоя. Если земля не причиняет им никакого вреда, то почему они до сих пор не явились по наши души? А может быть, тварям все-таки было больно, только незаметно. Нормально рассмотреть их чертовски непросто. К тому же я почти уверена, что в первую очередь волновала их не боль, а задача разорвать моего мужа на куски.

А вдруг они и вовсе выжидают и бродят вдоль границ, чтобы не упускать нас из виду? Но если так, то зачем? Чего они ждут?

Зазвонил мой сотовый, который как раз заряжался. Розеток здесь негусто, поэтому Пайпер, она же телефон, находилась в другом конце спальни. И пусть комнатка крошечная, мне все равно нужно было встать, чтобы ответить на звонок.

Я попробовала выбраться из объятий Рейеса, но он прижал меня еще крепче. Я стала сдвигать с себя его руку, а он сцепил пальцы в замок, устроив мне самую настоящую ловушку.

С большим трудом я поборола смех.

— Рейес, я знаю, что ты не спишь. Прекращай уже эти игры.

— Ни за что, — пробубнил он в подушку.

Все-таки рассмеявшись, я всем весом потянулась вперед, к краю кровати, пока Рейес меня не отпустил. Когда я добралась до Пайпер, уже включилась голосовая почта. Звонил дядя Боб. Я надела халат, вышла из комнаты и перезвонила.

— Ты все еще на работе? — спросила я, успев глянуть на часы перед тем, как закрыть дверь в спальню, где Рейес изо всех сил прикидывался спящим. На часах было тридцать две минуты второго.

— Мы его нашли, — затараторил среди ночи Дибби. — Ты не поверишь! Он работает на Ватикан.

— Да ладно! — отозвалась я, приправив голос изрядной долей удивления.

— Черт тебя дери, Чарли! Ты знала, да? Значит, наводку по телефону дала ты?

— Нет, конечно.

Сказала я это очень убедительно, но дядя Боб не купился.

— Чарли...

— Ладно-ладно! Я подозревала. Долго рассказывать. Так что там?

— Мы не можем его задержать, милая. Он говорит, что никакого отношения к убийству не имеет. Что твой отец следил за ним, а не наоборот. Но мы можем выдвинуть обвинения в преследовании, если ты напишешь заявление. Только скажи, и мы все сделаем.

— Он что-нибудь знает об убийстве папы?

Дядя Боб тяжело вздохнул:

— Говорит, что нет. Якобы твой отец ему угрожал и требовал прекратить за тобой слежку. По словам этого парня, тогда они виделись в последний раз.

— Врет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что он не просто за мной следил. Покопайся в фотках, которыми завалена его квартира.

— В каких фотках? Там ничего нет.

Твою дивизию! Чувак избавился от улики. Должно быть, отослал все до последнего листочка своему боссу в Ватикане.

— У него на стене были фотографии папы.

— Ты торчишь в монастыре уже восемь месяцев. Тебе-то откуда знать?

— Мне кое-кто помогал.

— Несмотря на то, что я просил тебя не лезть?

— Типа того. В общем, у него были папины фотки.

— Как бы то ни было, сейчас у нас ничего нет. А поскольку впясть ему нечего, у меня связаны руки.

И тут мне в голову пришла идея. Мощно пришла, как если бы я в темноте вписалась лбом в косяк двери. Говоря по телефону, я притопала в гостиную, чтобы поторчать рядом с мистером Вонгом.

— Дай ему трубку, — сказала я Дибби.

— Так нельзя, Чарли.

— Скажи ему, с кем ты разговариваешь, и передай привет от отца Гленна.

Что-то мне подсказывало, что чувак в курсе, кто такой отец Гленн — священник, которому не так давно я помогла разобраться с демонским логовом. Именно отец Гленн рассказал мне о досье, которое собирают на меня в Ватикане. Сама по себе напрашивалась мысль, что священник и чувак, который за мной следил, как-то связаны.

— Ну ладно, не клади трубку.

Пару минут спустя в телефоне раздался робкий мужской голос:

— Алло...

— Ну привет, блондинчик. За кем из моих знакомых ты сейчас таскаешься?

— Не понимаю, о чем речь.

— Ватикану уже пожаловался?

— О чем?

— О том, что твоему прикрытию хана?

— Вынужден повторить, но я действительно не понимаю...

— А давай-ка мы пропустим всю эту дребедень и перейдем сразу к делу. — Я не стала давать ему время на ответ, надеясь дезориентировать гада. Авось проговорится. — Ты расскажешь моему дяде (а ты прекрасно знаешь, что он мой дядя), кто следил за моим отцом. Я в курсе, что у тебя были фотки папы и какого-то мужика. Выложишь все как на духу — и я никому из Ватикана не расскажу, как по-царски ты облажался. Capisce^[9]?

В трубке царила тишина, а это значит, чувак обдумывал мое предложение.

— Взамен, — надавила я, — я разрешу тебе по-тихому продолжать свое гиблое дело на радость Ватикану и время от времени оказывать мне кое-какие услуги. Для начала ты узнаешь, кем была монахиня, которая умерла в моем монастыре. Я хочу знать имя и что с ней произошло. Ну и что стряслось со священником, который начисто испарился.

— В каком монастыре?

— Чува-а-ак, если ты начнешь играть со мной в свои дурацкие игры, клянусь, я прямо сейчас остановлю твое сердце. А самое смешное — ты знаешь, что мне такое раз плюнуть, потому что годами за мной следил. И кстати, как ты думаешь, что я по этому поводу чувствую?

В ответ я опять услышала тишину.

— Я злюсь, Говард. Очень злюсь.

— Если кто-нибудь узнает...

— То ты потеряешь работу? — насмешливо фыркнула я. — Считай, тебя уже уволили. Потому что тебя раскрыла твоя же цель. Причем цель, которая не постесняется обрушить на город твоего босса ливень из адского пламени. Чем, по-твоему, это закончится?

— Я всего лишь наблюдатель. У меня нет доступа к архивам.

— Брехня. Подумай еще разок.

Судя по молчанию, чувак действительно думал, пытался найти выход, но правда в том, что выхода у него не было. Если, конечно, он не был готов потерять свою не особенно тяжелую и хорошо оплачиваемую работу.

— Хоро...

Договорить «хорошо» я ему не дала:

— Принеси детективу Дэвидсону фотографию моего отца и того мужика и выясни все, что мне нужно, по поводу монахини и священника. У тебя два часа. — Мне опять ничего не ответили, и я добавила: — Не теряй времени даром, Говард. Передай трубку моему дяде.

— Что он сказал? — на ходу спросил Диби. Судя по звуку шагов в трубке, он спешил уйти подальше от Говарда. — Согласился сотрудничать?

— К смерти папы он никакого отношения не имеет, но мне кажется, у него есть фото того, кто в этом замешан. Похоже, папа с этим неизвестным ругался, оба на фотке выглядели сердитыми. Задержанный передаст тебе снимок, но его придется отпустить. Прямо сейчас. — Я так разволновалась, что мы вот-вот хоть что-нибудь узнаем о смерти папы, что не хотела терять ни секунды.

— Как тебе угодно, милая. А что ты скажешь Рейесу, если он узнает, что ты работаешь над этим делом? Он же до смерти боится подвергать тебя опасности.

— Он ничего не узнает. Не переживай.

— Мне он нравится, Чарли. Он... хороший человек.

— Спасибо, Диби. Мне он тоже нравится. И кстати! — чуть не забыла я. — Зуб даю Говард уже знает мой номер, но все-таки убедись, что номер у него есть. Я жду звонка.

— Сесть ему на хвост? — предложил дядя Боб.

— Не нужно. Как только получишь снимок и все, что у него есть на папу, срочно возвращайся и займись наконец сексом со своей женой.

— Чарли, — сказал Диби таким тоном, что я живо представила, как у него краснеют щеки.

— Имей в виду, она тут в компании трех... нет, четырех, если считать и Квентина (а почему бы его не считать?), самых сексуальных мужиков на планете. Это тебе так, исключительно для информации.

— Буду через час.

— Час займет только дорога сюда, а тебе надо дожидаться фотки от Говарда.

— Для этого и придумали сирены и мигалки.

*Люди перестанут задавать вопросы,
если отвечать не словами, а символическим танцем.*

Надпись на футболке

В ожидании звонка от ватиканского парня я решила опять заняться дверью в чулан. Ей-богу, лучше бы Говард меня послушал, иначе я точно его отмечу. Какой-нибудь не очень страшной меточкой. Например, дам ему предназначение быть главным по унитазам в «Яме» — спортивном комплексе в Альбукерке. Вот что называется отстойная работенка. Вряд ли, конечно, для таких целей можно использовать метку предназначения, но мысль дельная.

На этот раз в прачечную я притащилась с фонариком и принялась сверху донизу рассматривать дверь. Как же ее заперли, если нет ни ручки, ни замка? И зачем запирают ее изнутри? Тогда ведь тот, кто окажется за дверью, точно не выберется.

И тут я ахнула. Может быть, это и есть разгадка. Может быть, там кого-то заперли, и он, она или они задохнулись или умерли от голода. А вдруг там заперли священника, и поэтому он вроде как исчез?

Любопытство разыгралось не на шутку. Встав на четвереньки, я посветила фонариком под дверь, надеясь хоть что-нибудь увидеть, но все без толку. Между дверью и полом не было ни намека на зазор.

Пока я стояла на четырех костях, Пип решила поупражняться в шпагате. Пришлось ползти к стиралке, чтобы как-то встать, а ведь раньше с принятием вертикального положения вообще никаких проблем не было. Но раз уж я добралась до агрегата, почему бы не заняться стиркой?

— Я сама собиралась все постирать, — раздался голос Дениз, и я подскочила от неожиданности. — Чтобы приготовить к появлению ребенка детские вещи.

— Блин, а ты все не сдаешься, да?

— Я не намерена тебя терять.

Джемма была права. Одиночество Дениз пробирало меня до костей. Ну и кто, елки-палки, в этом виноват?

— Джемма с тобой?

— Нет, я приехала одна. Твой друг Лэндо Калриссиан выделил мне комнату. С койкой.

— Какой еще Лэндо?

— Который с длинными черными волосами. Выглядит, как старшеклассник.

— Ош. Его зовут Ош. А Лэндо — это...

— Я знаю, кто такой Лэндо

— А-а, ну ладно.

— Ты принимаешь витамины?

— Ага.

Дениз кивнула.

— Схваток не было? Или еще каких-нибудь признаков?

— Не-а. — Когда она опять кивнула, я добавила: — В общем, я собираюсь... кое-чем заняться. Где-нибудь в другом месте.

На мачеху накатило облегчение, когда до нее дошло, что я ее не выгоню. Нет, я не

собиралась ее прощать. Ни за какие коврижки. Но если ей так уж хочется постирать, бога ради. И с Пип я разрешу ей посидеть, когда дочь решит появиться на свет. Всем нужны бабушки.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Дениз.

— Я жду звонка по поводу одного дела. Как только мне позвонят...

— Ты все еще работаешь?!

— Как видишь.

Она открыла рот, явно собираясь меня отчитать. Я видела это по выражению ее лица. Маску презрения Дениз носила, как жена какого-нибудь богача — сумочку от «Луи Виттон». Я ждала, когда на меня польются потоки грязи, но вместо этого Дениз взяла из корзинки футболку с надписью «Дорогой дневник! Сегодня мне пришлось зарезать одну стерву...» и ни слова не сказала. Никак не обозвала, не подколола. Странно до ужаса. В голову даже закралась мысль, что Дениз одержима.

Звонка я решила дожидаться в кинотеатре, который на самом деле был всего лишь обычной комнатой с телевизором, несколькими стульями и креслами. В итоге я забралась в кресло и стала смотреть какую-то серию «Шоу Энди Гриффита», как вдруг на пороге появился мой муж. Я смерила его взглядом с ног до головы. О да, я бы с радостью опять уложила его в постель.

В кинотеатр он зашел в одних штанах. Блин, даже ступни у него сексапильные! Зато теперь я понимала, почему у него постоянно потрепанный и усталый вид. Подумать только! Восемь месяцев без сна!

— Почему не возвращаешься наверх? — спросил Рейес.

— Жду звонка.

Он кивнул, взял журнал с Опррой на обложке и сел на стул возле меня. По телику Опи как раз собирался прогнать с дерева птичек. Вот ведь хулиганистый мальчишка!

— Ты же знаешь, — начал Рейес, — что можешь рассказать мне все, что захочешь.

Я фыркнула:

— А вот и нет.

Он поднял голову и подозрительно посмотрел мне в глаза:

— Почему ты так говоришь?

Клянусь, он у меня замечательный, и меньше всего на свете мне хотелось его разочаровывать. Однако вряд ли для такого разговора когда-нибудь вообще будет подходящее время. Так почему бы не сейчас? От одной только мысли о том, что я сделаю с Рейесом и вообще с нами, меня охватила грусть. Из-за моего поступка его мир вот-вот перевернется с ног на голову, но я должна была во всем признаться.

Нервы звенели. Сердце бешено колотилось. Еще до утра Рейес меня возненавидит. Но куда ему деваться? Мы оба застряли в монастыре. Одному богу известно, как долго мы здесь будем торчать и ненавидеть друг друга. То есть Рейес меня будет ненавидеть, а вот я никогда не смогу его разлюбить и заставить себя почувствовать хоть капельку ненависти. Даже если он съест последнюю печенку. А это, извините, ого-го какой повод.

— В общем, я хотела тебе рассказать...

В этот самый момент затрезвонил сотовый. Я замолчала, сглотнула страх и ответила на звонок.

— Это Говард, — послышалось в трубке.

— Ага, я догадалась. Что выяснил?

— В монастыре была послушница, которая собиралась принять постриг. Но перед этим обвинила священника в том, что он к ней приставал.

— Дай угадаю. Это и был тот священник, который пропал.

— Да. Но ее обвинениям ходу не дали, и нет никаких записей о том, что кто-то там умер. По крайней мере никаких упоминаний о смерти молодой послушницы, которую в свое время отлучили от церкви.

— Еще бы не отлучили. — Я встала и принялась ходить из угла в угол. — В те времена обвинить священника в дурном поведении само по себе влекло за собой отлучение. — И это объясняло, почему записей о смерти послушницы нигде нет. Но как именно она умерла? Вдруг священник ее убил, а уже потом исчез? — Как ее звали?

— Беа Хидлз.

— То бишь сестра Беа?

— Думаю, скорее сестра Беатрис. Это все? — спросил Говард.

— Фотку дяде передал?

Едва задав этот вопрос, я услышала, как к монастырю подъезжает машина. Видимо, приехал дядя Боб. Рейес ушел открыть дверь.

— Да. Я выполнил вашу просьбу.

Даже через трубку я слышала, что Говард зол как черт.

— Ладно, тогда еще один вопрос. Почему?

— Не понял.

— Почему Ватикан — сам Ватикан! — собирает на меня досье?

— Я всего лишь наблюдатель, — опять завел чувак свою шарманку на тему «я невинен, как дурак».

— Говард, если ты хочешь, чтобы наши с тобой отношения развивались в правильном направлении, мы не должны друг другу врать. Честное слово, я не стану останавливать тебе сердце, если ты прекратишь вешать мне лапшу на уши.

Несколько долгих секунд он молчал, а когда снова заговорил, голос его уже звучал чуточку вежливее. Что ж, пока сойдет и так.

— Я знаю только то, что вы представляете для них большой интерес. Существуют какие-то пророчества. Судя по всему, с момента вашего рождения предсказания начали сбываться.

— Как обо мне вообще узнали?

— У нас тоже есть особенные люди, — ответил Говард. — Люди вроде вас. Талантливые, одаренные. Наверное, они... вас увидели.

Я знала, что народ в Ватикане пристально следит за сестрой Мэри Элизабет. Что ее хотели забрать в Италию, едва она дала обеты. Но она решила остаться в Нью-Мексико, поближе к девочке, которая вызвала хаос на небесах. А вдруг таких, как сестра Мэри Элизабет, много?

— Ты тоже обладаешь какими-то талантами?

— Нет.

В комнату пришел дядя Боб, чмокнул меня в щеку и отправился наверх искать свою жену. Куки точно ждет приятный сюрприз. За креслом встал Рейес и наклонился, чтобы погладить Пип. Ей-богу, его руки творили чудеса, а жар успокаивал.

— Ну а другие похожие на меня люди? — спросила я. — Ты что-нибудь о них знаешь?

— Похожих на вас людей не существует.

— Я имею в виду тех, за кем тоже следят. Таких много?

— Послушайте, меня наняли всего лишь наблюдать и отчитываться о результатах. Вот и все.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я знаю, что ваш муж тоже особенный.

Это точно. Упомянутый муж как раз покусывал мне ухо, отчего по коже плясали искры удовольствия.

— Ты знаешь, кто он?

— Я знаю, что он из ада.

Я застыла. Не ожидала, что Говарду так много известно.

— Ватикан уже в курсе?

Отвечать мне не торопились. Видимо, Говарду не нравилось, куда свернул разговор, поэтому он решил увильнуть от прямого ответа, и я отчетливо расслышала в его голосе страх:

— Все, что касается вас, попадает в мои отчеты.

— И что они собираются предпринять?

Ну правда, что будут делать люди из Ватикана? Или точнее что они могут сделать? Как бы то ни было, мне хотелось выяснить, прибавится ли у нас проблем.

— Не имею представления. У меня нет доступа к подобной информации.

Я ему поверила. А еще была убеждена, что когда-нибудь этот парень нам пригодится.

— Говард, — проговорила я, широко улыбаясь, — по-моему, у нас с тобой будут прекрасные длительные отношения.

— Но я думал...

— Сколько лет ты меня преследуешь?

В трубке опять повисла пауза.

— Не преследую, а наблюдаю. Семь лет.

Святой ежик! Как я могла о таком не знать? Да уж, иногда я вообще ничего вокруг не вижу.

— Значит, ты должен мне семь лет верного рабства.

— Вот дерьмо...

— Будешь двойным агентом. Это же весело!

— Меня точно отправят в ад.

— В ближайшее время — нет. Ты мне нужен, приятель. Представляешь? Мы с тобой против целого мира! Кстати! Ты, случайно, не в курсе, как укокошить адского пса?

Спать я не собиралась. Если Рейес не может, то и я не могу. Но уже через пять минут после того, как мы уселись в кресле вдвоем и он начал поглаживать Пип, я храпела на весь кинотеатр. Помню, как кто-то меня поднял и я успела порадоваться, что мне это только снится. А потом несколько часов спустя проснулась в нашей спальне. Одна.

Солнце едва-едва подзолотило горизонт. Набросив халат, я потопала по коридору в общественный туалет. Справила малую нужду и, уже чистя зубы, выглянула в окошко

размером с почтовую марку, которое выходило на задний двор. Гости разъехались, и об особенном в жизни Куки дне напоминали лишь забытые кое-где одинокие цветы и обрывки шелковых лент.

Язык пекло от дурацкой зубной пасты со вкусом корицы. Я уже собиралась вернуться обратно к зеркалу, как вдруг краем глаза заметила в окне какое-то движение у кромки деревьев. Это был Рейес. И он явно шел куда-то втихаря. Ну и куда? Драться с очередным адским песиком? Разве он уже не доказал, что святая земля их не убивает? А может быть, у него опять встреча с предателем Ангелом?

Я прополоскала рот, наспех умылась, побежала обратно в спальню переодеться и спустилась вниз. Дениз почему-то не спала, а готовила завтрак. Я промчалась, образно выражаясь, мимо, остановилась и резко развернулась.

— На сковородке бекон? — Рот против воли наполнился слюной.

— Вегетарианский.

— Какой-то оксюморон получается.

— Хочешь попробовать?

Я подозрительно уставилась на сковородку.

— Даже не знаю.

— Садись за стол. Положу тебе кусочек.

— Не успею. Бегу ловить мужа на горячем.

На чем именно, я понятия не имела, но на все сто собиралась это выяснить.

Глядя, как я хватаю со сковородки кусок вегетарианского бекона и мчусь, образно выражаясь, на улицу, Дениз поджала губы, но все-таки выдавила:

— Ладно, разогрею, когда вернешься.

— Спасибо! — отозвалась я, но не очень громко.

Потому что мне надо было стать колоском в чистом поле, где гуляет ветер. Нет, самим ветром.

Режим «невидимки»: активирован.

Я слилась с деревьями и пошла туда, где была вчера. Оттуда хорошо просматривалось все вокруг. Мне хотелось только одного — убедиться, что мой явно спятивший от нехватки сна муж не дерется с адскими псами. Блин, классная была бы метафора, не будь все по-настоящему. Надо запомнить и как-нибудь использовать по случаю.

Пробираясь между деревьями, я периодически посматривала на обрыв. Тот факт, что Рейес меня до сих пор не заметил, тревожил. Я ведь яркая, почему же он меня не видит? И все-таки он спокойно шел по поляне, которая, по идее, была за границей священной земли. Черт бы побрал гадского Оша! Наверняка он с самого начала был замешан в том, что происходит.

Рейес остановился посреди поляны, а секунду спустя нарисовался Ангел. Рейес его призвал! Моего, блин, лучшего и единственного детектива! Возникло ощущение, будто меня предали. Смяли и выбросили, как салфетку из «Рубежа» — моего любимого ресторана.

Эх, великолепнейший «Рубеж»!

Рот мигом наполнился слюной, но я продолжала внимательно следить за поляной. Перебралась через поваленный ствол и ловко прошла по неровной земле, не поднимая головы и размеренно дыша. Фиг его знает зачем. Чувствовала я себя снайпером в морской пехоте. С той лишь разницей, что была на сносях. Если бы не это и абсолютнейшее неумение метко стрелять, я воплощала в себе все, что присуще первоклассному снайперу. Хитрость.

Ловкость. Изящество. Терпение пантеры на охоте. Господи, почему я не смоталась на дорожку в туалет?

Краем глаза я заметила лицо. Это была мертвая монахиня. Она шла прямо за мной, пристально глядя на происходящее внизу. А мне наконец выпал шанс хорошенько ее рассмотреть, хотя повернуться я не рискнула. Не хотела ее спугнуть.

Носик у девушки был маленький и вздернутый. Лицо — ласковое и по-юному нежное. Волосы скрывались под покровом, но даже присущая призракам серость не помешала мне рассмотреть светло-каштановые брови и каре-зеленые глаза. Мы обе смотрели на Рейеса и Ангела, которые разговаривали о чем-то на поляне.

В голову пришла идея, и я наконец повернулась к монахине:

— Может, подслушаешь их разговор прямо с поляны?

Взглянув на меня, она покачала головой. Накатило разочарование.

— А по губам читать умеешь?

Она опять молча ответила нет, но на этот раз едва не улыбнулась. Ладненько, в эту игру можно и вдвоем поиграть.

— Тогда, может, промчишься мимо, стянешь с них штаны и убежишь?

Монахиня тихо рассмеялась и отошла на пару метров. Я решила бросить карьеру снайпера и узнать, куда сестра Беатрис отведет меня сегодня.

— Ну ладно. Только учти: тебе придется меня подождать. Я серьезно.

Она то появлялась, то исчезала, а я шла за ней по заросшей тропинке, если тут, конечно, вообще когда-нибудь была тропинка. Мы уходили все глубже и глубже в лес, но еще не добрались до веревки, обозначающей границу. И все же с каждым шагом рычание псов слышалось все отчетливее.

— Беатрис! — крикнула я, когда опять ее потеряла и становилась отдышаться, но она тут же появилась в шаге от меня. Сердце ушло в пятки. Я прижала руку к груди и сделала несколько глубоких вдохов. — Ну все, сестра. Что ты пытаешься мне показать?

Она указала куда-то пальцем. Я посмотрела в ту сторону и поняла, что стою на каких-то досках. Присела и разгребла листья и грязь. Без фонарика трудно было сказать наверняка, но под досками вполне мог оказаться колодец.

— Что там, солнышко?

Нервно заламывая руки, монахиня посмотрела на свои туфли.

— Внизу ты? — спросила я. Может быть, священник ее убил, а потом сбросил тело в колодец.

Не глядя на меня, Беатрис покачала головой. И тут до меня дошло.

— Там он, да? — Я села на пятки. — Там священник?

Сгорая от стыда, она закрыла глаза. Должна признать, такого я не ожидала. Неужели она его убила? Или, может быть, он на нее напал, а она просто защищалась? На самом деле могло произойти что угодно.

— Расскажешь мне, что случилось?

Она шагнула ближе и протянула руку. Я сжала ее ладонь, еще не зная, что она задумала, но вдруг монахиня кивнула и закрыла глаза. Она давала мне разрешение покопаться в ее воспоминаниях.

Одним рывком меня перенесло в безлунную ночь. Шел холодный дождь. Я видела все глазами Беатрис. Сжимаясь от страха, она куда-то бежала. Куда-то вверх, так быстро, как только могла, то и дело поскальзываясь в грязи. Вдруг кто-то схватил ее за руку. Значит, она

была не одна. Вместе с ней бежала еще одна юная послушница, которую Беатрис любила всем сердцем и душой. Из-за дождя было трудно что-то рассмотреть, но вторая монахиня оказалась очень похожей на Беатрис и тоже ужасно чего-то боялась.

От страха меня буквально парализовало. Сердце Беатрис стучало так сильно, что было больно. Он хотел ее убить. Хотел убить их обеих. Он не знал, кто из них написал епископу жалобу с обвинениями в приставании. Он сказал, что был пьян. Что не помнит ничего такого и тем более не помнит, с какой из девушек это произошло. Но он не собирался терять карьеру и ставить крест на собственной жизни из-за какой-то там шлюхи. А поскольку не знал, о какой из послушниц речь, собирался убить их обеих. Они видели это по его глазам, когда он попросил их помочь во дворе. Но они пошли с ним, думая, что, раз они вместе, им нечего бояться. И ошиблись.

Он ударил подругу Беатрис молотком по виску, и они обе бросились в самую гущу ночи. Держась за руки, они нашли, где могли спрятаться, но он не планировал так просто сдаваться и продолжал их искать. Казалось, прошло несколько долгих часов, и все-таки он их нашел.

Велев Беатрис жестами бежать, вторая послушница бросилась на священника. Но Беатрис не могла убежать, не могла бросить подругу в беде и напала на мужчину, который уже душил подругу, сзади. Била его кулаками по голове, пыталась выцарапать глаза, но он ударил ее локтем в лицо. От удара она упала прямо на дерево и на несколько драгоценных секунд потеряла сознание. А когда пришла в себя, подруга неподвижно лежала на земле с посиневшим лицом.

Священник сильнее сжал пальцы и тряхнул послушницу, изо всех сил выдавливая из нее последние капли жизни, а потом двинулся к Беатрис. Но той уже было все равно. Огромными глазами она смотрела на подругу и не могла осознать, что ее больше нет. Внезапно снова ощутив интерес к Беатрис, священник приближался медленно. Он сделает с ней то, что хотел, перед тем как убить. Или после. Так или иначе, он победит.

Все в Беатрис зашлось криком в знак протеста. Она вытащила нож, который взяла в кухне в ту ужасную ночь и теперь повсюду носила с собой, чтобы иметь хоть какую-то защиту. Она хотела всадить этот нож в священника, но вдруг передумала, решив сделать целью его часть. Ребенка, которого он оставил внутри нее. Священник остановился и во все глаза смотрел, как Беатрис, взяв нож обеими руками, всадила его себе в живот.

Несколько секунд священник удивленно моргал, а потом пожал плечами. Она все сделала сама. Когда от невыносимой боли она упала на колени, он подошел ко второй девушке и потащил выше по горе. Беатрис беспомощно смотрела, как мужчина открывает деревянную крышку и сбрасывает подругу в колодец. Он повернулся, чтобы спуститься к Беатрис, но от дождя земля стала мокрой и скользкой. Священник поскользнулся и все же сумел удержать равновесие. А потом поскользнулся снова и упал прямо в колодец.

Сначала он тихо стонал, но скоро стал кричать, звать Беатрис на помощь. Истекая кровью, она поползла по горе и плотно закрыла колодец крышкой. Крики стихли, но все еще были слышны. Целый час Беатрис таскала ветки, грязь и траву, чтобы скрыть деревянные доски. Чтобы никто не услышал ни единого звука.

Наконец крики превратились в еле слышный шепот на ветру. Утопая в скорби, Беатрис уходила глубже в лес, пока над горизонтом не поднялось яркое солнце, искупавшее ее своим светом. Она мечтала, чтобы это был сам Господь. Мечтала, что он простит ее, так же ласково, как и солнце, коснется ее лица и пригласит в свою обитель. С последним вдохом

она думала только о своей сестре-близняшке. О девочке, которая лежала на дне колодца со своим убийцей.

Сердце сжалось в последний раз, и Беатрис поняла, что ей больше не холодно.

Пытаясь отдышаться, я отдернула руку и изо всех сил постаралась не разреветься, но проиграла эту битву. Стоило мне еще раз взглянуть на монахиню, по щекам потоками потекли слезы.

— Мне очень жаль, Беатрис.

Она покачала головой, показала на себя и жестами сказала:

— Мо.

— Мо? В колодце Беатрис?

Мо кивнула.

— Ты глухая?

Она снова покачала головой и прижала ко рту маленький кулак.

— Значит, немая. А твоя сестра?

Жесты Мо были какими-то устаревшими и не совсем походили на амслен^[10]. Скорее это был какой-то беспорядочный набор жестов и слов на амслене, которому ее научили дома. Я все-таки поняла, что сестра Мо могла говорить, но той ночью специально молчала, чтобы священник не понял, кого из них изнасиловал, от кого ждать беды. Она пожертвовала жизнью ради сестры, которая почти с самого рождения была немой. Священник был в курсе и верил, что из-за немоты бедная девушка не сможет никому ничего рассказать. Что ж, здесь он серьезно просчитался.

— Мо, мне очень, очень жаль.

Она тоже плакала. Эмоции, которые я сейчас ощущала, исходили прямо от нее. В ту ночь ей разбили сердце. Украли жизнь и надежду на счастье. Но страшнее всего было потерять любимую сестру.

Мо опять что-то показала, но пришлось повторить три раза, пока я не поняла, о чем она спрашивает. Я чувствовала себя круглой душой от того, что ей пришлось столько раз повторять вопрос. Она хотела знать, ненавидит ли ее Бог за то, что она переспала с мужчиной. За то, что сестра погибла из-за нее. За то, что Мо наложила на себя руки, прервав жизнь, данную ей свыше.

— Сможет ли он меня простить, — спросила она, — если я совершу хороший поступок?

— Ох, милая, — вздохнула я, тяжело поднимаясь на ноги, и крепко обняла Мо, — он тебя не ненавидит. Это я тебе от чистого сердца говорю. И ты уже совершила хороший поступок. Ты пыталась спасти сестру. — Я взяла ее за плечи. — Если хочешь, можешь через меня пере...

Договорить не удалось. Послышался какой-то треск, громкий и резкий, как будто сломалось дерево. Интересно, я спятила, или все-таки...

Ну да, точно. Под моим весом деревянная крышка старого колодца треснула. Широко распахнув глаза, я уставилась на Мо, а она — на меня. Секунду спустя я полетела вниз.

Бог дает нам только те испытания, которые мы можем преодолеть.

Видимо, в глазах Бога я крутая до мозга костей.

Наклейка на бампер

Ровненько, конечно, дерево сломаться не могло. Падая, я расцарапала спину и руки, но успела схватиться за доску и повисла, болтая ногами. Острый обломок пропахал мне кожу от уха через весь лоб. Но поняла я это, только когда кровь залила глаза.

Мо пыталась меня вытащить, но все без толку. Я слишком много весила. И все из-за Пип, которая прибавляла к моему весу килограммов сорок. Ребра почему-то горели, и было тяжело дышать, но мне все-таки удалось набрать в легкие воздух, чтобы позвать на помощь мужа, как вдруг доска, за которую я держалась, как за спасательный круг, раскололась пополам.

Падала я дольше, чем ожидала. И, пока летела в темную бездну, молилась, чтобы на дне оказалась вода. Однако молитвы остались без ответа. От сильного удара ноги подкосились, и бедренные кости в суставах закрипели из-за внезапной остановки. Из легких вышибло воздух. Чтобы сделать вдох, я подняла руки над головой, и в боку стрельнуло. Видимо, сломалось ребро. А может, и не одно.

Земля внизу оказалась неровной, и где-то на задворках сознания зазудела мысль, что я сижу на останках как минимум двух человек. Прислонившись спиной к стенке, я стала думать. Колодцы в этой области такими широкими не делают. В них может упасть разве что ребенок или небольшое животное. Но этот выкопали на совесть, хоть колесом ходи. Повезло мне. Я вполне могла оказаться в канализации. А Пип вполне могла умереть.

Рядом появилась Мо. Вопрос: почему не Рейес? Он же любит появляться, когда мне грозит смертельная опасность. Так где его черти носят?!

Места на дне хватало, чтобы Мо спокойно стояла рядом со мной. Правда, будь она жива, все было бы не так просто. В призрачном же виде она стояла буквально наполовину внутри стенки колодца.

Осмотревшись, я увидела только круглую верхушку, напомнившую мне об одном ужастике, и, собственно, Мо, которую я видела бы и со светом, и без. Вот только сам свет заканчивался где-то на полпути ко дну.

Надо мной из стенок торчали корни деревьев. Наверное, именно этим отчасти и объяснялось, почему болели руки и спина. Честное слово, я понятия не имела, на костях сижу или на корнях. Как бы то ни было, надолго тут застрять не хотелось ни капельки.

— Рейес, — слабо промямлила я, потому что кричать уже не могла.

— Я приведу помощь, — показала Мо, но исчезнуть не успела.

Изволил прийти Рейес в нематериальной форме и вместе с черным клубящимся плащом занял все оставшееся в колодце пространство. С широко распахнутыми глазами Мо вжалась в стену.

— Все в порядке, солнце, — выдавила я сквозь стиснутые зубы. — Он со мной.

Нематериальный Рейес испарился, и я слышала, как кто-то бежит к колодцу и резко останавливается. Сверху посыпалась грязь.

— Датч! — гаркнул над головой Рейес. — Какого черта?!

Придумать остроумный ответ от боли не было сил. Водой в колодце и не пахло, но я почему-то была мокрая. Даже очень. Глаза униженно закрылись. У меня отошли воды... Хуже не придумаешь.

Сверху послышался шепот Рейеса, отдавшийся от стен эхом:

— Ошекиэль.

Скоро придет Ош. И, наверное, приведет Гаррета, если тот все еще у нас. Значит, мне ничего не угрожает. Я в безопасности. Подумав об этом, я решила немножко вздремнуть. Набраться сил. Разложить мысли по полочкам.

Рейес на меня кричал, но я уже падала в мягкую тьму, где было не так больно.

Наверху ругались. До меня то и дело доходили голоса. Ош. Гаррет. Дядя Боб. Бедняга Диби! С ним спорили сразу и Куки, и Рейес. Несмотря на риск, дядя Боб хотел переправить меня вертолетом в Альбукерке. Потому что не понимал всю серьезность последствий. Может быть, не сразу, но адские псы меня точно найдут.

Правда, сейчас мне было наплевать. Если это спасет Пип, мы обязаны рискнуть. Я попыталась сказать об этом Рейесу, но меня никто не слушал.

— Чарли! — услышала я истерический крик Куки вперемижку с рыданиями, и мне стало ужасно стыдно, что я устроила такой переполох.

— Все в порядке, — ответила я и взглянула на Мо.

— Что я могу сделать? — спросила она.

Если, конечно, я все правильно поняла. Вполне возможно, она сказала, что мне пора покрасить волосы. Почему бы и нет? Моложе я не становлюсь. Семейкой вот обзавелась. И ребенком. Ну, почти. Может быть, пора уже выглядеть повзрослее. Покрасить волосы. Сделать маникюр. Записаться на аквааэробику.

— Какого хрена на тебя нашло? — спросил сверху Ош и улыбнулся.

На самом деле колодец был не таким глубоким, как мне показалось при падении, но вытащить меня все равно было непросто.

И тут опять накатило. Живот будто сковало кольцом, и боль метнулась по позвоночнику. Дерьмо на палочке! Да я же рожаю!

— Народ... — начала я, глядя на головы, торчащие вокруг верхушки. Было бы смешно, если бы... Да кого я обманываю? Это и правда было смешно. — У меня воды отошли. То есть я тут уже всю рожаю, так что, может быть, поторопимся? И я сломала ребро. Или парочку. А еще, кажется, с тазобедренными суставами беда. И нога ниже колена болит.

— По-моему, — заговорил Ош, — раз ты сама вляпалась в неприятности, сама и выбраться сумеешь.

Куки отвесила ему подзатыльник.

— Да шучу я, шучу!

— Что за девушка рядом с тобой? — спросил Квентин, хотя я с трудом разобрала его жесты.

Попыталась ответить, но не вышло.

— Эмбер, скажи Квентину, что это Мо. Она немая, пользуется домашним набором

жестов. Мне нужен сурдопереводчик.

Пока Эмбер передавала мои слова Квентину, я услышала, как скульпт наверху Артемиды, и удивилась, что она не пришла ко мне вниз. Тем временем Квентин кивнул, а я глянула на Мо:

— Здесь по соседству есть кто-нибудь, у кого найдется веревка?

— Да, — ответила она и несколько раз показала куда-то в сторону.

Я прожила здесь столько времени, а с соседями так и не познакомилась. Правда в том, что, даже рискнув пойти по окрестностям, мы бы не стали ни с кем общаться, потому что не хотели, чтобы новые соседи расспрашивали, почему мы здесь живем. И поэтому я понятия не имела, что находится за пределами святой земли.

— Квентин, пойдешь за Мо к соседям? Нам нужна веревка и кипяченая вода.

— А кипяченая вода зачем?

— Не знаю. Но почему-то во всех книжках при описании родов требуют кипяченую воду.

— Вода не нужна, — сказал Квентину Рейес. — А без веревки или каната не обойтись. Еще лучше — найти альпинистское снаряжение, но это уже за гранью фантастики.

Квентин кивнул, и стоявшая рядом со мной Мо исчезла, чтобы отвести его к ближайшим соседям. Оставалось только надеяться, что они найдут хоть что-то из озвученного списка.

— Ты можешь меня вытащить? — спросила я у Рейеса, шутя лишь наполовину.

Он даже не улыбнулся.

— Ты как?

— Порядок. Правда, не отказалась бы от ибупрофена или даже морфия.

— Я уже позвонил Кэтрин, — кивнул он.

— Повитухе-Кэтрин. Называй ее полным именем.

— Она уже едет, — так и не улыбнулся Рейес. Эх, теряю хватку! — Но дорога займет почти час.

— Не вопрос, подожду. — И в этот самый момент меня скрутило в очередной схватке. Учитывая ситуацию с ребрами, дышать было почти невозможно. Наобум я схватилась за ближайший корень (надеюсь, что это все-таки был корень) и крепко сжала.

— Спустите меня вниз, — послышался чей-то голос. — Я работала медсестрой в педиатрии и не раз помогала при родах. Ее нужно осмотреть.

Ни за что! Неужели меня и правда запрут в замкнутом пространстве с Дениз?!

— Не выдержит, — сказал Рейес.

— Тебя нет, а меня — да. Жизнь ребенка в опасности.

— Если не выдержит и ты упадешь на нее...

— Не упаду. Меньше меня здесь только Эмбер, а я очень сомневаюсь, что она знает, что делать.

Кажется, я опять провалилась во тьму, думая, глубоко ли под землей кости. Должен же кто-то узнать, что они здесь...

Я подняла голову, чтобы сказать об этом собравшимся, но вдруг поняла, что смотрю на чью-то задницу. Которую узнала бы среди тысяч других. Это была задница Дениз, спускавшейся на связанных простынях. Вот блин! Она точно упадет прямо на меня! Сверху опять посыпалась земля, и я закрыла глаза. Кажется, опять ласково подступила тьма, но боль снова выдержнула меня в реальность.

— Ненавижу роды! — заорала я, но получился не крик, а еле слышный шепот.

— Попей, — сказала Дениз, прижав к моему рту горлышко бутылки. Она притащила сюда чемоданчик Повитухи-Кэтрин. — Я уже позвонила Джемме, солнышко. Она едет. Ты, главное, держись.

Я отпихнула бутылку.

— В тебя какой-то демон вселился? Поэтому ты вдруг стала вести себя со мной по-добренькому?

Дениз рассмеялась. По-настоящему. Посмеялась над тем, что я сказала. Ну, блин, точно, она одержима. Каким-нибудь особо ловким приспешником Сатаны.

Мачеха снова прижала к моим губам бутылку.

— Маленький плоточек. Как только начнешь тужиться, уже ни пить, ни есть тебе будет нельзя. Я должна посмотреть, как у нас дела, но тут слишком мало места.

— Все было хорошо, пока не появилась ты.

— Можешь встать на колени?

Ну вот, теперь ей чудо подавай.

— У меня что-то с костями в тазобедренных суставах. Может, сместились...

— Если бы так, ты бы выла от боли. Но связки вполне могли порваться или растянуться, так что осторожнее.

Мачеха медленно присела и за колено потихоньку сдвинула мою ногу. Было больно, но терпимо. Со второй ногой она сделала то же самое.

— Если я возьму тебя за руки и потяну, сможешь упереться мне в плечи? Тогда ты присядешь на коленях, и рожать будет легче.

— Рожать? — взвизгнула я. — Ни за какие коврижки!

— Милая, у нас может не быть выбора. А значит, мы должны быть готовы ко всему.

— Как бойскауты...

— Как бойскауты.

— О'кей, постараюсь.

— Для начала снимем с тебя штаны.

— Ну уж нет, — заартачилась я. — У нас тут зрителей полно.

— И не меньше простыней, — улыбнулась Дениз.

С ее помощью я все-таки встала на колени, и мы сняли с меня штаны

— А не могут меня поднять на этих простынях?

— Нет, слишком рискованно. Вдруг ты снова упадешь?

— Ты могла упасть на меня. Это, значит, не было рискованно?

— Риск риску рознь, Чарли. Спустить меня к вам с ребенком было менее рискованно, чем оставить тебя здесь одну. Но поднимать тебя на простынях, когда ты в любой момент можешь снова упасть, просто-напросто неоправданный риск. А это еще что такое? — вдруг спросила мачеха, показав куда-то влево.

Класс. Я сидела на черепе.

— Так вот в чем дело! Крышка моему копчику.

— Это же...

— Череп, да. Надо всем рассказать. Тут два трупа.

Даже в темноте Дениз заметно побледнела. И это было круто!

— В обморок не грохнешься? — спросила я.

— Нет, все в порядке. Надо подстелить под тебя простыню. Потом проверю, как у тебя

дела.

Пришлось покреативить, но в конце концов простыня оказалось подо мной, а Дениз надела перчатки из чемоданчика Повитухи-Кэтрин.

— Можешь чуть-чуть выпрямиться?

Схватившись за торчащий корень, я, как могла, выпрямилась. Ослепительная боль не заставила себя ждать. Болело все тело, но Дениз как-то исхитрилась просунуть мне руку между ног.

— Итак, у тебя раскрытие — семь сантиметров.

— Уже надо тужиться? Не хочу тужиться раньше времени. Мне тут такого понарасказывали...

Даже здесь меня приятно обволакивало жаром Рейеса.

— Сколько она пробыла без сознания? — спросила Дениз у Куки.

— Около часа.

— Сколько?! — обалдела я. — А как будто несколько минут прошло.

Я снова уперлась руками в дно колодца и уткнулась лбом в колени Дениз. Схватка кольцом боли сковала живот, словно я бутылка кетчупа, которая дышит сквозь крепко стиснутые зубы. Сами по себе руки сжали простыню в кулаки, пока боль не начала отступать.

— Чарли, — сказала сверху Куки, — поверить не могу, что это происходит на самом деле.

— Ага, я тоже.

— А помнишь, как мы с тобой ходили в кино, и там какая-то женщина начала рожать, но не хотела уходить, чтобы не пропустить конец фильма? А потом бабах — и было уже поздно?

— Помню, конечно. Дикость чистой воды. Да и фильм закончился отстойно.

— И не говори!

— Не хочешь поделиться, что ты вообще здесь забыла? — поинтересовался Рейес.

— За тобой следила.

— Зачем?

— Ты втихаря сбежал и...

Казалось, от боли меня вот-вот разорвет пополам. В голове билась только одна мысль: почему, бога ради, женщины занимаются этим тысячи лет? Это же варварство какое-то! Пытка! Никогда в жизни, пока буду жива, не захочу проходить через это снова. Так что у Пип нет выбора. Она просто обязана быть суперской.

— И что? — спросил Рейес.

Само собой, я понимала, что все они делают. Пытаются отвлечь меня от боли и вообще от сложившейся ситуации.

— И опять встретился с Ангелом.

— А вот меня впутывать не надо, — заявил мой главный детектив.

— Ангел! — радостно выдохнула я, потому что на самом деле была рада его видеть. Точнее слышать, раз уж утыкалась физиономией в ширинку Дениз. — Зачем ты встречался с Рейесом?

— Не скажу. Он пострашнее тебя будет.

Я чуточку приподнялась, только чтобы наградить его злым взглядом.

— Ты явно плохо меня знаешь.

— Я б к тебе спустился, но с деторождением завязал давным-давно.

— Трусливая какашка!

— И горжусь этим.

— Я бы все тебе выложил, — сказал Рейес. — У тебя ведь в заложниках мои трусы. Выбора бы не было.

— Значит, сейчас ты без трусов?

— У тебя высокое давление, — подала голос Дениз, проверив меня одной из тех штук, что надеваются на запястье и дико меня зачаровывают, и посмотрела вверх: — Нужна веревка.

— Нашли! — крикнула в ответ Эмбер. — Правда, хозяин веревки не хотел отдавать ее просто так. Не верил, что у нас в яме беременная женщина, поэтому пришел с нами. Чтобы помочь.

— Ну, привет! — крикнул мне сверху какой-то мужчина. Судя по акценту, индеец. — Кажется, нам тут помощь профессионалов не помешает.

— Ага, здрасьте, — поздоровалась я. — Дико извиняюсь, что я тут без штанов и все такое.

— Если твой муж не возражает, я тем более.

На этот раз меня попыталась разорвать пополам схватка помощнее, чем все ее предшественницы. Не выдержав, я простонала сквозь зубы и попыталась дышать размеренно, но не помогало.

— Нужна веревка! — повторила Дениз.

— Готовлю, — отозвался Рейес.

— Нашел доску! — крикнул подбежавший Ош и положил поверх колодца здоровенную доску.

— Ну и зачем? — еле выдавила я. — Сломается, как и крышка.

— Не сломается. Эта с твоего кухонного стола.

— Тогда, может, и выдержит. — Меня скрутило в три погибели. Я так сильно сжала кулаки, что проткнула ногтями кожу на ладонях, и сказала Дениз: — Давит сильно. Ужасно хочется тужиться.

— Ладно, солнышко. — Придержав за плечи, она опять засунула руку мне между ног. — Ты уже готова. Если хочешь тужиться, вперед.

— Но нас ведь могут вытащить...

Мачеха покачала головой:

— Поздно. Придется сделать это здесь.

— Я не хочу, чтобы мой ребенок родился в колодце, — процедила я, гневно глядя на Дениз.

— Понимаю, — отозвалась та, и в этот самый момент я начала тужиться изо всех сил. Потому что не могла иначе.

Дениз рассказывала, что нужно делать. Тужиться, считая от одного до десяти, потом отдыхать. Опять тужиться под счет до десяти, снова отдыхать. В какой-то момент я вспомнила, что она не занималась этим много лет. Все могло измениться. Может быть, дети сейчас рождаются по-другому. Может быть, десять — уже не магическое число. Только спорить с Дениз я не могла. Хотя бы потому, что вообще с трудом говорила.

На очередной схватке она растирала мне спину, пока я снова не смогла нормально дышать. Опять послушав сердцебиение Пип, Дениз заорала:

— Мне нужна веревка!!!

Потом прижала меня спиной к стенке колодца, обхватила ладонями мой живот и надавила вверх.

От боли я закричала и попыталась оттолкнуть мачеху. Она что-то сказала, но я не поняла. А потом получила третью в жизни пощечину. Внутри вспыхнула ярость. Под нами дрогнула земля, сверху посыпалась грязь, но Дениз и бровью не повела.

— Слушай меня! — кричала она, едва не касаясь моего носа своим. — Пип в беде. Будешь тужиться — она задохнется.

От тревоги я мигом поостыла.

— На несколько секунд ее сердце перестало биться. Может быть, пуповина обвилась вокруг шеи. Тебе нужно кесарево.

— Отсюда нельзя уходить, — еле проговорила я, и из самой моей сущности вырвались мучительные рыдания. — Иначе она окажется в опасности.

— Чарли, она уже в опасности. Ничего не понимаю. В чем дело?!

— На нее... — начала я, но не договорила, потому что рыдала вовсю от бешеного страха. — На нее охотятся. Страшные... жуткие... сверхъестественные существа. С острыми как бритва клыками и когтями размером с Питтсбург. Шагнем за пределы этой земли — ее убьют.

С отвисшей челюстью Дениз уставилась на меня, как на ребенка с очередными выдумками. По глазам было видно, что она по привычке собиралась меня отчитать, но вдруг до нее стало доходить.

— Чарли... Ты серьезно?

— Поверь мне, сама бы хотела пошутить.

Несколько долгих минут мачеха растерянно сидела, не зная, что делать. Опять пришла схватка. Дениз давала подсказки и прижимала живот, не позволяя пуповине задушить мою дочь. Больно было ужасно, но я испытывала только благодарность, пытаюсь тем временем отдышаться и лечь поудобнее, хотя не получалось ни то, ни другое.

И вдруг Дениз будто осенило. Она кивнула, выпрямилась и деловито велела:

— Обопрись о стену.

Я села на пятки и развела согнутые ноги как можно шире, учитывая, что места тут было с гулькинос.

Присев на корточки, Дениз наклонилась и просунула локти мне под колени.

— Я перетяну пуповину через головку. Но для этого придется подтолкнуть Пип обратно. Будет больно, Чарли.

— И не такое переживали, — выдохнула я, готовая на все, лишь бы спасти дочь.

Рядом появился Рейес в нематериальном виде. Его присутствие казалось обжигающим, но таким знакомым, таким родным, что я была рада. Пока он не встал у меня за спиной и не прижал к шершавой стенке колодца, чтобы Дениз смогла сделать свое дело. Через секунду ее рука оказалась внутри, разрывая меня пополам.

Я закричала. Крик вышел долгий, громкий и из самой души. Рейес прижимал мои плечи к стенке. Я вцепилась ногтями в его руки, но правда в том, что только он не давал мне все испортить, пока мачеха подталкивала Пип назад и искала пуповину. Простыня покрылась кровью. Мои ноги, футболка и все вокруг меня и на мне — тоже.

С очередным приступом боли я слышала голос Дениз:

— Кажется, получилось. Шейка свободна. — Она снова послушала сердцебиение Пип.

Рейес по-прежнему прижимал меня к стенке. Боль стала невыносимой опять, и я обеими руками схватила его за волосы.

Дениз выдохнула с облегчением:

— С ней все в порядке, Чарли. Мы справимся.

Наверху с Ошем и Гарретом ругался индеец. Он хотел вызвать скорую, а они твердили, что уже вызвали. Врали, конечно, но им же нужно было как-то уговорить энтузиаста.

— Будут разрывы, — предупредила мачеха, — но, пока мы здесь, я ничем помочь не смогу.

— Ничего, — сказала я, покрываясь потом с ног до головы. — Опять начинается.

- У тебя все получится, солнышко.

Я кивнула и изо всех сил стала тужиться на схватке. Головка Пип уже шла, и в который раз мне показалось, что я вот-вот разорвусь пополам.

— Все... Все! Хватит тужиться! — велела Дениз и подхватила одну из простыней, чтобы вытереть головку Пип, а потом достала какую-то резиновую на вид штуку из чемоданчика.

Я не видела, что делает мачеха, зато услышала тихий и явно недовольный плач, и опустила голову на плечо Рейесу. Вот только Пип еще была наполовину во мне, и мне очень-очень хотелось тужиться. Из всех сил я боролась с этим порывом.

— Сейчас достану одно плечико, потом второе. Не тужься.

— Чего?

Не успев ничего понять, я пережила еще одну волну боли, и Пип каким-то чудом оказалась снаружи. Судя по крику, ее это ни капельки не радовало.

— Рейес... — приглушенно проговорила я, потому что обеими руками прикрыла рот и не могла оторвать глаз от дочери.

— Она чудо, — шепнул он мне на ухо.

Хорошо, что он все еще меня держал, потому что сильно сомневаюсь, что сидела бы вертикально без его поддержки.

Дениз усиленно обтирала нашу дочь. А мне, наверное, наконец выпал шанс подумать о сломанном ребре, боли в бедрах и крови, которая до сих пор текла со лба.

Я улыбнулась мужу:

— Прикольный выдался день, скажи?

Он покачал головой.

— Так веревка еще нужна, или как? — спросил Ош.

— Нужна, — ответила Дениз. — Через пару минут.

Потом перерезала пуповину, прицепила что-то вроде прищепки на Пип, завернула в самую чистую простыню и вручила сверточек мне.

Передо мной оказалось круглое личико в пятнах слизи, но самое прекрасное, что мне доводилось видеть за всю жизнь. Темные реснички, полные губки, упрямый подбородок... Я увидела воплощение Рейеса, и мое сердце раздулось от гордости.

— Она идеальная, — прошептала я.

— Так и есть. Но нам надо как можно скорее вытащить вас отсюда.

— Повитуха-Кэтрин приехала, — сообщила Эмбер. — Можно мне ее подержать?

— У Кэтрин и спроси, солнце.

Эмбер рассмеялась:

— Я про Пип.

— Конечно, можно, как только нас отсюда вытащат.
— Мы еще не закончили, — заявила Дениз.
— В смысле?
— Надо достать из тебя остальное.
— Какое еще остальное?
Блин, не надо было спрашивать.

Первой подняли Дениз в обнимку с Пип. Потом ко мне спустили Рейеса. Он взял меня на руки, и нас стали поднимать вверх с помощью какой-то блочно-веревочной системы, которую на скорую руку сообразил Гаррет. На полпути я отключилась. Сил не осталось. Болело все с ног до головы. Но пока с Пип все путем, со мной тоже. Я знала, что о ней позаботятся. Семья у нее просто огромная.

Через несколько часов я проснулась в постели рядом с Рейесом. Между нами лежал крошечный сверток. Тускло горела одна-единственная лампочка, а в углу на стуле храпела Повитуха-Кэтрин. Который час, меня не интересовало, зато хотелось знать, сколько я продрыхла. Сколько пропустила часов из жизни Пип.

Ее одели в костюмчик, который купила Куки. Когда я его увидела, он показался мне слишком маленьким. Дети ведь не бывают такими крошечными. А теперь на Пип он выглядел даже великоватым. Сама Пип казалась какой-то нереальной. Как куколка с густыми ресничками, маленьким носиком и треугольничком волосиков на лбу. Невозможно красивая, как ангелочек, и по-настоящему завораживающая.

Перевернувшись на бок, я расправила одеялко, в которое завернули Пип, и в ответ на мое прикосновение растопырились крошечные пальчики. Я ошеломленно уставилась на ногти — маленькие точные копии ногтей Рейеса — и пересчитала. Ровно десять. То, что доктор прописал. Я не могла оторвать от дочери взгляд. Не могла насмотреться на маленького человечка, которого мы так долго ждали. В глазах зацепало от слез, а я усиленно старалась не замечать, что чувствую себя так, будто меня переехал поезд. Поезда меня и раньше переезжали, а вот саднящая боль между ног была чем-то новым и непривычным. Одна беда: природа не просто звала, а кричала и требовала внимания, как бывалый псих.

Игнорировать мочевой пузырь и дальше было уже невозможно. Я поцеловала Пип в макушку, в щечку, в ручку, потом скатилась с кровати и посмотрела на мужа. Вдруг он наконец уснул? Рейес лежал на боку, подсунув под голову руку. В тусклом свете отчетливо виднелись темные тени вокруг мышц. Длинные ресницы веером лежали на щеках, прямо как у Пип. Я постояла еще немного, любуясь двумя самыми дорогими сердцу людьми на земле, как вдруг услышала тихий голос Дениз:

— Она замечательная.

Я повернулась и на втором стуле, который явно приволокли сюда специально, увидела мачеху.

— Это точно. И такая крошечная! Как будто ненастоящая. Как розовый цветочек на синих волнах.

— Дети всегда оказываются меньше, чем ожидаешь.

Общих детей у Дениз с папой не было, и я не раз задумывалась почему. Впрочем, интересовало меня это недостаточно сильно, чтобы спросить напрямик.

— Сколько я спала?

— Со вчерашнего утра. Часов восемнадцать.

— Восемнадцать?! — Я заозиралась в поисках часов. — Пип воевала с миром без меня целых восемнадцать часов?!

— Мне сказали, что ты в стазисе, или как-то так. Что тебе нужно отдохнуть и исцелиться.

— Ну да, только на этот раз, похоже, не сработало.

Я попробовала потянуться, но было слишком больно.

— Хочешь ее поддержать? — спросила Дениз, встала и шагнула ко мне. — Мы еле-еле оторвали ее от твоего мужа, чтобы Кэтрин могла провести осмотр. На всякий случай завтра приедет педиатр.

— Хорошо. Я только в туалет смотаюсь, а потом приклеюсь к ней на веки вечные.

Взяв сотовый, я со скоростью улитки, которой девяносто с лишним лет, двинулась в ванную. Никогда в жизни мне не было так больно. Сильнее всего болели бедра. Потом Вирджиния. Бедняжка! Она больше никогда не будет прежней. Еще болели ребра и... В общем, долго перечислять. Чистить зубы и умываться тоже было больно. Сбоку на голове был здоровенный порез, под глазом — синяк.

Сидя на унитазе, я проверила сообщения. Многозадачность, знаете ли, всегда была моей отличительной чертой. К тому же писала я целую вечность, так что времени с головой хватило. Одна эсэмэска была от мистера Аланиса, моего частного детектива. Он спрашивал, есть ли дома успехи. То бишь поговорила ли я с Рейесом. А поговорить придется. Тем более времени Лоэры дали только до завтра. Может быть, теперь, когда у нас есть Пип, муж поймет, почему я так поступила. Но все равно предстоящий разговор наводил на меня ужас.

Вернувшись, я застала Рейеса по пояс голым с Пип на руках и затаила дыхание. Тот, у кого хватит сил сотрясти землю, держал на руках хрупкого, как фарфор, ребенка. И это было потрясающе, восхитительно, прелестно и даже сексуально.

Я подошла ближе. Глядя на меня сверху вниз, Рейес улыбнулся. В каждом его движении так и сквозила гордость.

— Ты хоть немного поспал? — спросила я, коснувшись его руки.

— Конечно, — не краснея соврал муж, и я на пару секунд застыла, глядя на сонные глаза и небритое лицо.

— Оставлю вас наедине, — еле слышно в громогласном храпе Повитухи-Кэтрин сказала Дениз, а потом повернулась ко мне. — У тебя замечательные друзья.

Рейес передал мне дочь, и я подошла к мачехе, не зная, как выразить всю свою бесконечную благодарность.

— Ты спасла ей жизнь. Не знаю, что бы я делала, не окажись ты сегодня здесь.

— Вчера.

— Вчера, — исправилась я.

Она опустила голову.

— Я рада, что смогла помочь.

С этими словами Дениз вышла из комнаты.

— А тебе я должна кое-что показать, — сказала я, глядя на комочек совершенства в

моих руках, и спросила у Рейеса, уже выходя с Пип в коридор: — Идешь?

Вместе мы вышли на улицу и улеглись на двух шезлонгах поглазеть на звезды. Я рассказывала Пип о созвездиях. Показывала их в небе и проговаривала названия, причем Рейесу то и дело приходилось меня поправлять. Ясное дело, я не обращала на него внимания.

— А вот ту звездочку видишь? — Я глянула на Пип, которая мирно спала. — Ее я хочу подарить тебе. И вообще, все они твои. Но эту во всем мире должны знать под названием Пип.

— Уверен, название у нее уже есть.

Я повернулась к мужу, который лежал совсем рядом. Футболку он так и не надел, но холодная ночь, похоже, ни капельки его не волновала.

— К тому же это не звезда, а планета, — продолжал Рейес, и уголок его рта чуточку приподнялся.

— Слышала? — Я опять уставилась на дочь. — Папочка только что оскорбил твою звезду. А еще он в скотче, представляешь? Между прочим, скотч уже вышел из моды.

— Венера, — тем же тоном добавил Рейес.

— Пип, — упрямо выгнув бровь, возразила я.

— Пусть будет Пип, — тихо рассмеялся он. — Кстати, я узнал кое-что интересное о нашей дочери.

— Кое-что? Одно?

Рейес широко улыбнулся:

— Это интересно в другом смысле.

Меня обуяло любопытство.

— Правда?

— Чуть больше трех с половиной килограммов. Точнее — семь фунтов тринадцать унций.

Я ахнула и с широко распахнутыми глазами воззрилась на Пип, одним только взглядом выражая все, что хотела сказать. И надо признать, на Бродвее мне бы аплодировали стоя.

— Значит, ты вешишь целых семь фунтов и тринадцать унций? Неудивительно, что Вирджинии так досталось. — И тут до меня дошло, что имел в виду Рейес. — Семь изначальных богов. Всего тринадцать.

Он пожал плечами:

— Подумал, это любопытный факт.

— Обалденно любопытный!

— Тебе надо попить и поесть. Хочешь чего-нибудь конкретного?

— Чувак, ты из простых яиц можешь сотворить изысканный ужин из трех блюд. Удиви меня.

— Вообще-то, я не говорил, что буду готовить, а предложил посидеть с дочерью, пока готовить будешь ты. Я тоже есть хочу.

Я рассмеялась.

— Ну ладно. Яйца так яйца. Еще осталась картошка в красном чили.

— От одной только мысли слюнки текут. — Вдруг я резко села и прошептала: — Кофе! — Слово скатилось с языка, как хрупкая снежинка. — Мне уже можно кофе!

Казалось, будто разверзлись небеса и мне улыбнулся сам Бог.

— То есть грудью кормить ты не будешь?

И небеса опять закрылись.

— Буду...

Покачив головой, Рейес ушел приготовить чего-нибудь поесть, а я, купаясь в пучине отчаяния, откинулась на спинку шезлонга и принялась усердно думать. Может быть, даже лучше, если Пип сразу начнет привыкать к кофеину. Так сказать, подсядет смолоду.

Рейес приготовил завтрак из яиц и подогрел картошку с чили. Причем притащил мне огромную тарелку. Пришлось отдать ему дочь.

Несколько драгоценных секунд я пришибленно смотрела, как он ее держит. Словно она из тонкого стекла. Казалось, он боится слишком сильно ее прижать. Удивительно, как одно крошечное существо сумело превратить созданного из чистой яростной силы мужчину в мягкое, податливое желе. Я, конечно, не лучше, но ведь это только начало. У нас в запасе все время мира!

*Однажды в моей жизни был печальный день
сплошного разочарования. Я узнала, что универсальный пульт
дистанционного управления вовсе не управляет универсумом.
Причем ни издалека, ни вблизи.*

Мем

Наевшись, мы пошли в дом, чтобы Пип, не дай бог, не простудилась. Через пару часов народ начал просыпаться, а я наконец дождалась звонка от Кит и агента Уотерса с новостями о возможном похитителе.

— По сообщениям выследили один из телефонов. Он все еще был включен и валялся в мусорном баке за пиццерией на проспекте Вайоминг. Нам удалось выяснить, где покупали сотовый, а в магазине оказалась запись с камеры видеонаблюдения. Мы его нашли, Чарли. Его зовут Колтон Элликс. Но есть одна проблема. — В голосе Кит отчетливо звучали нотки паники.

— Какая?

— Два дня назад он умер в автокатастрофе. Пытался сбежать от патрульных, которые поначалу даже не его ловили. Элликс решил, что машину послали за ним. Свернул на Рио-Гранде и в час пик мчался со скоростью почти сто шестьдесят километров в час. В итоге сбил на смерть пешехода и погиб сам.

У меня упало сердце.

— Кит, она все еще жива. Надо прочесать всю его собственность. Узнать, где он появлялся чаще всего. Перекопать его прошлое. Где он вырос? Есть ли у его родственников где-нибудь земля?

— Дорогая, мы все это уже проверили. Нет у него никакой недвижимости. Он снимал небольшой дом в Альгодонесе. Мы прочесали там каждый сантиметр, даже по соседям прошлись. Они утверждают, что не видели Элликса несколько дней.

— Где он познакомился с Фэрис?

— Он работал на моего брата, — подал голос агент Уотерс. — Помогал во дворе и присматривал за собаками, когда брат с семьей уезжали из города.

— Значит, у него бы доступ абсолютно ко всему.

— Вот именно.

— Ладно, ну а ваш брат? Есть у него какая-нибудь недвижимость, о которой мог знать Элликс?

— Есть участок в Рио-Ранчо. Они собирались построить новый дом, но сейчас там ничего нет. — Я молчала, и Уотерс добавил: — Сейчас же пошлю туда патрульных.

— А тем временем, — сказала я, обращаясь в основном к Кит, — я сделаю свое дело. Посмотрим, что удастся выяснить.

— И что конкретно вы будете делать? — уточнил Уотерс.

— То, для чего меня нанимают, — самым туманным образом ответила я. — И нам нужно все, что вы накопили на этого Колтона Элликса.

— Как скажете, — отозвалась Кит.

— Кстати, Пип уже здесь.

В трубке повисла долгая пауза. Я решила подождать. Дать Кит время осознать новости. Но ведь женщины рожают регулярно. Это практически последний писк моды. Странно, что Кит не сразу догадалась, о чем речь.

— Ну, передавайте от нас привет, — наконец сказала она.

— О'кей.

— Господи! — вдруг воскликнула Карсон. — Пип! Боже мой, Чарли, поздравляю! Вы уже в Альбукерке?

— Не-а. До сих пор торчим в монастыре.

— Там и рожали?! — явно обалдела она.

— Ага. В колодце. Долго рассказывать.

— Ну что ж, поздравляю вас обеих.

— Спасибо. Про документы не забудьте.

— Через час все будет у вас.

Как только Куки проснулась и уладила буйную копну на голове, я отправила ее копать все, что только можно, на нашего потенциального похитителя. Доказательств, что Фэрис у него, никто не нашел, но я знала один способ выяснить это наверняка.

Пришлось попросить Дениз сменить Пип подгузник и уложить поспать. Я собиралась, образно говоря, выйти на охоту, и меньше всего на свете мне было нужно, чтобы мачеха пугалась под ногами.

Пока Куки делала кофе, я зашла в офис, глубоко вздохнула, закрыла глаза и вызвала Колтона Элликса. Однако никто не появился. Или я теряю хватку, или он уже перешел. А если он действительно похищал при жизни девочек, я точно знаю, куда его отправили после смерти. Но беда в том, что мне нужно было во что бы то ни стало узнать, где сейчас Фэрис. Если верить Рокету, она еще жива. Я проверяла. И опять получила хорошие новости вкупе со страшным предупреждением: Фэрис долго не протянет. Это значит, она где-то заперта, и вот-вот умрет от обезвоживания или просто-напросто задохнется. По-моему, это два самых логичных варианта. Впрочем, Элликс мог ранить девочку, и сейчас она лежит где-нибудь с заражением крови. В общем, причин для беспокойства хоть отбавляй.

Тем не менее, сдаваться я не собиралась и отправилась на поиски Оша. На земле только два человека знали мое божественное имя, и Ош — один из них.

Я нашла его в кухне, как раз когда он шерстил холодильник. После свадьбы до сих пор еды оставалось вагон.

— Нет, — сказал Ош еще до того, как я открыла рот.

— Ты же еще не слыш...

— Нет, — повторил он и выпрямился, держа в руках кучу провианта. — И это не обсуждается.

— Как ты вообще узнал, что мне что-то нужно?

— По шагам. Когда ты хочешь чего-то, что не можешь получить, шаги у тебя тяжелее. Так что нет.

Свалив добычу на стойку, раз уж стола у нас больше не было, он пошел за тарелкой и

приборами.

— Но ведь просьба совсем простенькая.

Черные волосы до плеч, которые Ош зачесал назад, были мокрыми после душа и блестели почти так же ярко, как бронзовые глаза. Клянусь, в жизни не видела глаз такого цвета.

— С тобой, красавица, ничего простого быть не может.

Боясь, что нас услышит Рейес, я воровато осмотрелась, шагнула ближе к даэве и буквально взмолилась:

— Это очень важно!

Он взял тарелку из шкафчика и повернулся ко мне.

— Как всегда.

— Мне нужно знать мое имя.

Ош застыл, смерил меня взглядом с ног до головы и только потом спросил:

— Зачем?

— Человек, который почти наверняка похитил племянницу моего клиента, — начала я, очень надеясь, что Ош не останется равнодушным к девочке, у которой есть любящая семья, — умер два дня назад. Сама девочка где-то заперта. Если мы не найдем ее как можно скорее, она погибнет.

Все еще глядя на меня своими гипнотическими глазами, Ош достал нож из ящика у себя за спиной.

— Нет.

Потом отрезал два куска хлеба и стал сооружать себе бутерброд. Я же ломала голову, пытаюсь придумать, как заставить его сотрудничать.

— Ты говорил, как только я узнаю свое имя, сразу многое пойму. Получу всю свою силу. Всего-то и надо — произнести вслух несколько крошечных слогов!

— И что ты будешь делать с этой силой?

— Вызову того парня из ада. Сейчас не получается. Мне нужно больше... магии.

Ош покачал головой и достал помидоры и листья салата. И это с жаренным на гриле мясом?! Что ж, видимо, каждому свое. По крайней мере питается он намного здоровее, чем я семь дней в неделю.

— «Магия», которую ты получишь, совсем не то, о чем ты думаешь. Кроме того, я не имею права делать такие подарки. Ты все узнаешь, когда умрешь. Тем более Рейазиэль мне такого не простит.

— Зачем тебе вообще его прощение?

Ош прекратил готовить и уперся обеими руками в стойку.

— Нам всем иногда необходимо, чтобы нас простили.

— Так ты поэтому нам помогаешь? Тебе нужно прощение?

Он отвернулся, как будто я его обидела.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что на самом деле ты ни капельки не боишься Рейеса.

— Не боюсь. Но, если дойдет до сражения и я его убью, ты меня тоже никогда не простишь.

— Очень сомневаюсь, что тебе по зубам убить моего мужа, Ош.

— Послушай, мы понятия не имеем, что произойдет, когда ты узнаешь свое имя. Этого и боится Рейазиэль. Что ты можешь вознестись. Бросишь свое человеческое тело и станешь

настоящим жнецом. Оставишь Рейазиэля. Или даже хуже.

— Что может быть хуже?

— Ты можешь оставить его навсегда. Если вернешься в свой мир.

— Да не сделаю я ничего такого!

— Никому не известно, что ты сделаешь или не сделаешь, когда получишь всю свою силу. И никто не знает, что ты сможешь или не сможешь делать. Даже мы, черт возьми, не знаем. Ты не просто жнец, но еще и бог. Первый настоящий призрачный бог. Ты хоть представляешь, что это значит? По сравнению с этим, силы Люцифера и он сам кажутся детскими игрушками.

— Так почему бы не дать мне возможность положить всему этому конец? Пип грозит опасность, и все из-за Люцифера и его псов. Я ведь могу все исправить! И тогда у всех нас появится шанс пожить нормальной жизнью.

— Не выйдет, дорогуша.

С каждой минутой я раздражалась все сильнее.

— Ну почему? Почему не выйдет?

— Потому что, если ты заметила, у тебя есть власть над душами. Ты обладаешь редкой способностью ставить на них метки.

— И что?

— А то. Мы считаем, что, согласившись прийти в этот мир, ты согласилась и соблюдать правила этой вселенной.

— Мамочки... Да вы просто помешаны на правилах! Что это вообще за правила такие?

Накрыв бутерброд вторым куском хлеба, Ош откусил здоровенный кусок, повернулся ко мне и пробубнил с набитым ртом:

— Бог дал людям власть над их собственными жизнями. Наделил правом принимать решения, совершать ошибки, следовать за тьмой или нет. Выгнав Люцифера с небес, Бог, тем не менее, не вычеркнул его из уравнения. До сих пор идет война, и ты не в силах ее остановить. Эту войну могут остановить только люди. Только людям дано окончательно и бесповоротно уничтожить Люцифера. Но, как тебе известно, в этом мире много зла. Всегда найдутся те, кто примкнет к Люциферу. И с каждым последовавшим за ним человеком его силы множатся.

— То есть ты хочешь сказать, что мне не одолеть ни Люцифера, ни его демонов?

— Я хочу сказать, что ты не можешь его уничтожить. Но может человек, рожденный из плоти и крови.

— Но ведь я человек. И была им с самого рождения.

Ухмыльнувшись, Ош глотнул воды и наклонился ко мне:

— В тебе не больше человеческого, чем во мне.

— Минуточку! Ты мне все это говоришь, потому что пророчества повесили задачу прикончить Люцифера на Пип?

— Она же человек.

— У которого сверхъестественные родители. Если уж ей суждено укокошить Сатану, наверняка она унаследует хоть какие-то из наших сил.

— Так и будет. Как и у тебя, ее силы будут расти вместе с ней. И все же ее создали ваши с Рейазиэлем человеческие воплощения, и родилась она человеком. У нее будет власть над тем, над чем у тебя нет и никогда не будет. Ты не имеешь права расторгнуть соглашение, заключенное с Богом этой вселенной. Это... — Ош помолчал, подыскивая подходящие

слова. — Это невежливо.

— Выходит, из-за одного договора нашей Пип придется бороться с Люцифером?

— Ты удивлена? После всего, что прочитала? После всего, что нам удалось выяснить?

— Просто я надеялась...

— Найти лазейку.

Я повесила нос.

— Да.

— Ага, я тоже, — стиснул зубы Ош. — Но тебе нужно подумать еще кое о чем.

— Блин, это еще не все? — совсем приуныла я.

— Ты должна подумать о том, кто ты и какими силами обладаешь. Если ты узнаешь свое имя раньше времени, то, быть может, не сумеешь взять под контроль свои силы и поубиваешь всех вокруг в мгновение ока.

— Значит, свое божественное имя я сегодня не услышу?

Губы Оша сложились в тонкую линию.

— Извини, красавица. Я не хочу убивать Рейазиэля. По крайней мере сейчас.

На этот раз вперед наклонилась я:

— А по-моему, он тебя в два счета сделает.

— В аду так считал каждый. И все они ошибались.

Я стащила его бутер и откусила кусочек.

— Тогда, наверное, хорошо, что ты на нашей стороне.

Черты лица даэвы смягчились от хорошо знакомой кривоватой ухмылочки. В очередной раз пришлось напоминать себе, что он только выглядит, как девятнадцатилетний паренек.

Я пошла вверх узнать, как дела у Пип. Теперь, когда в животе не квартировал маленький жилец, путешествие давалось намного легче. Бросать идею потолковать с Колтоном Элликсом я не собиралась. Более того, у меня имелся запасной план. Пугал он, правда, до потери сознания, и я бы никогда в жизни не набралась смелости рассказать о таком Рейесу, но все-таки это был самый настоящий план. Зуб даю, у Рейеса бы нашлось, что сказать. А потом он бы меня чем-нибудь накачал и запер в каком-нибудь надежном месте, чтобы я не успела воплотить свой план в жизнь. Но тогда Фэрис умрет. А я не позволю такому случиться, если есть хотя бы крошечный шанс это предотвратить.

На цыпочках я подошла к нашей спальне, где с Пип сидели Эмбер и Квентин. Квентин держал мою дочь на руках почти так же, как и Рейес. Как будто она хрустальный шарик, который треснет, если его слишком крепко прижать. Эмбер, за один день ставшая экспертом по детям, учила Квентина правильно давать Пип бутылочку.

Мне до смерти хотелось покормить Пип грудью, но я так долго провалялась в отключке, что у народа не осталось выбора — пришлось кормить ее смесью. Я понятия не имела, захочет ли Пип теперь взять грудь, но хотела попробовать. Не прямо сейчас, конечно, а то Квентину точно будет не по себе, но в самое ближайшее время.

Несколько секунд я зачарованно смотрела, как Эмбер общалась с моей прекрасной во всех смыслах дочерью. Сама Эмбер как будто сияла. В утреннем свете, сочащемся сквозь

занавески, поблескивали волосы. Кожа мерцала. Потом до меня дошло, что у нее на лице до сих пор остались блески со свадьбы. И все равно она была удивительно красивая. Как фея без крыльев. Высокая, сильная, с тонкими чертами лица и уверенностью, что она знает все на свете. Но, опять же, Эмбер подросток, а подростки действительно знают все. Фишка же Эмбер заключалась в том, что к своим знаниям о мире она подходила с уважением.

Глядя на нее, я вспомнила слово «спиритуалист». Как раз подходящее. И даже важное. У Эмбер была поразительно глубокая связь со всем, что ее окружает. С самой природой. И эта связь позволяла ей видеть и понимать намного больше.

Квентин опустил бутылочку слишком низко, и Эмбер рассмеялась, показав пальцем вверх:

— Выше.

Он тут же послушался, и его глаза засияли так же ярко, как и улыбка, которую он ей подарил.

— Что-что? — спросила Эмбер у Пип, словно маленькая хулиганка могла ей ответить, и снова засмеялась: — Полностью согласна. Он яркий и ясный, как летний день.

Не понимая, о чем речь, Квентин пожал плечами.

— Она говорит, у тебя симпатичная аура, — жестами объяснила Эмбер.

Он приподнял брови и кивнул, ни капельки ей не поверив. Зато я всерьез задумалась. Может быть, Эмбер и правда фея.

Она опять посмотрела на Пип и кивнула:

— Ладно. Обещаю. Иначе она расстроится.

— Расстроится? — вслух уточнил Квентин глубоким и мягким, как всегда, голосом. — Кто?

Словно о чем-то сожалея, Эмбер поджала губы:

— Чарли.

Квентин знал, что я здесь стою, потому что видел мой свет. Покосился на меня, а потом вернулся к тому, чему его обучали. А еще он знал, что рядом стоит Мо, машет Пип и гладит ее по щекам. Мо взглянула на меня и сложила у груди руки в знак восхищения. Я подмигнула ей и ушла, стгорая от любопытства. У Эмбер, конечно, мощная связь со всем живым окружением, но содержательные беседы с новорожденным ребенком? Это что-то новенькое.

Меня обдало волной холода, и я повернулась к сестре Морин. Или Мо, как она сама представилась.

— Спасибо, — показала она жестом, словно коснулась невидимой шляпы, и махнула в сторону спальни. — Она красавица.

— Согласна, — прошептала я. — У меня есть знакомый из Ватикана. Он послал письмецо тамошним большим шишкам. Они во всем разберутся. В том, что произошло с тобой и твоей сестрой. Ну и со священником, ясное дело.

Мо опять меня поблагодарила.

— Ты им рассказала? Что моя сестра пыталась меня спасти?

— Я рассказала им все, Мо. — Я подошла ближе, чувствуя, как от горя давит в груди. Этой девочке довелось пережить страшные вещи. — Если хочешь, можешь через меня перейти.

Она опустила голову.

— А вдруг... вдруг он не захочет меня принять?

— Еще как захочет, Мо. Если бы не хотел, поверь мне, здесь ты бы не осталась.

— Ты не понимаешь. Мои грехи не искупить.

— А кто из нас не грешил? Видела бы ты меня на Хэллоуин в последний год колледжа. Что бы ты ни натворила, это не идет ни в какое сравнение с развратной французской горничной в маске Джейсона Вурхиза^[11]. В этом и заключается смысл прощения. И что-то мне подсказывает, что Бог все поймет. Мы все сбиваемся с пути, солнышко, и он это знает. Честное слово.

Наконец Мо будто смирилась. Неуверенно шагнула ко мне, потом еще раз и еще, и вдруг ее лицо озарилось. Она кого-то увидела. Скорее всего — кого-то из родных. Взглянув на меня напоследок глазами, в которых плескалась благодарность, Мо перешла.

Она видела, как в Чикаго застрелили ее отца. Это воспоминание врезалось в меня, как товарняк, и выбило из легких весь воздух. Я смотрела, как бандит с автоматом в каждой руке мчится по улице в классическом «форде», высунув из окна голову и поливая градом пуль пешеходов. Как ни печально, целью его был босс конкурирующего мафиозного семейства, а отец Мо, пекарь с двадцатикилограммовым мешком муки на плече, просто-напросто попал под горячую руку. И даже не успел понять, что произошло. Он нес на плече мешок, придерживая его одной рукой, а другой сжимал ладошку дочери, Мо. Они вышли посмотреть на выпечку рождественской тематики, которой он украсил витрину. Санта, елки, звезды... Все ярких цветов, которые так и просили, чтобы их съели. Разумеется, все это было сделано для Мо и ее сестры, которая осталась дома, потому что простудилась.

Одним из клиентов отца был человек по имени Крайтон, босс мафии, но в то время Мо об этом не знала. Бандит хотел застрелить именно его и заодно по приказу своего босса убить каждого, кто окажется на территории конкурента. В назидание.

Услышав очередь, Мо подпрыгнула и уставилась на бандита в машине, который, увидев ужас на лице маленькой девочки, прицелился прямо в нее. И в этот момент с плеча застреленного в голову отца упал мешок, в который попали две пули, метившие в Мо. Машина поехала быстрее, оставив за собой отчаянные крики выживших. Мо стояла посреди улицы в облаке муки, изо всех сил вцепившись в папину руку, пока не поняла, что его пальцы разжались. Она повернулась и увидела его лежащим лицом в луже собственной крови.

Звуки стихли. Мука, как снег, осела у ног. А папа лежал и не шевелился. Все вокруг исчезло, словно ничего никогда и не было. Несколько долгих месяцев Мо провела в психиатрической лечебнице. Слава богу, мама отказалась от инсулинотерапии, потому что сочла ее не менее варварской, чем электрошок. А когда врачи посоветовали ей отказаться от дочери, которая, по их словам, уже никогда не выйдет из якобы перманентного ступора, мама в тот же день забрала Мо домой и приготовила ей куриный бульон.

До самой смерти Мо верила, что исцелил ее именно бульон. И пусть она так никогда и не заговорила снова, но все-таки нашла способ вернуться в реальный мир. Разумеется, с помощью мамы и сестры.

С тех пор они с сестрой стали еще ближе. Даже придумали собственные секретные знаки, чтобы общаться только друг с другом. Мама настаивала, чтобы Мо выучила настоящий жестовый язык, но их выдуманные с сестрой знаки она не забывала никогда.

Вместе с этим меня затопили и приятные воспоминания. День рождения двоюродного брата, после которого Мо притащила домой щенка. Кузен, видите ли, разозлился, что ему не подарили пони. И тетя Мо отдала щенка ей, чтобы проучить сына. Через месяц пони ему все-

таким подарили, так что никакого урока мальчик не усвоил, но это ерунда. Ведь у Мо и Беа появился щенок по кличке Биби, сокращенно от Большущий Богатырь, которого они поили несуществующим чаем и учили чихать по команде. Теперь у меня были неопровержимые доказательства того, что все псы действительно попадают в рай, потому что, проходя через меня, именно Биби увидела Мо, а потом — сестру и родителей.

Несколько минут я приходила в себя, хотя была очень рада за Мо, которая наконец оказалась там, где и должна была быть. Рядом с родными людьми. Жаль только, что на это ушло семьдесят с лишним лет, но, насколько я понимаю, по ту сторону время играет значительно менее важную роль.

Пришла эсэмэска. Куки спрашивала, где я.

«Здесь. А ты где?»

«Тоже здесь. Почему я тебя не вижу?» — подыграла подруга.

По-прежнему медленнее, чем хотелось бы, я спустилась вниз и пошла через весь дом в офис.

В столовой сидел Гаррет. Трудился над отрывками, которые могли пролить свет на нашу ситуацию с адскими псами. Отвлекать его я не рискнула, зато рискнул Ош — подсунул Своупсу упаковку сырных крекеров, но тот не обратил внимания ни на даэву, ни на предложенный перекус.

Заметив меня, Ош подозрительно сощурился. Неужели догадался, что я задумала? И как это вообще возможно? План ведь шикарный. Никто меня не раскусит. Даже за миллион лет.

— В общем, — начала Куки, как только я зашла в офис, — у меня есть план.

— У меня тоже.

Я села на свое место и отобрала у подруги стопку бумаг.

— Здесь все, что я смогла найти на этого Колтона Элликса. Обычный набор. Хреновые социальные навыки, а при этом корона до небес. В старших классах его обвиняли в преследовании одной девочки, но никто не воспринял это всерьез. Элликс сказал директору, что с девочкой они тайно встречались, а когда все об этом узнали, она решила обвинить его в преследовании. Директор посмеялся и списал все на подростковые гормоны.

— Что случилось с той девочкой?

— В том-то и беда. Через месяц она исчезла. Ее так и не нашли.

— То есть своими грязными делами Элликс занимался уже давненько.

— Не знаю. — Куки показала на еще один отчет. — Больше никто и никогда на него не заявлял. Ни единой жалобы. Да и вообще он жил сам по себе.

— Это не значит, что он больше никого не похищал.

— Верно, но ты посмотри вот на это. — Она подняла длиннющий бланк, испещренный цифрами. У меня на такие бланки аллергия, так что я решила к этому даже не прикасаться. — Я составила подробный отчет по всем местам, где жил Элликс. Инцидент в школе произошел в Кентукки, но его семья постоянно переезжала. В основном поближе к своим же родственникам. Есть у меня подозрение, что эти люди были приживалами. Как только одним родственникам они надоедали, сразу же переезжали к другим. Рассказывали,

как сложно в мире жить и какими ужасными оказались предыдущие родственники, пока наконец кто-нибудь не принимал их к себе.

— То бишь дома как такового у них не наблюдалось.

— Вот именно. Но на этом я не остановилась и продолжила копать. Ни в одном из городов, где проживало семейство Элликса, не было без вести пропавших. По крайней мере в течение того времени, что Элликсы жили в эти городах. Я даже расширила поиски на двести километров, но так ничего и не нашла. Полный ноль. Причем я проверяла и адреса, где Колтон жил, когда ушел из семьи. В шестнадцать он переехал к другу.

— И никто нигде не пропадал без вести?

— Если и пропадали, то дела раскрыты. А вот тебе самое интересное, — взволнованно добавила Кук. — Посмотри на девочку, которая тогда пропала.

Она передала мне фото девочки, которая вполне могла оказаться близняшкой Фэрис.

— Ничего себе!

— И я о том же. В смысле вряд ли это совпадение.

Я откинулась на спинку стула и принялась сравнивать фотографии обеих девочек. Должна признать, они были поразительно похожи.

— Ты же понимаешь, что это значит?

— Ага, — кивнула Куки, а потом покачала головой. — То есть не очень.

— Это значит, что Элликс не был матерым гадом. Не успел, так сказать, поднатореть.

В уголках глаз Куки собрались морщинки. Она явно пыталась понять, к чему я веду.

— Это значит, что он совершал ошибки. Скорее всего даже кучу ошибок нагородил. Само собой, он все тщательно планировал, продумывал каждую деталь. И все же даю руку на отсечение, он сто процентов облажался.

— Ну да. Наверняка. Опытные убийцы с каждой жертвой учатся на своих ошибках и со временем намного лучше заматают следы.

— И все равно рано или поздно они косячат. Все косячат. Но этот парень натворил дел только один раз. А поскольку Фэрис все еще жива, я бы сказала, что и первую девочку он убивать не собирался. Может быть, он искренне считал, что если бы провел с ней наедине какое-то время, то смог бы завоевать ее сердце. А когда она начала кричать или бороться с ним, он испугался и убил ее.

— Может быть, она ему как-то пригрозила, и он запаниковал.

— Может, ага. Как бы то ни было, я считаю, что первый раз был случайностью.

— А когда он начал работать на человека, у которого оказалась дочь, похожая как две капли воды на его первую любовь...

— Опять забурили давно забытые чувства, и Колтон не смог устоять перед желанием попробовать снова завоевать любимую. Но вот вопрос: какие конкретно чувства всплыли на поверхность?

— В смысле?

— Любовь или горечь от предательства. Думаю, жизнь Фэрис зависит от того, какое из этих чувств бурлило сильнее. Так что у тебя за план?

— Я думаю, тебе надо отыскать этого гада и притащить сюда за его же жалкую задницу.

Я потеряла дар речи, а потом все-таки выдавила еле слышным шепотом:

— Кук, как ты догадалась, что я собираюсь сделать?!

— Да никак, — отозвалась подруга, пребывая в таком же шоке, как и я. — Я, вообще-то, просто пошутила. То есть где его искать? Он же уже перешел, правильно? Значит... — На

этот раз дар речи потеряла она. — Ты же не думаешь о том же, о чем и я?

— Еще как думаю, — подмигнула я.

— Ну уж нет, Чарли. — Куки встала, выглянула в коридор, тихонько закрыла дверь и, усевшись напротив меня, зашептала: — Ты же не серьезно, да? Он же... там! У нас и так проблем выше крыши. Адские псы у ворот. Шпионы в шкафу. Призраки, которые пытаются скатить тебя по горе. Если здесь такой кошмар, представляешь, что там внизу?!

Я поерзала.

— Об этом я не подумала. Ну и вообще еще не прорабатывала детали. Зато у меня будет эффект неожиданности. Никто ведь не ждет, что я могу туда заявиться.

— Это уж точно. Ты говорила, Рейес ходил в ад за камнем для твоего кольца...

Я не удержалась и взглянула на оранжевый бриллиант у себя на пальце. Огранка была восхитительна, а цвет просто поражал воображение.

— ... но он там родился и вырос. Знает каждый закуток. Неужели ты всерьез думаешь, что заявишься туда, миленько побеседуешь с мистером Элликсом, потом вернешься, а сама знаешь кто ничего не узнает?

— Ты про Рейеса?

— Я про Сатану! — взвизгнула Куки.

— Ну, извините, — огрызнулась я. — Я же сказала, что детали еще не продумывала.

— Значит, мы друг друга поняли. Эта идея по-настоящему дикая, и мы таких больше выдумывать никогда не будем.

— Кук, все наши идеи дикие. А это само по себе поднимает планочку.

— Но таких диких еще не было. Чтобы такое придумать, нужно быть шизофреником!

— Не переживай, — сказала я, похлопав ее по колену. — У меня есть доступ к информации, так сказать, изнутри.

— И кто же твой информатор?

— Гаррет.

— Ты опять зашлешь его в ад? Вот ведь бедняга!

— Чего? Да нет же! Я всего лишь скажу ему... В общем, я пока не знаю, что ему скажу. План на стадии разработки, но я все придумаю. Он расскажет все, что мне нужно знать.

— Это самая худшая из всех наших идей.

— А вот и нет. Помнишь, как мы натаскивали хорька спереть папку из кабинета того парня из корпорации? А парень потом умер?

— А-а, да. Было дело. Значит, это вторая идея в списке самых худших. Кто же знал, что у парня такая мощная аллергия на хорьков?

— Мне до сих пор как-то не по себе. А вот если бы чувак не присвоил сбережения половины жителей дома престарелых «Солнечные дни», мне было бы по-настоящему стыдно.

Не-а. В ад мне нельзя.

Сатана уломал суд выдать мне запрет на посещения.

Наклейка на бампер

Итак, в похищениях мистер Элликс был, грубо говоря, ни бум-бум. Оставалось только надеяться, что он не попробовал что-нибудь еще. Например, не изнасиловал Фэрис. Иначе ей будет еще сложнее оправиться после всего произошедшего. Но той девочке в школе Элликс, похоже, искренне хотел понравиться. Хотел, чтобы она его полюбила. Может быть, от Фэрис ему было нужно то же самое. А изнасилование явно не гарантирует ни симпатии, ни любви.

Когда придет время, я свое дело сделаю, но сейчас мне позарез был нужен ребенок. И пиво.

С красавицей-дочкой на руках я притопала в столовую. Пип пришлось буквально отдирать от Джеммы, но в колодце, извините, я доказала свое право на эту девочку, так что сестре в конце концов пришлось уступить. Я же не могла насмотреться на дочь. Не могла спустить ее с рук. Не могла прекратить снова и снова пересчитывать пальчики на ногах и руках, ежесекундно поражаясь тому, какие они длинные. Ее закутали в мягкий розово-серый плед. На головке красовалась вязаная шапочка. Кулачки Пип прижала к щечкам. Ничего милее и прелестнее я в жизни не видела! Мне все хотелось понять, на кого она больше похожа, но тут я, увы, опять впала в свое любимое отрицание. Само собой, она была копией Рейеса. Густые черные волосики. Невозможно длинные ресницы. Прямой нос с детской курносинкой на самом кончике. Полные, идеально очерченные губки. Блин, да при виде ее народ будет падать замертво! Причем, вероятнее всего, в буквальном смысле. Надо будет обязательно научить Пип пользоваться силами только во благо.

Гаррет поднял голову и явно задумался, что отобрать у меня сначала — Пип или пиво. Потом решил начать с Пип, а закончить пивом. Наверное, мудрое решение. Пока Своупс скакал по кухне с моей дочерью на руках и в красках рассказывал ей, как она спасет мир, я просмотрела стопку скопированных документов и на большинстве нашла пометки почерком Гаррета. С самого путешествия в ад (за что большое спасибо мистеру Рейесу Фэрроу) Своупс был одержим пророчествами, вообще прошлым, ну и будущим, само собой. А еще тем, как однажды Пип расправится с геенной огненной.

— Короче говоря, — начала я, радуясь, что Ош свалил если не из дома, то хотя бы из столовой, — у меня к тебе вопрос.

— Нет.

Гадство! Ош его все-таки предупредил.

— Тогда сейчас же отдай мне моего ребенка.

Со всем драматизмом Своупс уставился на меня с отвисшей челюстью. Явно играл для Пип, вот только она проспала все представление.

— Родить не успела, а уже используешь ребенка, чтобы шантажировать людей. Постыдилась бы! — Он глянул на Пип. — Вот видишь? У тебя мать — как все пациенты дурдома, закатанные рулетом в одного человека. Можешь сказать «ру-лет»?

Приплыли. И куда, спрашивается, делся крутой до мозга костей Гаррет Своупс —

«охотник за головами», который принимает в грудь пули так же, как другие — занозы в пальцы?

За столом я просидела целую вечность, слушая, как Гаррет рассказывает Пип обо мне всякие истории, большинство из которых правдивыми можно было назвать с большой натяжкой. Приукрашивал он на полную катушку. Ну серьезно. Кто поверит, что я встречалась с Греггом Нассером, только чтобы попасть за кулисы к «Blue Öyster Cult»? Чушь чистой воды! Чтобы попасть за кулисы к «Blue Öyster Cult», я встречалась с Брэдом Старком. А с Греггом Нассером — ради билетиков на «3 Doors Down».

Потом нарисовалась Дениз. Сказала, что Пип пора купаться, а я должна научиться ее купать. Можно подумать, я не в состоянии искупать собственного ребенка! Выяснилось, что все не так просто, как казалось на первый взгляд. В основном потому, что мокрая Пип — это скользкая Пип. Которой, между прочим, купания радости не доставляют никакой. Дениз заверила, что со временем водные процедуры Пип полюбит, а до тех пор я обязательно разживусь шумоподавляющими наушниками.

Следующей появилась Куки. Видимо, Бог бы не простил, если бы под спиной моей дочери вдруг оказался матрас. Потом Кук с Джеммой по очереди ее кормили и давали срыгнуть. А я все сидела и ждала, что Рейес куда-нибудь смоемся или хоть чем-нибудь займется. Все свое время он проводил со мной и Пип. Какого, блин, черта? Разве мужчины так поступают?

Тем не менее, меня переполняли только теплые и приятные чувства. Словно все мы — настоящая и самая обычная семья. И нет никакого скотча на ранах и никаких адских псов. Рейес превратился в замечательнейшего отца. Особенно когда Пип дрыхла у него на груди, пока мы сидели в кинотеатре, пытаюсь приобщить ее к миру хоббитов. Уверена, что даже в холодный осенний день жар Рейеса не давал дочери замерзнуть, а наоборот, разве что не поддурманивал ей бока.

И вдруг, когда я меньше всего этого ожидала, явился дядя Боб. Оказывается, пришла его очередь посидеть с маленьким пончиком. Именно так он называл Пип. Как по мне, она больше смахивала на вишневый эклерчик. Рейес глянул на свои часы и пробормотал нелепое оправдание на тему того, что ему пора на пробежку. Ага, как же! Он в жизни не побежит, если его не будут преследовать. И даже при таком раскладе убегать от опасности — точно не про него.

— Ладненько, — сказала я, переборщив, кажется, с энтузиазмом.

Он точно собирался опять встретиться с Ангелом. Уж я-то знаю! По глазам видела.

Как бы то ни было, время Рейес выбрал самое подходящее. Где-то там была девочка, которая нуждалась в помощи. Лично я до сих пор искренне надеялась, что позвонит Кит с хорошими новостями. Но она так и не позвонила, а новости нам были очень нужны.

На всякий случай я ей звякнула. Федералы все еще прочесывали места, где жил и работал Элликс. Выбора не осталось.

Я пришла в прачечную, потому что это единственное место, куда люди просто так не заходят. Разве что им действительно нужно что-то постирать. А значит, только здесь я могла

попытаться осуществить задуманное, чтобы мне никто не помешал. Пока Рейес на тайной встрече с моим детективом-предателем, самое время опробовать план. Но для начала не помешала бы капелька содействия.

Перед тем как рискнуть здоровьем и жизнью, я призвала Ангела, чтобы убедиться, что не упускаю ничего важного. Предатель появился со скучающим выражением лица. Ну, хоть не психовал.

— Опять тайно тусовался с моим мужем? — спросила я, приправив тон изрядной долей подозрений и обвинений. В основном, конечно, последним.

— Блин, *pendeja*^[12], по-твоему, у меня только и дел, что быть у него на побегушках?

— То есть ты сейчас был не с ним?

— Нет. А в чем, на фиг, проблема?

- Где ты был?

— Пялился на телочек в торговом центре.

— В «Коронадо» или «Коттонвуде»?

— В «Коронадо», а что?

— Скучаю я по нему, — внезапно загрустила я, пришибленная ностальгией по старым добрым временам, когда ходила по магазинам и не боялась, что меня в любую секунду порвут на шнурки. — Там еще есть магазинчик, где продают маленькие шарики из мороженого? Обалденная штука!

— Не знаю. Я ж не ем.

— А-а, ну да. В общем, вопрос такой: могу я навестить кого-нибудь в аду?

— Чувиха, достало меня уже повторять. Ты можешь все, что...

— Знаю-знаю, — перебила я, махнув рукой. — Я могу все, что угодно. Это ты твердишь постоянно. Ну а если серьезно, могу или нет? И если не с тобой тайно встретился Рейес, то с кем?

— Скорее всего с двумя стариками, с которыми он вечно что-то обсуждает.

Я застыла. Надолго. Ангел даже разволноваться успел.

— Что еще за старики? — наконец выдавила я.

— Он к этой парочке вечно на свиданки бегает. Имен не знаю, но они старые.

Я опять застыла, а мозги заныли, пытаюсь найти объяснение. Может быть... Нет, невозможно. Не мог Рейес узнать о Лоэрах. Я же сама с ними познакомилась только два дня назад!

— И давно он с ними видится?

— Пару месяцев. А что? Вы разводитесь?

— Чего?! — Меня прошибло тревогой точно так же, как пятилетнего ребенка прошибает от переедания конфет. — С чего ты взял? Рейес такое говорил?

— Нет. — Ангел шагнул ближе. — Просто надеялся, что ты его бросишь ради кого-нибудь, кто тебе по возрасту ближе.

— Чувак, мне миллионы лет.

Он подошел так близко, что пришлось задрать голову. Правда, не очень сильно, потому что Ангел был выше всего на пару сантиметров.

— Возраст — это еще не все.

У него были красивые полные губы и пронзительные карие глаза. Клянусь, если он не перестанет за мной увиваться, я точно...

— Погоди-ка! — вдруг взвился он. — Ты сказала «в аду»?

Я прикусила губу.

— Ага.

— Нельзя тебе туда соваться. Между землей и адом здоровенная пустошь.

— Зато на моем муже есть карта.

— Так ведь на нем, а не на тебе.

Что ж, сейчас или никогда. Я закрыла глаза.

— К счастью, у меня прекрасная память. Если не вернусь, скажи Рейесу, что я ушла искать Элликса. — Глаза открылись. — Но я точно вернусь. Дай мне две минуты.

Снова закрыв глаза, я представила карту на теле Рейеса — ту самую, которая поможет мне пройти через пустошь, и провалилась во тьму.

Честно говоря, как именно работает карта, я не понимала, пока не начала следовать ее подсказкам. Шаг за шагом по почти невидимым тропкам я встречала одно препятствие за другим, но точно знала, какую дорожку выбрать, куда свернуть. Представляя карту, я целиком и полностью на нее положилась. И, пока всеми фибрами души верила, что она приведет меня, куда нужно, по пустоши едва не летела. Казалось, у меня кружится голова, но это ощущение присутствовало во всем теле. Покалывающее и холодное. Холода я не ожидала, а все же мороз буквально полз по коже, хотя никакой кожи у меня здесь не было.

Я глянула на свою руку, подвигала пальцами. Тонкий слой льда осыпался мелкими осколками, но уже через секунду новые кристаллики поползли по руке вверх и дальше, по шее и лицу. Карту я себе представляла четко и ясно, но внезапно до смерти испугалась, что могу здесь заблудиться. Само собой, Рейес меня найдет. Обязательно найдет, если я собою с пути. Но было и еще кое-что, чего я никак не ожидала.

У меня были зрители.

Пусть я их не видела, зато чувствовала, как за мной следят стеклянные глаза, ощущала затылком горячее дыхание и точно знала, что у них острые зубы. Может быть, все они — заблудившиеся когда-то в пустоши демоны, которые до сих пор пытаются добраться до земли? А если и так, то сколько они здесь просидели?

Не успев понять, как это произошло, я стояла на твердой земле под порывами горячего ветра, который обжигал, как кислота. Кожа начала темнеть, будто у меня какая-то болезнь. Почернев, верхние слои высыхали и осыпались крошечными частичками, которые на лету подхватывал ветер. Везде, где отрывалась кожа, плоть под ней пылала ярко-оранжевым светом, словно внутри у меня расплавленная лава. Я горела со всех сторон. Каждый вдох обжигал горло и оседал огнем в легких. Глаза затвердели и покрылись паутинами трещин, через которые я могла хоть что-то рассмотреть. Как будто смотрела на выжженную пустыню сквозь разбитое стекло.

Собравшись с духом, я сделала один шаг, и меня окружило криками, которые в порывах палящего ветра то стихали до шепота, то превращались в мучительные стоны. Земля подо мной треснула, и под черным верхним слоем оказалась все та же ярко-оранжевая лава. Я попробовала сделать еще один шаг, но не смогла пошевелиться. Меня вправило в землю. Я посмотрела вниз и сощурилась. В трещинах под чернильно-черной коркой были люди. Их

лица исказились от боли и криков, руки тянулись ко мне. Ахнув, я тут же за это поплатилась. Легкие превратились в кипящую кислоту, сжигающую изнутри.

Еще раз осмотревшись, я поняла: то, что поначалу казалось валунами на горизонте, на самом деле к ландшафту не имело никакого отношения. Это были люди, которые медленно плавались, постепенно растворяясь в земле и вихрях ветра. Они тоже не могли пошевелиться. Видны были только глаза. Огромные, наполненные ужасом.

И сожалениями.

Все они сожалели о том, что совершили. Внезапно я стала понимать крики. Это был хор извинений и мольбы о прощении.

Я смотрела, как отрывается и уплывает на ветру моя сожженная кожа. Точно так же, как у тех, кто еще не до конца расплавился. Частички летали вокруг, как светлячки в ночи. Зрелище ужасное, но в то же время завораживающее.

Даже в самых смелых фантазиях я не представляла, что здесь будет именно так. Я знала, что будет жарко. Не зря же от Рейеса постоянно исходит жар. И понимала, что стою на поверхности, под которой тысячи и тысячи этажей. Именно там, внизу, родился мой муж. Именно там правил Люцифер.

Стало ясно: вернуться не выйдет. Я застряла в аду. Когда Рейес меня найдет, я растаю и превращусь в расплавленный комок, как и все вокруг.

Но ведь я не такая, как они. Я другая. У этого места нет надо мной власти. По крайней мере я решила так думать. Двинула ногой и еле-еле вытащила ее из блестящих зыбучих песков. Потом подняла другую ногу и усилием воли погасила бушующий вокруг меня огонь. Кожа начала исцеляться. Последний черный слой растрескался и взмыл вверх.

Найти одного человека в океане обреченных душ казалось невозможной задачей, но я знала, как с ней справиться. Сейчас Элликс — просто дух, неразрывно связанный с преисподней. Значит, я могу призвать его, как и любую другую душу.

Опустив голову, я приказала ему появиться. Передо мной оказалось нечто тлеющее, плавящееся и ничуть не похожее на человека. А потом я разглядела огромные умоляющие о прощении глаза, в которых плескались сожаления и дикий страх.

Я решила, что ему понадобится рот. Протянула руку и коснулась того, что раньше должно было быть плечом. Элликс стал медленно обретать человеческую форму и, как только обрел дар речи, заорал от невероятной боли. Я же продолжала его исцелять, пока он не смог замолчать хотя бы на несколько секунд. Пока к нему частично не вернулся человеческий облик. Свежая кожа почернела, но не отвалилась.

Я решила начать допрос:

— Где девочка?

Приходилось кричать, чтобы меня слышали в завываниях ветра и во всех этих столах.

Казалось, Колтон не понял, о чем речь, а потом удивился:

— Вы пришли из-за нее?

— Где Фэрис? Куда ты ее отвез?

— Значит, вы меня отсюда не заберете?

— Нет.

Надо было солгать, но ни капельки не хотелось давать Элликсу надежду, тем более что у Фэрис надежды нет. Не заслужил этот гад такой роскоши.

Поняв, что выбраться отсюда ему не светит, Колтон поник.

— Где она? — снова спросила я, все еще прикасаясь к нему кончиками пальцев.

Даже в искаженных оплывших чертах я рассмотрела злость.

— С чего мне отвечать? Что еще вы можете со мной сделать?

Я убрала руку, и он взвыл от боли, потому что лава снова начала сжигать его изнутри. Большинство людей и не догадываются, что ад — временное наказание, после которого ты просто перестаешь существовать. Муки длятся лишь определенное время, и срок зависит от того, что именно ты совершил, заработав поездочку вниз.

Вернув пальцы Элликсу на плечо, я подарила ему крошечное облегчение и наклонилась ближе:

— Я могу сделать так, чтобы это длилось вечно.

Он понимал, что для сделки предложить ему нечего, а выбирать можно между муками еще немного и муками целую вечность. И в конце концов, смиренно опустив голову, решил снискать мою благосклонность.

— Она у меня дома.

— Ложь, — хрипло сказала я, потому что от местного воздуха в горле живого места не осталось. — Там искали.

— Есть комната за камином. Он отодвигается. Это старое убежище из сплошного бетона. Она там. — Когда Элликс снова посмотрел на меня, его лицо выражало одно раскаяние. — Я не хотел ее убивать. Оливию Дерн. Это был несчастный случай.

Он говорил о девочке, которая пропала, когда Колтон учился в школе.

— А с Фэрис что?

— Она была моим вторым шансом. Будто мне дали знак, что я могу искупить вину. Я не причинил ей зла, клянусь. Она ведь вторая Оливия! Проверьте день ее рождения. Вы все поймете.

Я не имела представления, о чем он говорит, но мне было наплевать, потому что ужасно хотелось поскорее выбраться из этой в буквальном смысле богом забытой дыры.

Когда я отпустила Элликса, он бросился за мной, но было уже поздно. Его вплавило в землю, и он стал обгорать по новой.

— Умоляю, заберите меня с собой! — кричал он, но голос звучал будто издалека и очень скоро совсем растворился среди других голосов и криков.

Я отошла подальше и покрутилась вокруг своей оси. Складывалось впечатление, будто вся планета состоит из обугленных, расплавившихся тел. Но внизу под моими ногами, ниже покореженных лиц, сквозь гладкое раскаленное стекло виднелись огромные черные глаза демонов, острые зубы и жесткая блестящая чешуя.

Они шли за мной. Я вторглась на их территорию, и теперь они плыли по морю изувеченных тел все выше и выше, чтобы меня схватить. Отшатнувшись, я упала и обожгла ладони о тлеющую землю. Потом кое-как встала и увидела одного из них. Он шел прямо ко мне. Его кожа, как и моя, темнела на глазах, а плоть плавилась, точь-в-точь как у меня. Но это был не демон. Он шел решительно и целеустремленно, и каждый шаг казался плавным и текучим, как у пантеры. Не веря собственным глазам, я застыла. Уже через несколько секунд Рейес оказался рядом, а его рука сдавила мне горло.

Он ничего не сказал. Ни единого слова. Только держал меня за горло и кипел от злости. Даже здесь я чувствовала его эмоции. Почти на ощупь ощущала его гнев.

Потом мы оказались в пустоши. Рейес ни разу не отвел взгляда, даже когда за нами пробовали увязаться местные узники. Он был слишком быстрым и знал пустошь как свои пять пальцев.

Вернулся мороз. Потемневшая кожа на лице Рейеса начала светлеть. Губы покрылись тонким слоем льда. Темные ресницы замерзли и слиплись. Не успела я и глазом моргнуть, как меня обдало волной жара, а секунду спустя Рейес впечатал меня в стену.

Я застыла, чтобы дать ему время отдышаться. Вспомнить, кто я и что для него значу. Если зверь, которым он был в аду, вернется в полную силу, у меня не останется выбора. Придется его вырубить. Но ведь держал меня не кто-то там, а Рейес. Во всей своей красе. Во всей своей ярости. Это по-прежнему был Рейес.

Он пристально всматривался в меня опасно мерцающими глазами. Я знала, что он пытается взять себя в руки, подчинить эмоции разуму, и готова была ждать столько, сколько понадобится. От тяжелого дыхания поднималась и опускалась широкая грудь. Наконец Рейес сдвинулся с места. Шагнул ближе и крепче сжал пальцы, но недостаточно крепко, чтобы мне стало больно. Наоборот. Вот только он бы слишком зол, чтобы воспользоваться результатами бурлящей в его венах дикой силы. Из его груди вырвалось низкое рычание, а долю секунды спустя он ударил кулаком по стене прямо рядом с моей головой. Появилась вмятина, и с громким хрустом сломался здоровенный металлический гвоздь.

Только теперь я поняла, что мы не одни. Рядом со мной стоял Ош, готовый в любую минуту остановить Рейеса, если тот зайдет слишком далеко. Сразу за Ошем маячил Гаррет. У стиралки переминался с ноги на ногу Ангел и усиленно старался не смотреть в мою сторону. Неужели он меня сдал? Не важно. Я получила то, что хотела.

Была здесь и Куки, от которой густыми волнами шел страх. Она боялась и за меня, и за Рейеса. Он легко мог натворить такого, о чем потом пожалеет, и Куки искренне волновалась за нас обоих.

Внезапно в звенящей тишине раздался едва слышный звук детского дыхания. Мы с Рейесом одновременно повернулись. Куки держала на руках Пип, и прелестное личико дочери действовало, как бальзам на раны, которые мы только что расчесали до крови. Внутри Рейеса разразилась война. Его заметно затрясло, а с ресниц на щеку скатилась крошечная слезинка. Он отвернулся. От всех сразу.

— Все в порядке, — заверила я Оша, коснувшись его плеча. — Правда.

Потом подошла к Рейесу, и он резко схватил меня за руку. Не для того, чтобы причинить боль, а чтобы вместе со мной остановить время. Только так мы могли поговорить без свидетелей.

— Почему? — хрипло спросил он.

— Мне нужна была информация от того человека.

— По делу? — усмехнулся Рейес, словно я сморозила чушь, и отвернулся. — Ты рискнула всем ради какого-то дела?

— Я знала, что мне ничего не грозит.

В мгновение ока он повернулся и схватил меня за волосы. Почти жестоко.

— Если ты действительно так думаешь, то ты просто дура.

Я с вызовом вскинула голову. Его мнение обо мне и о моих поступках порой переходит всякие границы.

— Ты вечно твердишь, что я бог. Если это правда, то какая опасность могла мне угрожать?

Рейес отпустил мои волосы и отошел на несколько шагов. И тут меня осенило.

— Мне ничего не угрожало, но мое тело могло пострадать, так? Если бы я случайно протащила сюда одного из демонов, он мог бы убить мое физическое тело. И ты думаешь, что тогда я бы ушла.

— Я не думаю, Датч. Я знаю. У тебя не будет выбора. Но дело не только в этом.

— А в чем еще? Честное слово, я хочу понять.

Подыскивая правильные слова, он крепко стиснул зубы.

— Я не хотел, чтобы ты видела... мой мир. То место, где я родился. И, черт возьми, я уж точно никогда не хотел, чтобы ты увидела там меня. Потому что там я чудовище.

Ума не приложу, как он умудряется так беситься по пустякам и почему его это так сильно задевает. Страшно захотелось хорошенько его пнуть. Но еще больше хотелось сорвать с него к чертовой бабушке шмотки, потому что ничего сексуальнее того, что открылось мне в аду, я в жизни не видела. Рейес шел по пеплу сквозь дым. И он на самом деле, на все сто процентов был создан из огня. Его тело там было поразительно сильным, а от магнетизма захватывало дух.

Пытаясь прочесть мои эмоции, Рейес сощурился. А может быть, он уже их прочел и подумал, что все неправильно понял. Он подошел ко мне, уперся руками в стену с обеих сторон от моей головы и наклонился так низко, что между нашими ртами остались считанные сантиметры.

— Ты действительно бог, — восхищенно прошептал он, явно понятия не имея, как глубоко я восхищаюсь им.

— А тебя действительно создали из пламени греха.

— Испытываешь отвращение?

— Еще бы, — отозвалась я и за футболку притянула его ближе. — Как никогда в жизни. Просто купаюсь в нем по самую макушку.

Его реакция сказала больше любых слов. Рейес всерьез считал, что его вид в аду будет мне противен. Ага, как же! Неужели он и правда не осознает всей силы своей притягательности?

Внутри него шла нешуточная борьба. Ему хотелось злиться. Хотелось рвать и метать. А вот я могла придумать занятие поинтереснее.

С почти заметной неохотой Рейес покосился куда-то в сторону.

— Возвращается.

Он говорил о времени. Даже такой эксперт, как Рейес, не мог задерживать время надолго.

То, как я отреагировала на его слова, Рейеса просто-напросто ошарашило. Он посмотрел на застывшие вокруг нас лица, опустил руки и вышел из маленькой комнаты. Мне хотелось его окликнуть. Оказалось, я люблю его сильнее, чем вообще себе представляла, и меня до потери сознания бесило видеть, что ему больно. А еще во всей этой кутерьме я совершенно забыла сказать ему о том, что узнала в его мире. В аду Люцифера нет. По одной простой причине: он здесь, на земле.

Как только я пришла в себя, мы с Куки позвонили Кит. Сначала мы в офисе сидели, потом стояли, потом ходили из угла в угол, по очереди держа Пип на руках. Агент Уотерс пытался спорить и при каждом удобном случае напоминал, что Кит чокнутая и попусту тратит со мной время, потому что они уже прочесали дом Элликса вдоль и поперек. Под конец я не выдержала, сказала ему перестать быть козлом и ехать спасать племянницу.

Дом находился в Берналильо, а Карсон с Уотерсом — в Альбукерке, поэтому Кит первым делом послала туда патрульных. Мы с Куки ждали, затаив дыхание. Пришла Джемма и стала ждать вместе с нами. Потом Дениз забрала Пип, чтобы переодеть, и принесла обратно. А нам так никто и не позвонил.

Когда приехал педиатр, я с радостью ухватила за возможность отвлечься. Мы ушли наверх. Врач задал мне тысячу вопросов. Хорошо хоть Дениз была рядом и помогала, чем могла.

Пришел Рейес. По лицу было видно, что ему не по себе после того внезапного бегства из прачечной, и все же взгляд был упрямый, а зубы крепко стиснуты. Мы смотрели, как педиатр ее раздевает (Пип, разумеется, а не Дениз), чтобы провести осмотр. Оказалось, что «разгуливать» голышом нашей дочери не нравится ни капельки. Зато у меня появился еще один шанс хорошенько на нее насмотреться. Я снова пересчитала пальчики на ногах и зацеловала Пип пятки, а Рейес тихонько поглаживал пушок, покрывавший все ее тело. В который раз мы оба поражались тому, какая она удивительная.

— Любопытно, — вдруг заявил доктор с ближневосточным акцентом, и мы с Рейесом одновременно уставились на него.

— В чем дело? — резким тоном спросил Рейес.

— Причин для беспокойства пока нет. Однако у вашей прелестной малышки декстрокардия.

От ужаса я застыла.

— Что-то серьезное?

— Нет, — добродушно усмехнулся врач. — Это всего лишь означает, что ее сердце находится с правой стороны.

Ну да. Я же знала это слово. Просто он застал меня врасплох.

— Сам я никогда такого не видел. — Тут он зачем-то принялся тыкать в Пип пальцами усерднее, чем напрочь взбесил пациентку. — Похоже, все органы расположены зеркально. На всякий случай нужно провести кое-какие анализы.

— Но с ней все в порядке?

— На вид — вполне. Будем знать наверняка, когда вы привезете ее к нам. Завтра утром вас устроит?

Ни Рейес, ни я не знали, что сказать.

— Даже очень, — ответила за нас Дениз.

— А еще у нее весьма необычное родимое пятно.

— Какое еще пятно? — уточнила я, присматриваясь к дочери повнимательнее.

Док посветил фонариком отоскопа на левое плечико Пип.

— Очень-очень светлое. Никогда такого не видел.

Я лишилась дара речи. Мы с Рейесом ошалело уставились на дочь. Светлые, едва

заметные невооруженным глазом завитки и линии с точностью повторяли татуировки Рейеса. На Пип была карта к вратам ада. Ключ от преисподней.

— Блин, страннее некуда, — потрясенно пробормотала я.

— Но я бы сказал, что все в полном порядке, — продолжал док. — У вас была хорошая акушерка. Я только возьму у нее кровь и сразу же оставлю вас в покое.

— Вам нужна кровь моей акушерки?

— Чувство юмора — это замечательно. Значит, вы быстро поправляетесь.

— Ага, на мне все заживает, как на собаке.

— Вот и хорошо. С вами свяжутся, когда будут готовы результаты анализа, но я уверен, что ваша дочь прекрасно себя чувствует. На первый взгляд, ребенок полностью здоров, легкие сильные, сердцебиение в норме, хотя само сердце с другой стороны. Я попрошу своих сотрудников подыскать для вас соответствующую литературу. Завтра все и заберете. — Док достал коробочку для забора крови со скарификатором и маленькой стеклянной колбой. — Часов в девять позвоните мне в офис. Пегги скажет, когда привезти девочку.

— Спасибо, — промямлила я, все еще не отойдя от новостей о «родимых пятнах».

Врач взял кровь из пятки Пип. Я-то думала, это она раньше была в бешенстве. Как только все закончилось, я завернула ее в пеленку и дала бутылочку. Мне казалось, что сейчас не самое подходящее время переводить дочь на диету Угрозы и Уилл Робинсон. Вот когда Пип немного успокоится...

Попрощавшись с доктором, я с отвисшей челюстью уставилась на Рейеса:

— Как?.. Почему?..

— Не знаю, — ответил он и кивнул на Дениз.

— Ну да, точно, — буркнула я себе под нос.

С этим придется подождать. А пока порадую себя тем, что замучаю мачеху вопросами о декстрокардии.

— Это всего лишь означает, — закудаhtала Дениз, — что существует более высокая вероятность врожденных дефектов. По определению, декстрокардия сама по себе является врожденным дефектом, но это вовсе не значит, что с Пип что-то не так. На вид с ней все в полном порядке. Но тесты нужно провести обязательно.

— Дениз, я же тебе говорила, — сказала я, когда мы уже спускались вниз. — Мы не можем отсюда уехать. — Я глянула на Рейеса. От беспокойства черты его лица посуровели. — Что же нам делать?

— Пока не знаю, — ответил он.

— Я отвезу ее к врачу, — предложила Дениз.

Я остановилась прямо на лестнице и обернулась, потому что мачеха была на пару ступенек выше.

— Звери, о которых я тебе говорила, охотятся не только на нас с Рейесом, но и на Пип.

В конце концов, пророчества об уничтожении Люцифера касались именно ее. Главная угроза для него — Пип. Не я. И даже не Рейес.

— Почему?... — начала Дениз, но не договорила. — Чарли, ее нужно обследовать. Декстрокардия значительно повышает риск возникновения всевозможных осложнений. Нельзя просто...

— Мы с этим разберемся, — перебил ее Рейес и потащил меня вниз. Но я точно знала, что волнуется он не меньше моего.

Когда мы наконец спустились на первый этаж, я как можно скорее отвела его в

сторонку и затараторила:

— Не успела тебе сказать. Я кое-что узнала, когда была... ну, сам знаешь где.

При упоминании о моем путешествии на его родину муж ошетинился.

— Твоего папочки дома нет.

Мы подождали, пока Дениз пройдет мимо, и только потом он спросил:

— И где же он?

— Насколько я поняла, здесь.

Целых несколько секунд Рейес молчал.

— Если он в этом мире, нужно как можно скорее переезжать.

— Нельзя, пока Пип не пройдет обследование. Если у нее какое-то серьезное заболевание, мы должны об этом знать независимо от того, куда нам придется уехать.

Рейес понизил голос почти до шепота:

— Если ее найдут, будет уже не важно, здорова она или нет. Она умрет еще до того, как успеют провести хоть один треклятый тест.

— Значит, ее не найдут, — тихо отозвалась я, одним только взглядом умоляя его согласиться.

Часа не прошло, а я опять металась из угла в угол, потому что не могла спокойно сидеть. Не могла не беспокоиться о тестах, которые нужно пройти Пип. О карте под ее кожей. Не могла перестать надеяться, что Фэрис все-таки отыщут. Рейес тоже метался, но где-то на улице, и ломал голову в поисках решения. Если только он не собирается купить все необходимое оборудование, мы будем вынуждены отвезти Пип к врачу. Выбора нет. А весь наш план по побегу на райский остров придется отложить.

Наконец зазвонил телефон, и я бросилась к нему.

— Она жива! — крикнула Кит в трубку раньше, чем я успела сказать «Алло».

Я показала Куки большой палец, и та от радости подскочила со стула. Правда, осторожно, потому что держала на руках Пип.

— Еле дышит, но все обойдется. Чарли... — Голос Кит оборвался из-за бурлящих в ней эмоций. — Даже не знаю, с чего начать. Джонни очень... благодарен вам за помощь. Мы оба благодарны.

— Передайте ему, что я была рада помочь. Кстати, вы же в курсе, что он в вас до сих пор влюблен?

В трубке воцарилась тишина.

— Он... он никогда меня не любил.

— Ага, продолжайте себя в этом убеждать.

— Чарли, я...

— Отпразднуйте. Пригласите его завтра на ужин отпраздновать спасение племянницы. Лучше повода не придумать. Там и посмотрите, что да как.

— Уверена, он будет праздновать со своей семьей.

— И вы — часть этой семьи.

— В общем, я просто обязана знать. Как?

Ясное дело, я понимала, о чем спрашивает Кит, но решила уйти от прямого ответа:

— Это очень емкий вопрос.

— Как вы узнали, где ее искать?

— Обещаю, когда-нибудь я вам все расскажу. Но сегодня это не самая благоприятная тема для разговора.

— Прощу прощения, одну минутку. Что?! — рывкнула Карсон кому-то, кто бы рядом с ней. — Ладно, Чарли, мне пора. Еще раз спасибо.

— Не за что. Обнимите ее за меня. И на всякий случай... Элликс не причинял ей вреда. Вообще.

В трубке раздался облегченный вздох, а за ним очередное «спасибо».

— И еще кое-что! Есть какая-то связь между днем рождения Фэрис и девочкой, которую он убил, когда учился в школе.

Карсон не отвечала.

— Кит, вы там?

— Как вы узнали?

— Узнала о чем?

— Фэрис родилась в тот самый день, когда пропала Оливия Дерн.

— Так вот что он имел в виду! Он принял это за знак...

— Кто? — перебила Кит.

Поскольку Колтон Элликс умер два дня назад, честно ответить на этот вопрос я никак не могла. По крайней мере пока.

— Мой... садовник.

Кит еще немного помолчала, а потом заявила:

— Однажды наступит день, когда вы выложите мне все как на духу.

— Заметано. Ну все, бегите. И отпразднуйте!

Я повесила трубку и рухнула на диван, который мы поставили в угол как раз на такой случай.

— Чарли, — угрожающим тоном сказала Кук, — ты просто обязана все мне рассказать. До последней мельчайшей подробности.

— Говоришь, прямо как Кит.

— Чарли Дэвидсон...

— Да расскажу я, расскажу! Обещаю. Как только сама все переварю. Правда, не знаю, поверишь ты мне или нет.

— Я слишком много видела, чтобы не поверить. — Куки глянула на Пип и заговорила таким голосом, каким обычно разговаривают с детьми: — Да-да, правду тебе говорю. Я такое видела, что взрослые дяденьки намочили бы штанишки. А они, между прочим, подгузников не носят.

Меня так и подмывало рассказать подруге о метках на Пип. Точно до утра не уснет!

*Я в совершенстве освоила
правильный способ все делать неправильно.*

Надпись на футболке

Гаррет, Ош и я сидели за отремонтированным кухонным столом и смотрели на маленькую мисс Пип, которая никак не могла решить, погонять нас еще немного или все-таки поспать. Честно говоря, это было трудное решение даже для нас. А все потому, что она агукала. Никто и ничто на свете не издает такие звуки. И это самая настоящая уловка. Трюк, заставляющий взрослых впадать в умиление и влюбляться.

Надо признать, трюк срабатывает безотказно.

Однако на столе (то есть на пледе, конечно же) наша куколка лежала не просто так, а чтобы все увидели ее родимое пятно. Точнее чтобы я показала его остальным. Оно было едва заметное, и все же эти линии ни с чем нельзя было спутать. На теле Пип, как и на теле ее отца, была карта к адским вратам.

— Ничего не понимаю. Как? — спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь. — В смысле карту «напечатали» на Рейесе, когда его создавали в адском пламени. Как она могла перейти к Пип?

Никто не ответил. Да и вопрос, собственно, был риторический.

К тому же Рейес не мог поделиться мнением, потому что все еще был на улице. А не так давно я и вовсе потеряла его из виду. Может быть, опять пошел ставить эксперименты на адских псах. Зуб даю, им это и близко не нравится. А еще он почти наверняка до сих пор на меня злится. Ну, допустим, смоталась я в ад. Мне ведь нужна была информация, а это самый быстрый способ ее получить. Точнее единственный способ. И благодаря этому мы спасли девочке жизнь. Понимаю, затея сама по себе опасная, но ведь опасность — одно из моих вторых имен. Я-то считала, Рейес к такому давно привык. Думала даже, что ему во мне это нравится. Видимо, ошибалась.

Ясное дело, ему не давала покоя мысль о возможном семейном воссоединении на земле. Встреча лицом к лицу со злобным папашей после разлуки длиной в несколько столетий кому хочешь настроение испортит.

Кстати о настроении. Из-за внимания, которого, между прочим, Пип не просила, она явно стала склоняться к активным вариантам из всего спектра возможностей. Я завернула ее в плед, как буррито, нагрела бутылочку грудного молока, которое сцедила чуть раньше, и мы пошли гулять по дому, воркуя обо всем на свете. Правда, это больше смахивало на театр одного актера, потому что второй в процессе наедался до отвала.

Дядя Боб забрал Квентина в Санта-Фе. Куки с Эмбер тоже уехали. Эмбер, и величайшему ее огорчению, нужно было завтра идти в школу, а Куки собиралась пробежаться по магазинам, что-то приготовить и привезти сюда.

Клянусь, однажды я подумывала о том, чтобы попробовать свои силы на поприще кулинарии. Однажды.

Пип все еще кушала, поэтому мы продолжали бродить по дому. Отчасти потому, что поглядывали в окна, надеясь увидеть ее папу, и отчасти — чтобы избавиться от нервного напряжения. Походом в ад я причинила Рейесу боль, и это лишь половина проблемы. Каким-

то образом мы оказались в прачечной, и я, как могла, объяснила Пип, зачем нужны стиральная машина и сушилка. Потом включила сушилку и положила на нее дочь. Вибрации подействовали, как колыбельная.

— Ну уж нет, — сказала я, опять взяв Пип на руки. — Ты еще не срыгнула. Если я не дам тебе срыгнуть, меня арестует полиция по срыгиваниям, и тогда...

Фразу я не закончила. Именно в той стене, в которой Рейес проделал дырку, была врезана дверь в чулан. Должно быть, сломав гвоздь, он привел в действие какой-то механизм, потом что сейчас дверь была чуточку приоткрыта.

— Ну наконец-то, — вздохнула я, подходя с Пип к загадке века, и спросила: — Как думаешь, мы готовы узнать, что там?

Дочь не ответила.

Я сдвинула тяжелую дверь, и заскрипели ржавые ролики. Теперь понятно, почему эта зараза не открывалась, когда мы на нее давили. Дверь была узкая, но тяжелая, в толщину — не меньше семи сантиметров. Я заглянула внутрь и... ни капельки, блин, не впечатлилась.

— И это все? — спросила я у Пип.

Потом достала из кармана сотовый и включила фонарик. За дверью оказалась крошечная круглая комнатка с кучей пыли и паутины. Правда, кое-что почти интересное было — сводчатый потолок. Но ни одной полочки, ни единого шкафчика, ни намека на трупы. Вообще ничего.

— Ну и зачем, бога ради, сделали эту комнату?

Так и не найдя выключателя, я вошла внутрь и задвинула дверь. О том, что она снова не откроется, я почти не переживала, потому что уже поняла, как она работает. В общем, мы с Пип немного постояли, потом покрутились туда-сюда. Напрочь разочаровавшись, я открыла дверь.

— Что ж, — осмотревшись напоследок еще разок, я вышла из комнатки, — в общем и целом, абсолютно бесполезное помещение.

Развернувшись, чтобы уйти, я едва не наткнулась на всех тех, кто остался в доме. И смотрели они на нас с приоткрытыми ртами.

— В чем дело? — спросила я, вытирая лицо и приглаживая волосы. — Ну?

— Твой свет, — наконец подал голос Ангел. — Пока ты была внутри, он полностью погас.

— Правда? — Я повернулась к чулану. — Странно, да?

Ош зашел в комнатку.

— Ни черта не понимаю. У твоего света нет границ. Он вечный и постоянный. Нет ничего, что могло бы его скрыть. Именно поэтому его видят из тысяч других миров.

Я подняла руку и показала на себя:

— Но я-то не вижу.

— Попробуй еще раз, только осторожно, — велел даэва, ни с того ни с сего проникшись недоверием к чулану.

Надо признать, комнатка действительно казалось чуточку зловещей. А вдруг это портал в ад? Или чулан для швабр? Чуланы для швабр всегда казались мне подозрительными. Зачем швабре собственный чулан?

Я опять зашла внутрь, закрыла дверь и стала ждать сигнала. Ничего такого мы не обговаривали, но наверняка мне дадут знать, когда выходить. Впрочем, я уже начинала думать, что нас как-то одурачили, как вдруг позади услышала мужской голос:

— Привет, милая.

По коже побежали мурашки. Медленно-медленно я повернулась.

— Папа! — пискнула я и обняла его одной рукой за шею.

Он рассмеялся и осторожно, чтобы не раздавить драгоценный сверточек, обнял меня в ответ. Потом посмотрел на упомянутый сверточек, и в его глазах блеснули слезы, а выражение лица ясно говорило о гордости.

— Боже мой...

— Пап, почему ты здесь? — спросила я.

Он словно очнулся и улыбнулся:

— Это что-то вроде бункера. Снаружи нас никто не увидит. А чтобы услышать, о чем мы говорим, придется в прямом смысле слова сюда зайти. Даже призракам. Но тогда ты их точно заметишь.

— Серьезно? Это самая классная комната на свете! Так что с тобой случилось, пап?

Он погладил меня по волосам.

— На это нет времени, милая. Если ты как можно скорее отсюда не выйдешь, народ снаружи точно вынесет дверь.

— Ой, да, ты прав. Погоди-ка. — Я приоткрыла дверь и увидела на лицах благоговейный ужас. — Буду через минутку.

Ош сощурился, словно перестал мне доверять:

— И что ты там делаешь?

— Размышляю о вечном.

Закрыв дверь, я повернулась к папе. Прикоснулась к его лицу, и ощущение холодной кожи напомнило мне, в каком он сейчас состоянии.

— А теперь рассказывай. Что случилось? Кто тебя убил?

— Первым делом, ты должна знать, что есть шпионы.

— Я знаю, ага. Одного даже раскрыла. Шпионка жила у меня в шкафу.

— Она была не одна.

Это я тоже знала. Правда, не так чтобы очень давно.

— Дафф.

— Да.

— Еще есть?

— Думаю, пара-тройка на лужайке. Честное слово, тут как будто холодная война в разгаре.

— Минуточку! А ты тоже шпион? Хоть на хороших парней шпионишь?

— Я шпионю на тебя, солнышко, — усмехнулся папа. — Только я и понятия не имел. — Он опять взглянул на Пип. — Даже не представлял...

— Ладно-ладно. Так кто тебя убил?

Он покачал головой:

— Я не хочу тебя в это втягивать. Ты слишком важна. Она слишком важна.

— Пап!

— Чарли...

— Ну пап...

— Чарли.

— Папа! И да, я так могу целый день. — Я взяла его за руку. — Чтоб ты знал, ты не можешь исчезнуть, пока я к тебе прикасаюсь.

— Правда? — удивился он.

Я приподняла брови.

Папа отвернулся, словно больше не мог смотреть мне в глаза.

— А знаешь, ты всегда меня поражала. С самого рождения ты была не похожа на других. И я это понимал.

— Пап, — опять повторила я.

Не было у нас времени на прогулки по бульвару воспоминаний. Я хотела знать, кто убил моего отца, и упомянутый отец, черт побери, все мне расскажет.

— Дай мне минуту, милая. Ты должна понять, что к чему.

— О'кей.

Я прислонилась спиной к стене и передвинула Пип, но папу не отпустила. Может быть, теперь вообще никогда не смогу его отпустить. Я переплела наши с ним пальцы и стала ждать, когда он выговорится.

Однако заговорил он не сразу. На ресницах собрались слезы.

— Когда ты начала помогать мне раскрывать преступления, люди стали замечать. О тебе, конечно, никто ничего не знал, но некоторые копы сообразили, что мне... помогают. Один из них был продажным. Рассказал все бизнесмену, который ему приплачивал. И тот человек очень мной заинтересовался.

— И все потому, что я помогала тебе с делами?

— И да, и нет. — Папа смущенно опустил голову. — Ты помогала и по-другому. Причем об этом даже не догадывалась.

— В каком смысле?

— Чарли, я не всегда... То есть я совершал ошибки. А иногда... сильно себя переоценивал.

На этот раз голову опустила я.

— Это как-то связано с ипподромом в Руидозо-Даунс^[13]?

— Как ты узнала?

Я пожала плечами:

— После этого ты изменился. Когда вернулся из «похода» домой, на тебе лица не было.

— Ну да, ты же чувствуешь чужие эмоции.

Я кивнула.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что и без того была тем еще фриком.

— Чарли, тебя можно назвать как угодно, но только не фриком. И все же это не объясняет, как ты поняла, что случилось в те выходные.

— Чтобы сложить всю картинку, понадобилось несколько лет. Но в итоге до меня дошло, зачем ты ездил в Руидозо. Там есть только три вещи: шопинг, кемпинг и азартные игры. Так что же там произошло?

Папа снова стыдливо поник.

— Я получил то, что в игорном деле называется «верняк».

— Но ты ведь не игрок.

— Как правило, нет. Но тогда мне дали конкретную наводку. Парень сказал, все подстроено.

— То бишь верняк.

— Именно. Плюс я собственными глазами видел, как по одной простой подсказке он

выиграл целое состояние. В общем, я поставил все.

— И проиграл.

— Глазом моргнуть не успел.

— Как же ты открыл бар? Я думала, ты вложил в него какие-то сбережения.

— А вот тут на сцену вышла ты. Тот бизнесмен предложил мне заплатить в два раза больше, чем я проиграл. За одно имя.

Я наигранно ахнула:

— Ты меня использовал!

— Чарли, это не смешно.

— Ну да, извини, пап. Но ведь все не так плохо.

— Еще как плохо, и даже хуже.

— Вот оно что! — начала понимать я. — Значит, ты назвал чье-то имя и оказался в долгу у этого бизнесмена. Мало того, он знал, что у тебя есть секретное оружие.

— Да. Я его убедил, что у меня есть тайный осведомитель.

— А с первым парнем что случилось? Ну, с тем, чье имя ты сдал?

От стыда папа стиснул зубы.

— Пропал без вести. Так и не нашли.

— Мне очень жаль, пап.

— Теперь ты понимаешь, почему я так рано вышел на пенсию. Я сказал этому бизнесмену, что потерял доступ к своему осведомителю.

Меня пришибло шоком.

— Па-а-п! Он ведь мог тебя убить!

— Что он, собственно, и сделал, — печально улыбнулся папа.

На этот раз я ахнула по-настоящему:

— Что на самом деле произошло?

— Он слетел с катушек. Хотел узнать, кто мой информатор.

— А ты не сказал. Значит, твоя смерть тоже на моей совести. Как и мамина.

— Ну уж нет, Чарли. После того, через что ты недавно прошла, ты не можешь всерьез винить себя в смерти мамы.

Он прав. Пип стоила всех рисков, которые на каждом шагу сопровождают беременность.

— А ответственность за мою смерть целиком и полностью лежит на мне. Всему виной мои собственные ошибки. Я никогда не был идеальным.

— Был. В моих глазах. — Я наклонилась вперед. — И до сих пор таким остаешься.

— Чарли, я годами использовал тебя ради продвижения по карьерной лестнице. Это точно не делает меня отцом года.

— Мы берем то, что дают. Неужели ты серьезно думаешь, что я могу на тебя злиться? То же самое я бы делала и сегодня. Ты никогда не подвергал меня опасности. Зато ловил плохих парней, к которым я тебя приводила. Мы делали хорошее дело.

— Ну конечно. И привести меня к этим плохим парням просил тебя я. А это само по себе подвергало тебя опасности.

— А ты винишь дядю Боба за то, чем он занимается? Или, скажем, спецагента Карсон? Или даже этого ее ФедЭкса?

— Нет, но ты уже взрослая, солнышко. Все теперь иначе. В большинстве случаев ты прекрасно понимаешь, во что ввязываешься. Я же использовал тебя ради карьеры и никогда

не рассказывал, что стоит на кону. К тому же есть еще Дениз...

— А с ней-то что?

— Надо было быть жестче. Нельзя было позволять ей так себя вести. Но я чувствовал ее страх. Она верила, Чарли. Всегда в тебя верила. И для нее это оказалось большой проблемой.

— Мы с Дениз как-нибудь разберемся.

— И за это я тебе очень благодарен. Твое сердце намного больше, чем некоторые думают.

— Вот и я о том же, — согласно закивала я. — И все-таки, кто спустил курок? И кто этот бизнесмен?

— Хватит. Я серьезно. Твой дядя на верном пути благодаря тебе и твоей анонимной наводке. Ты уже достаточно сделала.

Папа улыбнулся маленькой принцессе, которая только что решила поагукать.

— Ну вот, — сказала я ей, вытирая ротик уголком пледа, — кто-то срыгнул.

— Не переживай, Пип, — сказал папа. — То, что происходит в чулане, остается в чулане.

Дверь сдвинулась, и я увидела все ту же банду со все теми же лицами.

— Мы тут, вообще-то, волнуемся, — заявил Ангел.

Я оглянулась, но папа уже исчез. Зато на моей одежде и на пледе Пип остался его запах.

Ош зашел в чулан и покрутился вокруг своей оси.

— Серьезно, какого черта?

— Понятия не имею, но нам надо все хорошенько обмозговать.

На этот раз мне самой пришлось выследить Дениз и передать ей на время Пип, чему мачеха несказанно обрадовалась. А мы с Ошем отправились на охоту, но сначала нашли укромное местечко в офисе, чтобы не вызвать у Дениз подозрений.

Нужного призрака я нашла в два счета. Просто призвала и, едва он появился, схватила за руку, чтобы не вздумал испариться.

— В ч-чем дело? — обалдел Дафф, и его глаза за стеклами очков превратились в блюдца.

— Выкладывай.

— В с-смысле?

— И кончай уже заикаться, — добавила я. — Ну? Перед кем отчитываешься?

Он посмотрел на свою руку, потом опять на меня.

— Ты не представляешь, каково там, внизу, — заговорил Дафф, явно надеясь вызвать во мне сочувствие. — Горишь заживо.

— Очень даже представляю. Буквально недавно была там с частным визитом.

Ему хватило ума прикинуться шокированным.

— Вот только не притворяйся, будто ты не в курсе.

— У меня не было возможности подолгу тут задерживаться. — Дафф мрачно покосился на Ангела. — Рейазиэль все понял и посадил пацана мне на хвост. Куда ни гляну, везде он торчит.

Я посмотрела на Ангела:

— Так в этом все дело?

Тот пожал плечами:

— Приглядываем еще за парочкой.

— Приглядываем?

— У Рейазиэля целая армия шпионов, которые следят за другими шпионами.

— Почему он мне ничего не сказал? — обиделась я. — Я думала, речь о чем-то ужасном. Например, вы могли решать, в какой дурдом меня упечь, когда родится Пип.

— Это мы решили давным-давно, — рассмеялся Ангел.

В офис пришел Гаррет с планшетом в руках:

— Попался. Дафф Ньюман. Казнен за убийство женщины и ее дочери в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом.

— Ай-я-яй, Дафф, — поцокал языком Ош, — как это некрасиво!

Я повернулась к шпиону:

— А теперь с чувством, с толком, с расстановкой. Перед кем ты отчитываешься?

— Если скажу, он отправит меня обратно.

— В ад? — уточнила я. — Ты все равно туда вернешься, дружок. А там, как тебе известно, жарко. Значит, наверняка ты захочешь что-нибудь придумать. Например, раздобыть особую мазь.

— Зачем оставлять его в живых? — удивился Ош. — Я бы с радостью осилил десерт.

— Уверен?

— На все сто, — ухмыльнулся даэва, и Дафф, внезапно перепугавшись, попытался вырваться.

— Минуточку. — Я опять уставилась на Ангела. — Ну серьезно, почему вы мне ничего не рассказали?

Он опустил голову.

— Ты чересчур безрассудна.

— Чего? — оскорбилась я до глубины души.

— То есть легкомысленна, — исправился он, не в силах посмотреть мне в глаза. — Ты рискуешь ради людей, которых едва знаешь. Мы не могли...

Ангел не договорил, и я закончила за него:

— Вы не могли мне доверять.

Он не ответил. А я и не ждала.

— Что ж, ваше решение едва не стоило мне жизни. Спасибо вам огромное.

— Извини.

Все эмоции исчезли под натиском неопишуемой ярости. Не откалывая в долгий ящик, я поставила на Даффе метку. Одна мысль — и появился символ.

— Забирай, — сказала я Ошу.

Даэва подошел к Даффу, который именно в этот момент решил побороться и умудрился вырваться, но Ош уже держал его за горло, а мгновение спустя прижал к стене точно так же, как Шейлу.

Сжав подбородок Даффа, даэва творил какое-то вулканское объединение разумов, чтобы призрак не дергался. В конце концов Дафф застыл.

— Лучше так, чем сгореть заживо, — сказал ему Ош.

Однако соглашаться Дафф явно не спешил и замотал головой, дрожа от страха:

— Нет, так хуже, хуже!

Ничего не понимаю. Я же видела ад. Так почему то, что с ним делает Ош, хуже?

— Интересно, что сказали бы люди, которых ты убил?

Но ответить Дафф не успел. Ош уперся рукой в стену над его головой, прижался к нему, как к любовнику, и впился ему в губы. Высасывание души из Шейлы показалось мне возбуждающим, но то, что происходило сейчас, не шло ни в какое сравнение с предыдущим разом. Меня с ног до головы обдало жаром, который разлился в животе, а Ош все держал Даффа за горло, не отрываясь от его губ. Потом чуть-чуть отстранился, как и в первый раз, и между ртами засиял голубоватый свет. Кулаки Даффа разжались, глаза неподвижно смотрели в потолок. Ош забирал у него все. Постепенно Дафф начал рассеиваться. Рассыпался на мелкие частички, и они поплыли по воздуху, пока от призрака не осталось ничего.

Ослабев и тяжело дыша, Ош прижался лбом к стене, а я стояла посреди монастыря, то есть в доме Господнем, и сгорала от стыда из-за самых порочных за последнее время мыслей. Мальчик с мальчиком, значит. Кто бы мог подумать?!

— Мне надо в душ, — промямлила я, вдруг осознав, что покраснела, как вареный рак.

Ош оглянулся:

— А знаешь, что замечательно пошло бы после Даффа со вкусом кебаба?

— Даже знать не хочу, — проворчала я, направляясь к двери.

— Вишневый пирог, — рассмеялся мне вслед даэва. — Кислый вишневый пирог.

— Придурок.

Он точно знал, что это было сексуально. Зуб даю, специально устроил целое шоу.

Через пять секунд под струями воды я начала стонать. Вслух. Оказалось, мне позарез нужен был душ хотя бы для того, чтобы расслабить сведенные судорогами мышцы. В голове пульсировало от догадок, куда подевался Рейес. Может быть, опять разговаривает с престарелой парочкой. Вряд ли Ангел имел в виду Лоэров. Назвать их стариками у меня бы язык не повернулся, а в устах Ангела люди, с которыми постоянно встречался Рейес, казались прямо-таки древними. Да и не мог мой муж узнать о Лоэрах. Я сама-то узнала о них буквально недавно, а Рейес давным-давно отчетливо дал понять, что никакого общения с ними не желает.

Я выключила воду, завернулась в полотенце и проверила телефон. Ни звонков, ни сообщений. Может быть, оно и к лучшему.

Оставалось лишь надеяться, что с Рейесом все в порядке. Вот интересно, а может он, как и Ош, высосать душу из какого-нибудь парня так, чтобы я посмотрела? Зрелище было бы... М-мм, ну да, занесло меня. Протерев запотевшее зеркало, я уже собралась сушить феном волосы, по которым давно плачут ножницы, как вдруг чирикнул мой сотовый.

Сразу подумалось, что сообщение могло прийти от Рейеса. Я не на шутку приободрилась, нечаянно столкнула телефон с полки и с ужасом смотрела, как он летит прямо в унитаз. Глазом не моргнув, я остановила время, подхватила телефон и вернула время на положенное место.

Да уж. У того, чтобы быть богом, есть свои плюсы.

Проведя пальцем по экрану, я открыла сообщение, и мой мир развалился на куски.

«Не двигайся».

Первую строчку, казалось, написал какой-то безобидный шутник. Но мир уплыл из-под ног благодаря тому, что было написано дальше.

«Держи язык за зубами».

Отправитель был неизвестен, номер — заблокирован.

«Никто из твоих друзей не должен узнать об этом сообщении».

По спине пополз страх и сосредоточился где-то в затылке.

«Следи за эмоциями, иначе мисс Ковальски и ее дочь умрут».

Кто бы ни прислал сообщение, он прекрасно знал меня и моих друзей. А еще знал, что любой эмоциональный всплеск может вызвать на подмогу целую кавалерию. Такое знает далеко не каждый.

Однако в следующем сообщении была картинка, и страх, до сих пор царапавший мне шею, вспыхнул, пробудив в теле каждый нерв. Ноги подкосились. Пришлось сесть на бортик ванны.

Куки и Эмбер похитили. На фото они сидели рядом в каком-то темном помещении. Резкий свет высвечивал только лица. Руки обеим связали за спиной, в рот засунули кляпы. Лица были грязные, а на коленях лежала газета. Дату я рассматривать не стала. Вряд ли у того, кто так постарался, чтобы организовать похищение, не нашлось бы свежей газеты.

Я все смотрела и смотрела на фотографию, на которой дорогие мне люди пугливо жались друг к другу. Эмбер, не скрывая ужаса, смотрела прямо в камеру, а Куки — на похитителя. По тому, как она свела брови, было ясно, что она дико боится за дочь. Одно плечо Куки было чуть впереди, словно она хотела защитить Эмбер. И довольно быстро я поняла почему. Как минимум у одного преступника был пистолет, который я еле-еле рассмотрела в верхнем правом углу. И нацелен он был прямо в голову Эмбер.

Чуть не разрыдавшись в голос, я закрыла рукой рот, и под картинкой появилось еще одно сообщение: «Уверен, мы привлекли твое внимание. А теперь спокойно выйди на улицу, сядь в машину и двигай к заброшенной заправке у подножия горы, прямо перед поворотом на Сан-Исидро. Если кто-нибудь поедет за тобой или хотя бы догадается о том, что происходит, им не жить. У тебя десять минут».

Напялив грязную одежду, я пулей вылетела за дверь, чудом заставила себя идти с относительно нормальной скоростью и даже выдавила улыбку, заметив выходящего из кухни Гаррета. Уже на лестнице он притормозил:

— Все путем?

Ключи от моей Развалюхи, вишневого джипа «вранглер», висели на крючке у главного входа. Восемь месяцев я не сидела за рулем, но примерно раз в две недели Гаррет выводил ее на прогулку, чтобы все работало, как надо.

Тяжело сглотнув, я кивнула и направилась в кухню переждать, пока Своупс не поднимется на второй этаж. А как только он исчез из вида, метнулась в коридор, схватила ключи и выскочила на улицу.

Солнце висело почти над самым горизонтом. Прыгнув в Развалюху, я завела ее с первого раза и потихоньку стала задом выезжать с подъездной дорожки. Сохранять внешнее спокойствие было мучительно, но вызывать подозрения не хотелось, поэтому изо всех сил я старалась не торопиться. Надеюсь, что даже если кто-то и заметит меня, то подумает, что я просто переставляю машину на другое место. А тем временем умираю прямо за рулем. Страх был такой мощный, что казалось, меня вот-вот вырвет.

Совершенно точно я даже не пыталась подавлять свои эмоции, и, тем не менее, Рейес до сих пор не появился. Видимо, злился на меня сильнее, чем я думала. И все же никогда, даже в самом злющем состоянии, он не бросал меня в беде. Понятия не имею, почему он до сих

пор не материализовался рядом, но из-за этого испытывала и облегчение, и тревогу одновременно.

По горе я спускалась со скоростью сорок километров в час, но на ближайшем же повороте набрала все сто двадцать.

Словно из ниоткуда появился мотоцикл. Водитель помахал мне, требуя остановиться, но я не обратила на него внимания и утопила педаль газа в пол.

Лихо объехав встречную машину, мотоцикл меня обогнал, и водитель опять помахал в сторону обочины. Я же смотрела только вперед. А вдруг он один из похитителей? В зеркале заднего вида показались еще два мотоцикла, которые быстро набирали скорость. Я всерьез думала ударить по тормозам, чтобы сбить лихачей к чертовой матери, но боялась потерять драгоценное время. Чтобы добраться до подножия горы оттуда, где мы сейчас находились, уйдет больше десяти минут, а значит, у меня в запасе не было ни секунды.

Когда появился последний поворот, откуда до заправки оставалось каких-то несколько минут, первый мотоцикл резко свернул прямо под носом у Развалюхи. Инстинкты взяли верх. Я крутанула руль вправо, но места для того, чтобы выровнять машину, не хватило, и мы, подпрыгивая на каждой кочке, полетели прямо в овраг, на дне которого Развалюха наконец остановилась. Меня рвануло вперед. Ремень безопасности больно впился в плечо, и я стукнулась лбом о руль.

Кто-то постучал в окно, несколько раз дернув за дверную ручку. Я попробовала заново завести Развалюху, но ничего не вышло.

— Чарли, черт тебя дери!

В конце концов я повернулась и увидела Донована. Байкера Донована. Моего Донована. Но ведь это же бред! Что ему тут делать? Я оглянулась и, ясное дело, увидела двух его корешей — Эрика и Майкла. Не так давно все они жили рядом с заброшенным дурдом, где в свое время вырос Рокет. Донован был хозяином моей хранильницы, ротвейлерши Артемиды. Жил он на всю катушку, как и большинство байкеров, но сердце у него золотое. Если бы не те ограбления банков, он бы до сих пор, так или иначе, присутствовал в моей жизни.

— Берегись! — крикнул он через стекло, а мгновение спустя разбил окно натянутым в кожу локтем.

Потом открыл замок, распахнул дверь и вытащил меня из Развалюхи. Само собой, я кричала и отбивалась, но Доновану помогал Эрик, которого я по привычке называла греческим принцем.

— Какого черта вы творите? — заорала я, едва почувствовав под ногами землю. — Мне надо ехать! Куки и Эмбер похитили!

Чтобы успокоить меня, Донован поднял руки ладонями вверх.

— Кто их похитил?

Но придумать колкий ответ я не успела. Зазвонил сотовый. Трясущимися руками я достала телефон из кармана и увидела номер Куки.

— Кук! — крикнула я в трубку и уперлась рукой в Развалюху, чтобы не упасть. — Что происходит? Чего они хотят?!

— В смысле? Ты о чем, Чарли? С Пип все в порядке? Боже мой! Что-то случилось (Пип?!

— Да нет же! Минуточку! Где ты? Тебя же похитили. Тебя и Эмбер.

— Чего? — взвизгнула Куки и уронила телефон. Я услышала быстрые шаги, потом

отчаянный голос и еще несколько шагов. — Черт тебя дери, Чарли! — тяжело дыша, продолжала Кук. — Если это какая-то шутка...

— Так тебя не похищали? Кук, ты... с вами все путем?

— Ясное дело.

— Где Эмбер?

— Здесь. Как раз собираемся ехать к вам. Я звоню узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь, пока мы еще в Альбукерке.

От облегчения я рухнула на колени и заорала на подругу:

— Тогда зачем вы позировали для той фотки? Это же какой садисткой надо быть!

— Чарли, ты меня пугаешь.

— Добро пожаловать в клуб. Фотка просто жуть. И у тебя на ней один глаз красный.

— Солнце, о какой фотке речь?

Донован присел рядом со мной на одно колено и положил ладонь мне на спину.

— Так в чем дело-то? — спросила Куки, но я уже смотрела на своего байкера.

Надо же! Донован... Донован?..

Я моргнула, прекрасно зная, что у меня отвисла челюсть. Вряд ли это очень уж привлекательно.

— Что вы здесь делаете? — спросила я, по очереди оглядывая трио.

Эрик подошел ближе. Вся его стройная фигура с головы до ног излучала напряжение. Майкл, как обычно, оставался в стороне, прислонившись к своему «харлею». Руки он сложил на груди и лукаво ухмылялся:

— Вижу, все еще учиняешь разгромы.

Наконец я поднялась на ноги и бросилась Доновану на шею. Он оторвал меня от земли и крепко обнял.

— Почему вы все здесь? — спросила я, когда меня поставили обратно. — Вы же в розыске. Вам никак нельзя тут маячить.

— То же самое мы объясняли мужику, — кивнул Эрик, — но нас никто не слушал.

Я покачала головой, пытаясь разобраться в тысяче слоев информации сразу.

— Какому еще мужику?

— Твоему, родная, — усмехнулась Донован. — Все это время мы прятались буквально через дорогу. Так сказать, оставались начеку.

— То есть вас попросил приехать Рейес? И что значит «начеку»? Зачем?

— Как раз за этим, — все еще ухмыляясь, ответил Майкл. — Он нам сказал, что у тебя есть дурацкая привычка сбегать в самые неподходящие моменты. Судя по всему, он был прав.

Ответ меня ошарашил. Я даже не знала, что сказать. Зачем Рейесу просить о помощи этих парней? Он же знает, что у меня к ним слабость. Причем капитальная слабость под названием «Донован офигительно целуется».

И тут меня осенило. Никто не похищал ни Куки, ни Эмбер. А значит, кто-то хотел выманить меня со святой земли. Кто-то хотел меня убить. Я покрутилась вокруг своей оси. Посмотрела на дорогу, по которой только что ехала. Прислушалась к звукам, ожидая услышать леденящее кровь рычание и клацанье огромных зубов, обещающих скорую расправу. Я, видите ли, внезапно вспомнила, почему мне нельзя выходить с территории монастыря. Но услышала только шепот ветерка в деревьях и пение птиц над головой.

Очень-очень медленно до меня начало доходить. Дюжина не пошла за мной не просто

так. Псам нужна Пип. Моя рука взлетела ко рту, и меня всю сковало парализующим страхом.

— А чем дело, родная? — спросил Донован, вырвав меня из ступора.

— Мне нужно вернуться. Сейчас же!

Я метнулась к Развалюхе, но Донован успел обнять меня за талию и подтолкнул к своему байку.

— Я тебя отвезу. А за джипом мы потом вернемся.

— Да, точно. Отличная идея. — Я запрыгнула на «харлей», обняла Донована обеими руками и отчаянно попросила: — Только, пожалуйста, как можно быстрее.

Через секунду Один, байк Донована, ожил с оглушительным ревом.

— По-другому я не люблю! — крикнул через плечо Донован, и мы сорвались с места.

Только тогда я и вспомнила, что Куки все еще висит на телефоне, а сам телефон валяется где-то в траве.

*Если ты меня переедешь, я, как матерый енот-суицидник,
загажу тебе к черту весь бампер.*

Надпись на футболке

Как только мы остановились, я прыгнула с байка и помчалась к двери, хотя Донован настаивал на том, чтобы пойти первым. Внутри я увидела именно, что и ожидала увидеть. Мои глаза сразу заметили окровавленные тела Оша, Гаррета и Рейеса. Дениз сидела в углу и тряслась от непереносимого страха. Вокруг колыбельки Пип стояли все двенадцать адских псов, которые, по идее, не могут ходить по священной земле.

Легкие сжались. Серебристо-черный мех поблескивал на огромных головах, которые то появлялись, то исчезали и больше смахивали на тени, чем на части тел живых существ. В тусклом свете сверкали огромные острые клыки. Меня затрясло от кошмарного ужаса. В глазах поплыло. Ноги задрожали, и я опустилась на пол на одно колено.

Вариантов осталось негусто. Что же мне делать без Оша, Рейеса и Гаррета?

Я могу остановить время, но едва сделаю один шаг к Пип, псы успеют приспособиться. Я могу выпустить на свободу свой свет, который на серебристо-черный мех прольется, как кислота, но твари залижут раны быстрее, чем я доберусь до дочери. Я могу предложить взамен свою жизнь, но можно ли торговаться с псами? К тому же Пип нужна Люциферу, и все из-за нескольких треклятых стишков, которые написал никому не известный парень сотни лет назад. Зачем Сатане я, если в его руках окажется то самое создание, которому суждено его прикончить? Ну или не у него в руках, а в когтях адских псов.

Рядом со мной появилась рычащая Артемида со вздыбленной холкой.

Гаррет все еще лежал без сознания, зато Ош медленно поднялся, отряхнулся и изобразил широкую улыбку:

— Как раз ради такого дерьма и живу.

Вот только смотрел он вовсе не на псов. Более того, чудища вели себя вполне непринужденно. Смотрел Ош на Рейеса, который тоже медленно встал на ноги, хрустнул шеей, повел плечами и потрогал челюсть.

Ничего не понимая, я часто заморгала. Неужели Ош нас все-таки предал? Рейес с самого начала не хотел ему доверять, но я знала, что даэве можно довериться, и искренне считала, что он на нашей стороне.

Я тоже встала. Надо попробовать с ним договориться. С Ошем. Потому что вряд ли можно договориться с Дюжиной.

— Чарли, нет! — крикнула Дениз и начала вставать со своего места, но я подняла руку, чтобы ее остановить.

И все же крика мачехи хватило, чтобы все в доме насторожились.

— Наконец-то, — выдохнул Ош, когда за моей спиной появились байкеры, и, тяжело дыша, согнулся пополам.

Пару секунд Рейес смотрел на Оша и на байкеров, а потом повернулся ко мне. И внезапно я все поняла. Тот, кто стоял передо мной в теле Рейеса, не был моим мужем.

Долго-долго он пристально всматривался в меня, а я видела то, что можно увидеть только во сне. По широким плечам, словно плащ, струился черный туман, собираясь

лужицей у ног. Тот, кто стоял передо мной, приоткрыл рот и провел языком по нижней губе. Точнее по нижней губе Рейеса.

Ну все, хватит с меня игр в гляделки.

— Люцифер, как я понимаю.

— Ты гораздо красивее в истинном воплощении, но и это ничего. Уверен, мне понравится, какая ты на вкус.

— Что ты сделал с моим мужем?

— То есть с моим сыном? Видишь ли, я создал себе сына и возложил на него определенную миссию, но он даже с этим не справился.

— Как-то мне не кажется, что ты слишком уж разочарован.

Ко мне потихоньку подбирался Ош. Люцифер бросил на него безразличный взгляд и спросил у меня:

— Почему я должен быть разочарован, если мой сын сделал именно то, на что я рассчитывал? Он никогда не выполнял мои приказы. Так почему же с приказом убить тебя должно быть иначе?

— То есть ты знал, что он не подчинится?

— Такова его природа. Он не из тех, кто покорно следует правилам. И я знал, что он захочет быть с тобой — с вэл-итх, последней из своего рода, самой прекрасной и единственной настоящей призрачной богиней из всех, что существовали с начала времен. Его всегда привлекали сила и власть.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, что ты первый бог чистого света, первый настоящий призрачный бог, порожденный двумя другими призрачными богами. И я знаю, что ты тринадцатая. Ты унаследовала силу всех богов своего мира, и все же сейчас стоишь передо мной и играешь со мной в игры. Я польщен и поражен тем, как много значат для тебя все эти людишки, раз ты рискуешь жизнью ради них. Наверняка ты понимаешь, что бросила свой мир беззащитным и уязвимым. Как знать, что ты там увидишь, когда вернешься?

— Чего ты хочешь?

— Желаний у меня много. С чего бы начать?

Весь разговор я едва дышала. Это же Рейес! Его голос, его прекрасное лицо. Но в нем больше не было ни привычных жестов, ни убеждений, ни сострадания. Тот, кто стоял передо мной, ни капельки не был похож на моего мужа. И все же я снова и снова спрашивала себя, почему все в этой комнате, включая и мою драгоценную дочь, до сих пор живы. Люцифер мог натравить на нас своих псов в любую секунду. Так чего же он ждет?

— Впрочем, все, чего я хочу, находится здесь. Я наконец-то занял тело собственного сына, а это, вынужден признать, оказалось сложнее, чем я ожидал. Для начала пришлось ослабить его, заставить так сильно беспокоиться о тебе и вашем создании, чтобы он не мог спать. Понятия не имел, что понадобятся месяцы, но игра стоила свеч. Сама посмотри. — Люцифер потянулся, словно испытывал на прочность новое тело. — Полагаю, он не менее красив, чем я.

— А по-моему, намного красивее.

— Что ж, может быть, ты права. Я сделал правильный выбор. Хотя мог бы выследить чемпиона, даэву-беглеца, и вместо сына взять его. Однако сомневаюсь, что мне к лицу столь юный возраст.

Признание Люцифера удивило Оша, который явно не подозревал, что вообще

рассматривался в качестве варианта.

— Но тебе, вероломец, волноваться не стоит. У меня на тебя большие планы.

— Зачем тебе вообще тело?

— А ты видела, как мы выглядим в этом мире? К тому же мне не хотелось жить, как вампир. Нам можно появляться на свету только в человеческом теле. Но это тебе известно. А знаешь ли ты, что ни один человек не в состоянии меня вместить? Именно поэтому я создал сына. — Люцифер посмотрел на ногти Рейеса и одобрительно улыбнулся. — Прежде чем мы продолжим, ты должна кое-что понять. К этому дню я готовился столетиями. Видишь ли, просто так сбежать из ада нельзя. Нужна карта. Лучшие картографы рабски трудились несколько тысяч лет, чтобы в конце концов создать ключ к воротам, которые удерживали меня в заточении. В процессе создания этого ключа наши потери в вечной пустоши исчислялись миллионами. Существовал риск, что карта попадет не в те руки, поэтому я напечатал ее на собственном сыне. А еще превратил его самого в ключ — в портал. Затем уничтожил оригинал и всех, кто помогал его создавать. Всех, кроме одного. — Он сердито посмотрел на Оша. — Одного так и не нашли. Что скажешь, непослушный мальчишка? Ты съел моего картографа?

В ответ Ош не сказал ни слова.

— Я все думал, куда же подевался мой мастер? Но, раз уж ты единственный даэва, которому удалось сбежать из ада и достичь цели, я убежден, что ты как-то причастен к его исчезновению. Таким образом, — теперь Люцифер снова смотрел на меня, — я вновь оказался взаперти и, разумеется, ни за что не рискнул бы пройти по пустоши без карты. И вот однажды, пока я занимался своими делами, расплавляя лица тысяч людей, моему сыну вздумалось вернуться домой ради безделушки тебе на палец.

Оранжевый бриллиант! Чтобы не отвисла челюсть, я крепко стиснула зубы.

— Оказалось, пройти за ним по пустоши и остаться незамеченным куда проще, чем я думал. Пустошь огромна, а он двигался по ней со скоростью света. Не зря ведь он портал, да еще и с картой. Именно так я и оказался на свободе. Точнее почти на свободе.

Говоря, Люцифер сложил руки за спиной, а я все никак не могла понять, чего он ждет. Зачем он все это мне рассказывает? Почему тянет время?

— Мне надоело жить в тени. Тем более средство от этой напасти находилось совсем близко. Только ослабить моего сына оказалось не так-то просто. Но, когда кого-то изводят кошмары о том, как его жену и дочь разрывают на куски адские псы, стоит только закрыть глаза, рано или поздно этот кто-то лишится сна.

Я мрачно воззрилась на Сатану:

— Ты подверг его пыткам.

— Разумеется.

К этому моменту Ош уже был в паре шагов от меня. Неужели он что-то задумал? Я глянула на Гаррета и поняла, что он вовсе не без сознания, а всего лишь притворяется. Наверное, у них был план. Одна беда — я в планах полный отстой. Поэтому тут же пожалела, что у них не было времени посвятить меня во все детали своего плана.

— Ты же понимаешь, что добром для тебя все это не кончится, — без вопросительной интонации сказала я.

— И почему же?

— Есть древние пророчества о том, что наша дочь тебя с землей сровняет.

— Ох уж эти люди! — рассмеялся Люцифер, и его смех совершенно не был похож на

смех Рейеса. — Вечно вы цепляетесь за слова, которые ничего не значат. Пытаетесь расшифровать то, в чем нечего расшифровывать. Тот, кто написал эти ваши пророчества, был кретином.

— И все же ты примчался сюда во всей красе, чтобы ее уничтожить. Разве это не подтверждает истинность текстов? И заодно тот факт, что сегодня тебя постигнет неудача.

Лично я на это очень надеялась, потому что, чем дольше тянул Люцифер, тем сильнее я волновалась.

— Милая моя, у меня есть запасной план даже для запасного плана. Пока мы разговариваем, внутри людей спят двенадцать паразитов из двенадцати разных миров. В этом измерении, на этой планете они ждут уже несколько десятков лет. Просто пока не проснулись. И можешь поверить мне на слово: пробудившись, они будут крайне злы.

— Двенадцать паразитов? То есть ты послал сюда Дюжину, которая плохая? Тогда кто призвал адских псов?

В первый раз за все это время я внимательно посмотрела на зверей. Они и не думали рычать на мою дочь. Они... защищали ее! У меня в душе зародилась очередная надежда. Казалось, псы смотрят только на одного человека в комнате. На Рейеса. Все двенадцать пригнули головы, прижали уши, обнажили зубы, и все как один смотрели только на Рейеса. Нет, не на Рейеса. На Люцифера.

А потом я заметила мужчину. Как и псов, его было трудно рассмотреть. И все из-за сияющего света. То тут, то там поблескивало то серебро, то золото. И вообще казалось, что он весь создан из света — чистого и могущественного.

Один из псов ткнулся в него носом. Сияющий мужчина положил ладонь на голову зверю, а через секунду растворился в тенях, чтобы потом снова появиться. На нем были доспехи, в которых он выглядел, как принц какой-нибудь древней азиатской династии.

— Мистер Вонг... — ошарашенно пролепетала я.

Совсем не высокий, но широкоплечий воин стоял среди псов. Вся его поза кричала о силе и уверенности. Кроме того, вторая рука лежала на рукояти меча.

Как только я его увидела, он поклонился, словно только этого и ждал:

— Тсу ла, вэл-итх.

Он говорил на древнем языке, который я узнала, но не совсем понимала.

Я задумалась, пытаюсь увязать то, что видела, с тем, что считала правдой. На самом деле псы никогда на меня не нападали. Зато нападали на всех, кого считали угрозой. Меня же просто таскали за руки и за ноги. Чтобы спасти, убрать подальше и спрятать от опасности.

— Кто тебя прислал? — спросила я у мистера Вонга.

— Вы. Прежде чем стать человеком, вы назначили меня своим защитником, своим стражем, пока не закончите дела на земле и не вернетесь домой.

— Значит, ты как архангел, только из нашего мира?

Он кивнул, соглашаясь с предложенной аналогией.

Мне захотелось броситься к нему, обнять и умолять простить за все те разы, что я пыталась надеть на него абжур. Однако при наличии вылезшего из шкафа скелета с приветствиями придется подождать.

Впрочем, самому «скелету», то бишь Люциферу, было явно интересно за нами наблюдать. Похоже, он никак не ожидал, что у меня появится помощник.

— Что произойдет с людьми, в которых сидят твои паразиты? — спросила я.

Мы определенно находились в тупике, но Люцифера, кажется, это ни капельки не

заботило. Наоборот, он спокойно позволял мне задавать вопросы. Имелось у меня подозрение, что все это неспроста, и он действительно тянет время. Может быть, ждет своих помощников?

— Все они уже мертвы.

Ужаснувшись, я закрыла глаза.

— Легче контролировать тела, когда не нужно подавлять чужой разум.

— Понимаю. Но ведь это только между тобой и мной. Отпусти моих родных и друзей.

— Неужели мы торгуемся?

— Дай-ка подумать. У нас тут двенадцать адских песиков, которые с удовольствием обглодают тебе лицо. Плюс один вспыльчивый даэва, у которого с тобой свои счета. Плюс эквивалент архангелу, которому, держу пари, нравится пользоваться своим мечом. И вдобавок — я, вэл-итх. Уверена, ты с радостью пойдешь на сделку.

— Я отдам тебе женщину, — предложил Сатана. Но опять же, он сделал это только для того, чтобы потянуть время.

Честно говоря, сейчас я занималась тем же самым. Мне хотелось, чтобы байкеры ушли. И Гаррет тоже.

Я глянула на сгорбившуюся в углу Дениз. Она посмотрела на меня как будто с благодарностью, что ее включили в сделку. Едва заметно я махнула рукой, и Артемида тут же провалилась в пол, а мгновение спустя появилась на лестнице и нависла над головой мачехи.

— Было ли хоть слово правды в твоей истории про синие полотенца? — спросила я Дениз. — Про ангела, которого ты видела в больнице? Про аварию твоей матери и про то, как отец говорил тебе, что иногда синее полотенце — не просто синее полотенце?

Она растерянно нахмурилась, но все-таки не удержалась и бросила взгляд на своего босса. Он даже не шелохнулся. Наконец Дениз вздохнула и поднялась с пола.

— Да, все это правда. Только ей духу не хватило самой все тебе рассказать. Однако это был прекрасный способ подобраться поближе. — Она открыто посмотрела на Люцифера. — Теперь-то мне можно ее получить?

— Где твои манеры? — отчитал ее Сатана. — Еще не все гости собрались.

Как только до меня дошло, о чем речь, в груди сдавило. Он говорил о Куки и Эмбер. А зная Куки, она наверняка позвонила дяде Бобу, который, зуб даю, уже мчится сюда. И очень может быть, с Квентином. Вот чего ждал Люфицер. Чем больше людей я буду пытаться спасти, тем больше у него шансов добраться до Пип. Ну или у Дениз. Или точнее у той твари, что сидит внутри нее.

Видимо, адские псы подумали о том же. Не успела я и слова сказать, как один из них вцепился в глотку Дениз. Не теряя времени даром, Артемида слетела с лестницы и вгрызлась ей в руку.

Я ахнула от ужаса, глядя, как на глазах мачеха меняется. Лицо вытянулось, потому что во рту выросли ряды длинных и острых как бритва зубов. Сбросив Артемиду, она вцепилась зубами в пса. Тот взвыл, но второй прыгнул ей на спину, погрузив клыки в ребра. Однако ногти Дениз уже превратились в длинные смертоносные когти. Одним взмахом руки ей удалось сбросить с себя и второго пса.

Оба зверя вместе с Артемидой зарычали и одновременно набросились на Дениз.

Тому, что мачеха оказалась рычащим мерзким паразитом, я почти не удивилась. Зато очень удивилась, что, имея сотни шикарных возможностей, она не убила Пип. Впрочем, я

понятия не имела, когда она перестала быть Дениз. Может быть, всего несколько дней назад. А может быть, уже несколько месяцев. Но почему она выжидала? И как мог демон, нечто, созданное исключительно из зла, так прекрасно притворяться человеком? Бога ради, она же принимала у меня роды! Может быть, даже спасла Пип жизнь. И все это время никто из нас и не догадывался, что она такое на самом деле. Не знала даже Артемида.

Тем временем к драке присоединились байкеры. Понятия не имея, что в комнате адские псы, Донован разбил на голове Дениз стул, а Эрик размахивал кочергой из камина, как мечом. Зато Майкл стоял, как вкопанный, и пытался уразуметь, что вообще происходит. Что ж, он у нас не из тех, кто сломя голову лезет на рожон.

К месиву присоединился третий пес, и им удалось загнать Дениз в угол. Держу пари, она ждала помощи от Люцифера. Ага, очень мудро ждать помощи от того, кто создал себе сына, только чтобы однажды примерить его тело. Мораль и этика у Сатаны определенно не в чести.

Зашипев на псов, Дениз оттолкнула Эрика, который слишком близко подобрался к ней с кочергой, оступилась и упала на пол. В ту же секунду псы стали рвать ее на части.

Я отвернулась. Даже зная, что настоящая Дениз мертва уже как минимум несколько дней, смотреть на такое было нелегко.

Закончив с Дениз, псы стали медленно окружать Люцифера. Вот только разорвать на части они собирались тело моего мужа.

Я призвала обратно Артемиду, повернулась к мистеру Вонгу, вокруг которого теперь отчетливо видела невероятную силу, и молча стала умолять его не дать адским псам убить моего мужа.

— Ты велела мне защищать тебя любой ценой, — прошептал мистер Вонг, хотя я слышала его так, словно он говорил мне прямо в ухо. — Он представляет для тебя опасность. И ничего поделать уже нельзя.

Замечательно, блин. Мне опять придется драться с псами.

— Эй! — крикнула я смертоносным зверям и пригнулась, словно собиралась на них наброситься.

— Неужели ты пожертвуешь ради него жизнью? — поинтересовался Люцифер.

— Само собой, идиот.

Он улыбнулся:

— Рейазиэлю очень не по душе твое решение.

— Ага, другого я и не ждала.

Один из псов бросился в атаку, и, как только Люцифер сосредоточился на нем, рядом со мной оказался Ош. У него не осталось выбора. Еще чуть-чуть, и Рейес умрет, а я единственная, кто мог отправить Сатану обратно в ад и попутно спасти своего мужа. Обняв меня, Ош наклонился и прошептал мне на ухо мое неземное имя.

То, что случилось со мной после этого, смахивало на откровение вселенских масштабов. Все встало на свои места.

В одно мгновение меня затопило невероятной силой. По венам словно помчались жидкие молнии. Как и предупреждал Рейес, вместе с именем пришли миллиарды воспоминаний. Я вспомнила свой мир, свой народ, богов, которые правили до меня. Воспоминания вспыхивали одно за другим, как вспышка фотоаппарата, только по миллиону за раз. Один миллион. Второй. Третий. Я вспомнила, как создавалась моя вселенная и все остальные вселенные после нее. Вспомнила страшные войны. Много-много битв и

сражений, в которых было еще больше потерь. И смертных, и неземных. Разумные формы жизни лишь немного отличались друг от друга, но все они были способны на любовь, за которую готовы были пожертвовать собой.

А еще я вспомнила, как однажды решила прийти в этот мир. И пусть Рейес увидел меня много веков назад, но я была первой. Я увидела его гораздо раньше. И уже тогда знала, что он рожден для величия. Знала, что он будет моим.

Бог пообещал оставить землю людям и не вмешиваться в их жизнь, пока Его об этом не попросят. Пока Ему не помолятся. Но мудрость Его бесконечна, и Он нашел выход. Держать Сатану в узде мог другой бог. И придет день, когда дитя этого бога свергнет Люцифера раз и навсегда.

Я все поняла. Поняла, почему моя, то есть наша дочь так опасна для Люцифера. Она воистину родилась человеком, потому что зачали ее наши с Рейесом человеческие воплощения. Ничего сверхъестественного не было ни в ее зачатии, ни в ее рождении. Она целиком и полностью человек. Правда, с экстраординарными талантами, но все-таки человек. И именно она принесет Сатане гибель. Вот почему я согласилась прийти в этот мир. Я знала, с какой целью иду и какую миссию возложат на Пип. И я точно знала, на что она будет способна.

Но сейчас...

Я улыбнулась Люциферу — чудовищу, посмевавшему занять тело моего мужа. И пусть он выглядел, как мужчина, которого я полюбила уйму веков назад, как мужчина, готовый на что угодно ради своей дочери и ради меня, передо мной был вовсе не он. В отличие от Рейеса, у Сатаны не было карты, чтобы гулять по вечной пустоши. Если засунуть этот скелет обратно в шкаф, у нашей дочери будет время вырасти, стать сильнее, научиться сражаться и узнать, как раз и навсегда победить мерзкого деда.

Прикрываясь от льющегося из меня света, Люцифер поднял руку. Внезапно он понял, что произошло, и запаниковал.

— У тебя нет права сражаться со мной! — крикнул он, птясь от меня. — Твое предназначение оставляет тебе власть исключительно над смертными. Только истинный человек может мне приказывать, может принять или отвергнуть то, что я предлагаю. Проще говоря, таков был уговор.

— Я и есть человек.

— Ты — бог, скрывающийся за слоями гниющей плоти. Ты не более человек, чем я.

Что ж, тут он прав.

Я пошла к Люциферу, по пути задевая кончиками пальцев мех адских псов, и остановилась лицом к лицу с отцом моего мужа. Положила ладонь ему на грудь и нежно погладила, придвинув руку к сердцу. В Сатане мигом вспыхнуло любопытство, а я потянулась глубже, пытаясь нащупать бессмертное существо, прячущееся внутри.

Улыбнувшись, Люцифер положил одну руку мне на затылок, а вторую — на подбородок, приготовившись свернуть мне шею.

— Милая моя, — севшим голосом заговорил он, явно предвкушая мою скорую кончину, — в этой вселенной я — страшный серый волк. На меня это дерьмо не действует.

Я тоже улыбнулась, и все мышцы в теле моего мужа напряглись, когда Люцифер рванул мою голову в сторону. Точнее попытался. Вся его невероятная сила оказалась ерундой по сравнению с силой семи изначальных богов, живущих внутри меня.

Я потянулась еще глубже, и Люцифер ошеломленно схватил меня за руку, преодолевая

боль, которую я ему причиняла. Но еще сильнее его ошеломило то, как я выдернула его из тела Рейеса. Рейес упал на пол без сознания.

Крепко держа Люцифера, я с любопытством его рассматривала. Он был огромным и занимал почти полкомнаты. Его тело показалось мне какой-то гротескной смесью демона и ангела. Прекрасное создание, которым он когда-то был, превратилось в оболочку, до краев наполненную ненавистью и безразличием. Злом.

Едва дыша, он с трудом выдавил:

— Как?..

— Милый мой, — передразнила я его, — я — бог, и это дерьмо действует на всех без исключения.

Я оглянулась. Псы отошли, освободив мне место для работы. Я наклонилась к Рейесу, положила на него ладонь и воспользовалась его силой, картой и ключом, чтобы открыть дверь в ад.

Люцифер не собирался сдаваться без боя, но его потуги можно было сравнить с попытками мошки остановить фуру. Врата открылись. Я дерзко подмигнула Сатане и вышвырнула его жалкую задницу из этого мира.

А секунду спустя рухнула на Рейеса. Стала гладить его по лицу, по волосам, умоляла очнуться и вдруг слышала, как заплакала Пип. Чувствуя, как все уголки сознания утопают в облегчении, что с дочерью все в порядке, я помчалась к колыбельке, взяла Пип на руки и вместе с ней вернулась к Рейесу, который уже приходил в себя. Рядом с ним сидел Ош, а через секунду подошли Гаррет и Артемида.

Рейес открыл глаза и перевернулся на спину. Я коснулась его щеки. Улыбнулась. Сказала ему, что все хорошо. Однако по тревоге в глазах мужа было ясно: я ошибалась.

Земля — психиатрическая лечебница нашей вселенной.

Надпись на футболке

— И все равно не понимаю, — сказала я, глядя, как Ош с Гарретом помогают Рейесу подняться.

Его чуточку шатало, но он опять повторил слова, вырванные из моего худшего кошмара:

— Нужно отослать ее как можно дальше. Сейчас же.

— То есть ты хочешь сказать, что мы уедем вместе с ней как можно дальше, как и планировали. На вертолете. На остров.

— Об острове можно забыть. — Он пошел в кухню, и мы все поплелись следом. — Я видел его планы. Планы моего отца. Нам... у нас нет выбора. — Он стал складывать вещи в сумку. И это были вещи Пип. Бутылочки, смеси... — Я знаю, что он задумал. Он не опустит руки, пока она не умрет.

— Но я ведь бог, — возразила я, — и теперь знаю свое неземное имя. Наверняка мы с тобой сможем защитить Пип.

— Ты не понимаешь. Ты и есть его план. Твой свет, как маяк, приведет его солдат прямо к ней.

— А его солдаты — демоны. Мы и раньше с ними справлялись. Справимся и сейчас.

Рейес остановился и посмотрел на меня:

— Речь не о его демонах. На этот раз это демоны из других измерений, намного сильнее и намного могущественнее.

Достав сотовый, он стал раздавать приказы всем, кто находился рядом. Никто и не думал возражать, и вещи Пип собирали сообща. Зато я не могла сдвинуться с места. Мне нужны были ответы. Я наконец-то узнала все, что хотела знать, но почему-то эти знания оказались совершенно бесполезными.

— Значит, будем драться. Как всегда, — сказала я, когда Рейес закончил говорить с кем-то по телефону.

— Люцифер послал сюда тех, кто возьмет на себя командование его армией.

— Ну и что? — упиралась я, до сих пор ничего не понимая.

— Это три бога из другого измерения. И по сравнению с их миром ад кому угодно покажется аквапарком. Все трое безжалостны, невероятно сильны, и у них больше возможностей, чем у тебя.

— Такого не бывает, — процедила я сквозь зубы, начиная не на шутку злиться.

Под ногами дрогнула земля.

Рейес взял меня за руку, чтобы успокоить.

— Я не говорил, что они сильнее тебя, потому что это и близко не правда. Я сказал, что у них больше возможностей. Перед тобой множество препятствий. Хотя бы потому, что тебе не наплевать на окружающих. А этих троих интересует только одно — уничтожение всего, что окажется на пути.

— Ты говоришь о трех богах Узана? — на глазах побледнел Ош.

В ответ Рейес лишь коротко кивнул.

— То есть они здесь? На земле? Что ж, этому миру конец.

— Вот именно. Чтобы добраться до Пип, они сотрут с лица земли что угодно и кого угодно. Отец не сдастся, пока наша дочь не умрет. И твой, Датч, свет, тот самый, который все это время был маяком надежды для призраков, теперь стал смертным приговором для нашей дочери. Именно благодаря твоему свету ее смогут найти. — Рейес засунул очередное детское одеяло в уже раздутый от вещей рюкзак. — Он все это спланировал, Датч. До мельчайших деталей. И начал воплощать этот план в жизнь много веков назад. С тех самых пор, когда были написаны пророчества.

— Если он так хочет, чтобы Пип умерла, почему Дениз ее не убила? Шансов было хоть отбавляй.

Губы Рейеса превратились в жесткую линию.

— Он хотел сделать это сам. Поначалу. Теперь ему наплевать.

— Безумие какое-то! — воскликнула я и потерла пальцами лицо. Все внутри меня отказывалось верить, что этот кошмар происходит наяву. Но Рейес отбрасывал все мои идеи, продолжая упаковывать вещи и заверяя, что мы обязательно придумаем собственный план, когда Пип окажется в безопасности. — Это все потому, что ты мне не доверишь? Из-за моей импульсивности?

— Нет, но и этой причины бы хватило.

Тут крыть мне было нечем, но я точно знала: будь у нас другой выход, Рейес не стал бы даже думать о том, чтобы куда-то отослать Пип.

— Но ведь необязательно увозить ее прямо сейчас.

— А чего, по-твоему, он ждал? — Рейес встал со мной лицом к лицу. — Разговаривая с тобой, Люцифер тянул время.

— И что? Он ждал этих богов? Разве они уже здесь?

— Давным-давно. И все это время они ждали от него приказа.

— Но как такое вообще возможно? Откуда у твоего отца право командовать такими могучими существами?

Рейес снова взялся за дело, а я даже внимания не обращала на то, какие вещи он упаковывает.

— Он ими не командует. Но нельзя быть королем ада и не завести пару-тройку скверных друзей. С богами Узана мы не раз сражались плечом к плечу.

— Ты сражался в союзе с богами Узана?

— Ты же видела, кто я такой, Датч. Что тебя удивляет?

— В сложившейся ситуации меня удивляет все.

Послышался стук в дверь. Дядя Боб пошел встречать гостей, и в монастырь вошли Лоэры с мистером Аланисом, моим частным детективом, на хвосте. Я рухнула на ближайший стул. Ну почему именно сейчас? Зачем они приехали? Наши с Рейесом отношения и так на грани!

— Ничего не хочешь мне рассказать? — спросил он, продолжая собирать вещи. Каждое его движение было резким и четким. — Я просил тебя не искать их.

— Знаю, — промямлила я, сгорая от стыда.

— Поэтому я нашел их сам.

Я часто заморгала.

— Чего?

— У меня было немало времени хорошенько подумать о Пип и о том, что такое иметь семью. В конце концов я понял, что ты имела в виду. Они заслужили право знать, что со

мной случилось. Поэтому несколько месяцев назад я с ними связался.

— Но как ты узнал, что я тоже их нашла?

Рейес молча махнул в сторону мистера Аланиса, и я с отвисшей челюстью уставилась на детектива.

— То есть вы все знали?

Смущенно покраснев, мистер Аланис кивнул. А я-то думала, он работает на меня.

— А как же письмо и ультиматум, чтобы я все рассказала Рейесу?

— Я хотел тебя прижать, — ответил за него мой муж. — Ты связалась с этими людьми против моей воли. Я хотел, чтобы ты все мне рассказала. Чтобы была со мной честна.

Мне хотелось попросить прощения, но думать я могла только об одном. У меня вот-вот заберут дочь, и все потому, что я — единственное во вселенной существо, которое может привести к ней смерть.

— Я видел кое-что еще, — добавил Рейес переполненным печалью голосом. — Именно отец похитил меня у Лоэров.

— Рейес, — ахнула я, — мне очень жаль!

— Не стоит. Тем более что изначально они — всего лишь запасной план.

- В смысле? — Ответа я так и не получила, поэтому сама сложила два и два. — Они заберут Пип?

— На время, пока мы не определимся со следующим шагом.

— Но ведь это значит, что ты с самого начала все знал. Знал, что все это произойдет, и заранее готовился к тому, что у нас будет ребенок.

— Я лишь подозревал. Нельзя было не учитывать такую возможность.

— Зато я ничего не подозревала!

Рейес опустил голову. Его горе было ничуть не меньше моего, а изнутри моего мужа пожирала такая же мучительная боль, как и меня.

— Они хорошие люди, Датч, и сумеют позаботиться о нашей дочери, пока все это не кончится.

— Но они соглашаются вслепую! Они ничего не знают ни о Пип, ни о том, чему ей придется противостоять. Они не будут понимать, с чем имеют дело, Рейес, и окажутся в опасности.

— Вы ошибаетесь, — сказала миссис Лоэр, и я повернулась к ней. Всмотрелась в доброе лицо, снова заметила прекрасную для ее возраста кожу и густые, как, наверное, и в день похищения Рейеса, волосы. — Мы знали, что сына нам послал Господь. Знали, что он особенный. Едва родившись, он назвал нам свое имя. Рейазиэль.

— Прекрасный, — тут же машинально перевела я.

— Верно, — кивнул мистер Лоэр, — но это лишь одна из интерпретаций. На самом деле имя переводится как «тайна Бога».

Я удивленно моргнула. Он прав. С древнего ангельского языка неземное имя Рейеса переводилось как «тайна Бога».

— Спасибо за эвфемизм, — тихо усмехнулся Рейес, — но Бог тут точно ни при чем.

— И все же нам тебя послал именно он, — возразила миссис Лоэр. — И никакие твои слова меня не переубедят. — Ее голос надломился, и мистер Лоэр ласково коснулся ее плеча. Она снова посмотрела на меня: — Вы стали ответом на наши молитвы. Мы будем беречь вашу дочь, пока вы за ней не вернетесь. А дальше станем молиться о том, чтобы остаться частью ее жизни.

К горлу подкатил ком. От горя сердце обливалось кровью.

К нам подошел мистер Вонг, которого теперь мог увидеть каждый. И это хорошо, потому что Пип к тому моменту была у него на руках, и он отказывался отдавать ее кому бы то ни было. До сих пор. Очень осторожно он передал Пип миссис Лоэр, и ее глаза засияли от переизбытка эмоций. Все, что я ощущала от этой женщины, было чистым и добрым. Любовь. Желание помочь сыну и внучке во что бы то ни стало.

Смотреть на Пип было больно, поэтому я посмотрела на мистера Вонга и внезапно четко поняла, кто он такой.

— Ты... ты что-то вроде моего заместителя, да?

Он почтительно склонил голову.

— И наверняка зовут тебя не мистер Вонг.

— Как и ваш титул наверняка не «Ваше Величество», Ваше Величество. Однако, если вы простите мне мою смелость, я предположу, что в данный момент оба варианта приемлемы.

Я улыбнулась:

— Ты знал, что Ош мне скажет имя.

— Надеялся, поскольку мне самому запретили.

— Кто?

— Вы.

— А-а, да, было дело, — вдруг вспомнила я. — Ну а с псами как теперь быть?

— Они целиком и полностью в вашем распоряжении. Как и я.

Я медленно пошла к адскому псу, которого узнала. Много месяцев назад я проткнула его кинжалом, но пес еще какое-то время стоял надо мной. Тогда казалось, я вот-вот превращусь в пир по имени Чарли, но на самом деле зверь меня защищал. И вообще все, что делали псы, было ради нашей с Пип безопасности. Даже границы святой земли они патрулировали для того, чтобы не дать мне сбежать.

Я коснулась того места, куда ранила пса:

— Мне очень жаль, — и в ответ слышала что-то вроде кошачьего урчания, хотя звук скорее смахивал на тихий гул двигателя «бугатти».

Зверь ткнулся носом мне в ладонь и потерся головой о мой бок.

Позади раздался шум, и я повернулась к Рейесу. Казалось, он с трудом стоит на ногах. Выражение его лица было совершенно пустым, ни намек на эмоции. И... он перевернул стол. По полу рассыпались блестящие осколки разбитой вазы, но вряд ли кому-нибудь было до этого дело.

— Мы готовы, — сказал Рейес мне и Лоэрам.

В оглушительной тишине все пошли к двери.

— Им понадобится защита, — сказала я, оглядывая собравшихся.

Теперь я видела отпечатки света на людях, как отпечатки пальцев. Характеры, прошлое, вероятное будущее — все было прописано в аурах. Вспышки света смещались и танцевали вокруг людей, и я читала их так же легко, как утреннюю газету.

Как и говорилось в пророчествах, существовало две Дюжины. Одну призвали, другую послали. Мистер Вонг призвал из ада псов, чтобы защищать Пип. Сатана послал двенадцать своих паразитов, которые скрывались среди нас. А еще он послал трех богов Узана. Нам с Рейесом предстоит стать охотниками, потому что нужно найти их раньше, чем они найдут Пип. Само собой, пройдет какое-то время, но мы обязательно справимся. Должны справиться.

Однако в пророчествах говорилось об армии Пип, в которую будут входить не только двенадцать адских псов. Это будут те, кому она сможет доверять, кто поддержит ее в грядущей войне с отцом Рейеса. И все они уже были с нами. Все члены ее армии уже нас нашли и стали частью нашей жизни.

Провожая Лоэров к машине, я отметила их всех. Страж, ученый, спиритуалист, целитель. Отметила даже трех хранителей. Оказывается, самые храбрые сердца могут иметь те, от кого меньше всего этого ожидаешь. Не имеет значения, куда всех приведет путь Пип. Этим людям суждено идти вместе с ней.

За нами внимательно наблюдали призраки, собравшиеся на лужайке. Они хотели только одного — посмотреть на нашу дочь. И, едва мы появились, потянулись к нам, чтобы взглянуть на нее хоть одним глазком. На их лицах отчетливо читалась надежда. Надежда — это чувство, и на мгновение я удивилась, потому что такого от призраков никак не ожидала. А потом один за другим они стали исчезать.

Миссис Лоэр не торопилась уезжать и отдала мне дочь, потому что понимала, в каком я состоянии. Крепко прижав к себе Пип и борясь со слезами, от которых сжималось горло, я посмотрела на Тринадцатого воина — на того, кто, согласно пророчествам, покачнет весы либо в одну, либо в другую сторону. Придет день, когда он решит — встать на сторону Пип или выступить против нее. Если он потерпит не удачу, то принесет гибель всему живому на земле. И имя ему — Ошекиэль.

За невероятной силой крылось сердце короля. Он полюбит нашу дочь. Но захочет ли она его принять? Разглядит ли хорошее под бесчисленными слоями плохого? Поймет ли, что его таким создали? Что это был не его выбор, а его предназначение? Глядя, как Ош кончиком пальца обводит крошечное ушко Пип, его я отметила последним.

Отдавая дочь миссис Лоэр, я поняла, что сил больше нет. Из горла вырвались рыдания. В голове не укладывалось, почему я должна потерять собственную дочь, едва ее узнав. Но еще сильнее сердце разбивал тот факт, что в самый важный в ее жизни, судьбоносный день ни меня, ни Рейеса рядом не будет. В тот самый день, когда она бросит вызов дьяволу. Я видела это так же ясно, как звезды в небе, но не могла понять почему. Неужели мы умрем? Ничто на свете, кроме смерти, не помешает нам примчаться на помощь дочери, когда ей будет это необходимо. Так почему же нам не стать частью ее армии? Почему мы не сможем сражаться вместе с ней?

Ответ на этот вопрос может дать только время. Да и судьбу можно изменить. Все можно изменить. Теперь я знала, как работает вселенная. Время не линейная величина. Никакие пророчества нельзя воспринимать буквально. Все в наших руках, а значит, мы можем все изменить.

Пристегнув ремни автолюльки на Пип, Лоэры повернулись к нам, чтобы сказать... Что? Что вообще можно сказать в таких обстоятельствах?

— Подождите! — вдруг спохватилась я и побежала в дом.

Нашла бланк, который нужно заполнить для получения свидетельства о рождении, и ручку. Потом вышла на крыльцо и жестом позвала Рейеса.

— Как мы ее назовем?

Он печально покачал головой.

— Нужно назвать ее в честь тебя.

— Нет, — сказал Рейес и задумчиво свел брови. — Нельзя давать ей имя, которое может привести к ней эмиссаров моего отца. Нужно придумать что-то такое, что будет невозможно

выследить.

— Может быть, что-нибудь попроще? Ну, хотя бы не очень необычное. — Я наклонилась и уже почти начала писать. Рейес одобрительно кивнул, но я все же решила предупредить: — Написанное пером не вырубишь топором.

— Я тебе целиком и полностью доверяю.

Я попыталась улыбнуться, но не вышло, поэтому просто начала писать. Моего неземного отца, как я теперь знала, звали Рэн-Итх-Бижу. Мать — Эйн-Итхиал. А меня при создании назвали Эль-Рин-Алитхиа. Трясущимися руками я написала в бланке настоящее имя Пип — Элвин Александра (женский вариант среднего имени Рейеса) Лоэр. В глазах помутнело, и я подняла голову узнать, что об этом думает Рейес.

— Лучше не придумаешь.

Свернув бланк, я положила его в конверт вместе с запиской, которую написала для Пип пару месяцев назад, и отнесла конверт Лоэрам.

Мы стояли под звездным небом, и я поняла, что не могу смотреть, как увозят мою дочь. Я закрыла глаза, и по щекам потекли слезы. Не шевелясь, я просто слушала. Слушала, как заводится двигатель. Как под колесами хрустит гравий и сухая трава. Как машина петляет по горному серпантину, оставляя за собой лишь отражающееся от стен каньона эхо. Я слушала и слушала, пока не поняла, что слышу только, как плачут Куки с Эмбер. Как куда-то уходит Ош. Как барабанят по земле лапы огромных адских псов, которые бегут за машиной. Ни за что на свете они не бросят мою дочь, и эта мысль пусть слабо, но все-таки утешала. А потом я услышала, как, задохнувшись под натиском невероятной боли, рухнул на колени Рейес.

Меня обнимали чьи-то руки. Гладили по плечам. Кто-то обещал, что со временем станет легче. Но горе внутри меня продолжало расти. Оно раздувалось, набирало силу, пока я не утонула в нем с головой. Я посмотрела на звезды, на планету Пип и поняла, что больше не могу сдерживать бушующую во мне силу. Из груди вырвался первобытный крик, невероятным потоком наружу пролилась энергия, и я взорвалась миллионами искр.

Голова раскалывалась. Я прижала пальцы к вискам. Интересно, почему мне кажется, будто мои мозги только что взорвались? Оказалось, я лежу на спине, и это тоже удияло. Я не могла вспомнить, чтобы ложилась на спину. И вообще мало что помнила, но от жуткой головной боли по-настоящему тошнило, и я попыталась вспомнить хотя бы, где держу лекарства.

Внезапно возникло еще одно ощущение — дикий холод. Не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь было так холодно. И тут до меня дошло: я не помню, где нахожусь. Может, я лунатик? Я попробовала открыть глаза, но ничего не вышло. Зато по векам колотили ледяные капли, и мне срочно надо было выяснить, откуда эти капли взялись.

Не меньше минуты ушло на то, чтобы между веками образовались две узкие щелочки. Шел самый натуральный ливень. По лицу текли потоки, и кожу жгло от холода. Я прикрыла глаза руками и тут же увидела, что надо мной стоит здоровенный ротвейлер. Едва я его заметила, он заскулил и стал вылизывать мне лицо. Вот только его знаки внимания ни капельки не согрвали.

Где-то сверху мерцал желтый свет. Это были огоньки сигнализации. В спину впивались какие-то камушки. Я попыталась сесть, ободрал локти. Потом погладила ротвейлера и заверила его, точнее ее, что со мной все в порядке. В конце концов собака чуть-чуть отошла, чтобы освободить мне место. Перед глазами все еще плыло, но я посмотрела сначала налево, потом направо. В обе стороны тянулся темный переулок. Сощурившись, я вгляделась в выцветшую вывеску, которая висела над дверью прямо передо мной. На ней было написано «Гриль-бар “У костра”». Левее, на самом здании, висела табличка Исторического общества с надписью «Пожарная часть. Оsn. в 1755 г., Сонная Лощина, штат Нью-Йорк».

Что ж, на один вопрос ответ найден.

Казалось, ноги у меня сделаны из свинца. Я все-таки рискнула встать и, собравшись с духом, поковыляла к двери. Было очевидно, что это черный ход, но выбора не оставалось. Повернув ручку, я вошла внутрь и придержала дверь для собаки. Наверняка такой поступок сочтут грубейшим нарушением всевозможных прав и законов, и нас мигом вышвырнут на улицу. Если, конечно, сначала не вызовут копов.

В лицо постоянно лезли длинные густые каштановые волосы. То и дело приходилось убирать их посиневшими от холода пальцами. Представить было страшно, как я выгляжу. Взглянув на промокшие ботинки, я покачала головой. Время явно не подходящее для того, чтобы переживать из-за внешнего вида. Есть вещи поважнее.

Оказавшись в каком-то коридоре, я пошла дальше. Справа была маленькая битком набитая комнатка. Слева — дверь с табличкой «Кабинет». Впереди виднелась кухня. Кое-как переставляя замерзшие ноги, я шла вперед. В кафе было темно, но в ярко освещенной кухне работал какой-то мужчина. Точнее прибирался. Сам мужчина был внушительных размеров, с копной зачесанных назад черных волос и в переднике повара. И занимался он тем, что выбрасывал мусор из маленьких корзиночек в большую. Заметив меня, он застыл. Вслепую поискал какое-нибудь оружие, погрозил мне половником и рявкнул:

— Что тебе тут надо?

Что ж, густым баритоном он пользовался вполне успешно.

Я подняла руки. Те самые, которые посинели и заметно тряслись.

За спиной раздался еще один голос. Женский. Видимо, женщина вышла из кабинета.

— Что происходит? — резким тоном спросила она.

Я повернулась к ней. Лет сорок с копейками. Крупная. Зато волосы у нее были огненно-рыжие, а лицо круглое и симпатичное. Правда, мне показалось, что это лицо в свое время видело немало громких вечеринок. Ярко подведенные брови сошлись в одну линию.

— Кажется, мне нужна помощь, — тихо сказала я, так и не опустив рук.

Собака заскулила, но, похоже, ее присутствие никого не волновало.

— Здесь находится запрещено.

— Понимаю. Извините. Я только... То есть я хотела спросить...

— Вываливай быстрее, подружка. Иначе вот-вот превратишься в глыбу льда. Отродясь не видела, чтобы человек так посинел.

— Да-да, конечно, — отозвалась я, стуча зубами. — Я хотела спросить, не знаете ли вы... не знаете ли вы, кто я такая.

— А в чем дело? — спросила женщина, уперев руки в бока. — Ты знаменитость, что ли?

— Нет. Я просто... Вы, случайно, не знаете, как меня зовут?

— Сама, что ли, не знаешь? — рассмеялся мужчина с половником.

Обняв себя, я повернулась к нему и, дрожа с ног до головы, ответила:

— Понятия не имею.

Бонус: Глазами Рейеса

— Нашел.

С трудом сдерживаясь, я повернулся к пацану, Ангелу. Если она все еще на земле, он при любом раскладе нашел бы ее в два счета. Страшило меня другое. Датч могла вознестись. Уйти с земли и занять законное место жнеца. Или даже принять обязанности бога в своем мире, а значит, войти в полную силу. И будь это ее выбором, я ни хрена бы сделать не смог.

— Где она? — спросил даэва, и все головы моментально повернулись к нему, потому что никто, кроме нас, мелкого болвана не слышал.

Кстати, понятия не имел, что даэва вернулся.

Поднялась Куки с покрасневшими опухшими глазами и стала переводить взгляд с даэвы на меня и обратно. Ее примеру последовал Боб, дядя Датч. Эмбер с Квентином пялились все глаза, а Джемма, которая все это время бегала по кухне из угла в угол и неумоимо рыдала, резко остановилась и с надеждой посмотрела на меня:

— В чем дело? Этот твой мальчик вернулся?

— Он детектив твоей сестры. И да, он вернулся и говорит, что нашел ее.

Джемма прикрыла рот рукой, а потом метнулась обнять Куки.

Я опять повернулся к пацану.

— И?

— Она такая яркая стала, что фиг рассмотришь середину. В смысле ее саму во всем этом свете. И она в каком-то городишке в штате Нью-Йорк.

— В каком?

— Ну, который из книжки. Там еще был всадник без головы. Сонная Лощина.

— Что, на хрен, особенного в Нью-Йорке?

Пацан пожал плечами, и на этот раз все головы повернулись ко мне.

— Ничего не понимаю, — всхлипнула Джемма.

— Я тоже, — уже начинал кипятиться Своупс. От неизвестности такое с людьми случается.

— Ее всего час нет, — продолжала Джемма. — Как она могла за час добраться до Нью-Йорка?

Зато даэва все понял и застыл, как только пацан открыл свой рот. Я пошел к даэве, чувствуя, как жидким огнем по венам струится ярость.

— Чему ты удивляешься, раб? В этом виноват только ты.

Он встал и вплотную подошел ко мне. На самом деле внешность молокососа ни черта не значила. Он был на столетия старше, чем я, и в аду слыл самым смертоносным даэвой за всю историю самого ада. Может быть, когда-нибудь настанет день, когда удача ему улыбнется, планеты выстроятся в ряд, а приливы и отливы начнут влиять на гравитацию. Тогда, возможно, у него появится шанс размером с шар для гольфа надрать мне задницу. Но сегодня явно не такой день.

Похоже, он собирался что-то сказать. Только поэтому я заставил себя перебороть желание свернуть ему шею, не отходя от кассы. Даэва придвинулся так близко, что я вполне мог рассмотреть в подробностях его зрачки.

— Тебя выставили вон, недоумок. Папашка влез в твою шкурку и намеревался убить твою дочь. Что, по-твоему, я должен был делать?

— Явно не это, — процедил я, пытаюсь унять природный инстинкт сначала рвать на куски, а потом задавать вопросы.

Даэва совершил немыслимое. Сказал Датч ее имя. Божественное имя. И теперь в ее жилах бурлит сила, которую она не в состоянии контролировать. А доказательство этому — незапланированное путешествие на северо-восток.

Прекрасно зная, на что мы способны, Своупс подкрался ближе.

Даэва лениво улыбнулся:

— В чем дело? Боишься, она поймет, кто ты такой на самом деле и что натворил, и бросит твою жалкую задницу?

Мысль о драке вызвала скачок адреналина, по которому я давно соскучился.

— Пугает меня только то, что я буду наслаждаться каждой секундой, закапывая сегодня в землю твой труп.

— Ты лишь ил первобытный, поднятый со дна мироздания, а она — хренов бог.

— Бог? — еле слышно от переизбытка эмоций переспросила Джемма. — Это какая-то метафора?

Только даэва еще не докопал себе могилу. Я не стал ему мешать. Дал время. Считай, лопату.

— Кто дал тебе право думать, что ты ее достоин?

— Тут, вообще-то, некоторые ни черта не понимают, — вмешался Своупс.

— Рейес... — Подошла Куки. Коснулась моего плеча. Заглянула в лицо своими поразительными синими глазами. — Пожалуйста, найди ее.

Повисла длинная гнетущая пауза. С трудом, но я все-таки проглотил гнев и неумолимую жажду крови даэвы. Куки права. Нам нужно понять, что происходит с Датч, а не развязывать войну.

— Это еще не все, — брякнул пацан.

Я зло покосился на него.

— Кажется, она память потеряла.

Все еще пытаясь от злости, даэва схватил пацана за грязную футболку:

— И что это значит?

— Руки убрал, *pendejo*, — оттолкнул раба мелкий болван и отряхнул футболку, словно от этого будет толк. — А значит это, что она не помнит, кто она такая. Но, может быть, помнит что-то другое. Точно не знаю.

Квентин, который видел пацана так же четко, как и я, передавал Эмбер то, что мог понять. Судя по жестам, в ситуации он разобрался весьма неплохо.

— Это правда? — подошла ближе Эмбер. — Чарли потеряла память?

— Что?! — воскликнула Джемма. Пришла ее очередь трогать меня за плечо. — Рейес?

Я стряхнул с себя ее руку и взял куртку со спинки стула.

— Я ее найду.

— Подожди, — сказала Джемма, упала на стул за столом и продолжила, глотая слезы: — Нужен план. Тебе нельзя просто появиться перед ней и потребовать вернуться домой. Если она не знает, кто ты, то ты можешь причинить больше вреда, чем пользы.

— Я ни к чему ее принуждать не буду.

Я двинулся к выходу, но даэва еще раз решил попытать счастье.

— Сначала дослушай, что она скажет, — сказал он, схватив меня за предплечье, и прежняя ярость вернулась, помноженная на сто.

Однако рядом уже стоял Роберт.

— Пожалуйста, Рейес. Джемма прекрасный специалист.

После очередной длинной и гнетущей паузы я наконец взял себя в руки настолько, чтобы сесть за стол и выслушать целую лекцию на тему душевного здоровья Датч. Долго и нудно мне рассказывали, насколько хрупка ее психика после всего пережитого. А у меня в голове билась одна-единственная мысль: Датч испарилась на моих глазах и теперь торчит где-то в Нью-Йорке, ничего о себе не помня.

— Судя по всему, у нее нервный срыв, Рейес. Ей нужно время, чтобы оправиться.

— Я ее там одну не оставлю, — сказал я тоном, который говорил больше слов.

— Такого я и не предлагаю. — Джемма высморкалась. — Мы должны сделать так, чтобы о своем прошлом она вспоминала постепенно. Самостоятельно.

— И какой у тебя план? — спросил Роберт.

Пару секунд Джемма подумала и посмотрела на него:

— Много у тебя отгулов накопилось?

— Столько, сколько понадобится.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Вот как мы поступим.

Из пацана мы вытащили все, что он знал о том, где Датч и с кем. Только после этого Джемма изложила вменяемый план, по которому большинству из нас предстояло ехать в Нью-Йорк. Эмбер и Квентину нужно было ходить в школу, поэтому их решили оставить, но все остальные с радостью согласились двинуть на северо-восток. Я зарезервировал самолет. Вылет назначили через семь часов. По-моему, не так скоро, как хотелось бы, но пришлось идти на уступки. Некоторым нужно было решить кое-какие дела.

И все же я точно знал: чем дольше мы тянем, тем большей опасности подвергается Датч. Ничего о себе не помня, а тем более о том, кто она такая, она уязвимее, чем когда бы то ни было. Эмиссары моего отца только и ждут шанса оторвать ей голову. Не говоря уже о трех богах Узана. В нашем уравнении они как три атомные бомбы в поножовщине.

Все уехали разбираться с делами, и в доме остались только мы с даэвой, который, ни слова не говоря, двинулся к лестнице.

— Ты не прав, — сказал я.

Он остановился, но не обернулся.

— Я никогда не считал, что достоин ее.

— Хоть в чем-то мы согласны.

Даэва пошел наверх через две ступеньки сразу, а я, как всегда, подумал, что не понимаю, почему он здесь. Какая ему от этого польза? Я не доверял ему с самого начала, и мои подозрения крепились с каждой минутой.

Выждав время, я наконец тихо проговорил:

— Можешь появиться.

Передо мной оказался отец Датч. Почти такой же высокий, как я, но худее, легче.

— Я за ней присмотрю, пока ты не окажешься рядом, — сказал он.

— Для этого я уже послал пацана.

Лиланд помолчал, словно не знал, что сказать.

— Тогда я помогу.

— Откуда ты узнал о шпионах?

Этот вопрос интересовал меня с тех пор, как Датч об этом заикнулась. Как ее отцу удалось узнать о существовании шпионов?

Он пожал костлявыми плечами:

— Ты же знаешь, как бывает по эту сторону. Слухи ходят.

Не успел он опомниться, как я схватил его за глотку и вжал в камин. Теперь он точно не испарится. Задушить его, само собой, нельзя, раз уж он уже в земле. Просто мне нравилось пережимать ему горло.

— Повторять вопрос не буду.

Лиланд нахмурился. Попытался вырваться, но не вышло.

— Что ты можешь сделать такого, чего со мной еще не сделали?

С «искренней» улыбкой матерого продавца бэушных машин я наклонился ближе:

- Отправить в ад, например.

Он застыл, но лишь на несколько секунд.

— Чушь. Никого ты туда отправить не можешь.

— Я портал. Так что в любое время.

— Послушай, — наконец уступил отец Датч, — все не так, как тебе кажется.

— Ну так просвети меня.

— Я понятия не имел, кто Чарли такая. Клянусь. Не знал, пока не умер. И только тогда понял, что даже самые дикие предположения и близко не подбирались к истине. Разве мог я подумать, что она — бог? Самый, черт возьми, настоящий! Но ты же сам знаешь, какие у твоего отца планы на нее и на мою внучку.

— Лучше, чем кто бы то ни было.

— Вот я и сделал то, что умею лучше всего. В самом начале службы я работал под прикрытием. Иногда месяцами. И повязал больше дилеров, чем любой коп за всю историю существования полиции в Альбукерке.

— Вот оно что! Ты, значит, под прикрытием. И чем конкретно, стесняюсь спросить, ты занимаешься?

— Шпионю, разумеется.

Такое предательство поразило меня до глубины души.

— То есть ты шпионишь на тех, кто хочет увидеть, как умрет твоя дочь?

Рот Лиланда исказился в кривой улыбке. В основном потому, что я все еще держал его за горло.

— Так и есть. Говорю же, я под прикрытием. И знаю, перед кем отчитывался Дафф. Это мужчина на черном «роллс-ройсе». Я его видел. Он один из эмиссаров твоего отца.

— Не впечатляешь, мистер Дэвидсон.

Я приготовился отослать его обратно в ад. Пусть лучше сидит там, чем шпионит за собственной дочерью на радость моему папаше.

— Сам подумай, — сказал Лиланд. — Ты ведь знал меня до того, как я умер. Неужели ты всерьез считаешь, что меня отправили в ад?

Тут он меня подловил. При жизни Лиланд Дэвидсон был хорошим человеком. По большей части.

— Месяцы ушли на то, чтобы с ними слиться. Убедить, что меня послал большой босс снизу. Чем дольше мы тут разговариваем, тем больше шансов, что ты угробишь мое прикрытие. Так что, если не возражаешь, убери, на хрен, руки.

Он стукнул меня по руке, и я разжал пальцы, но Лиланд не испарился. Что ж, даже после смерти остался при яйцах.

— Все еще не веришь?

— Слова не доказательства, — процедил я, все-таки решив спустить его с поводка.

Если сейчас исчезнет, значит, врет. В следующий раз никаких разговоров. Швырну в ад раньше, чем он поймет, что к чему.

— Загляни под кровать.

Ладно. Съем наживку. Я пошел в комнату, которую мы с Датч делили больше восьми месяцев, и поднял матрас вместе с ламелями. Потом шагнул в прямоугольную раму и взял упавшую на пол фотографию. Ту самую, которую дала Датч сумасшедшая женщина, жившая в доме, где когда-то жил и я. Человеку, с которым я вырос, Эрлу Уокеру, нравилось фотографировать результаты своих трудов. На этом снимке мне лет четырнадцать. Я связан, побит и весь в крови. Однако переживал вещи и похуже. И все же даже сейчас я ощущал эмоции, с которыми моя жена смотрела на это фото. Ума не приложу, зачем она его сохранила. Даже сюда привезла. Так зачем же?

— Чтобы не забывать, — сказал появившийся рядом Лиланд. — Она считает, что сможет уберечь тебя, не дать чему-то подобному снова с тобой произойти. Думает, она твоя спасительница, но именно это в конце концов принесет ей смерть. Сам подумай, что она пыталась вчера сделать. Она пыталась обменять твою жизнь на свою.

Все, что говорил отец Датч, было до омерзения правильно, однако он ни в чем, черт возьми, меня не убедил. Затолкав снимок в задний карман, я начал собирать вещи.

— Это ничего не доказывает.

— Зато кое-что проясняет.

— Что именно?

— Человек, который все это с тобой сотворил, которого ты превратил в паралитика и отправил в хоспис питаться через соломинку... На «роллс-ройсе» разъезжает именно он.

Тут он застал меня врасплох. Я резко развернулся.

— Эмиссар сидел в нем неделями, — кивнул Лиланд. — По-моему, лучше кандидата не найти. Уокер знает о тебе больше, чем кто бы то ни было. Знает, как ты думаешь. Знает все твои слабости и привычки.

— Никто не знает, как я думаю.

— Но Эрлу Уокеру известно больше, чем многим другим. Монстр внутри него, эмиссар, вчера наконец его убил и теперь целиком и полностью контролирует тело.

— Слава богу за маленькие радости.

— Внутри людей этих гадов чертовски трудно убить. Они намного сильнее любого среднестатистического демона.

— Я в курсе. Или ты забыл? Я собственными глазами видел, что один из них сделал с твоей паршивой женой.

— Тогда почему ты ничего не знал об Эрле Уокере?

Я застыл, и Лиланд снова кивнул:

— По-моему, твой отец позволил тебе увидеть ровно столько, сколько посчитал нужным. Ты еще многого не знаешь, а я во многом могу помочь. Я на вашей стороне, Рейес. Так дай же мне делать то, что я умею лучше всего. Но сначала позволь помочь с Чарли. Бога ради, она моя дочь! Я имею право ей помочь.

Отрицать, что при жизни Лиланд был хорошим человеком, нельзя, но смерть на людей действует по-разному. Добро далеко не всегда выживает в путешествии по сверхъестественному миру. Однако я уже начинал думать, что с этим Лиланд справился.

— Будешь отчитываться каждые два часа, — сказал я, запихивая в спортивную сумку

охапку футболок.

— Договорились. Только... Я не просто так все это тебе рассказал, Рейес.

Я опять повернулся к нему:

— Видимо, хорошие новости еще не кончились?

— Вроде того. В общем, мне показалось странным, что из всех мест на планете Чарли очутилась именно в Сонной Лощине.

Я стряхнул цеплявшийся когтями за спину страх.

— Почему?

— Потому что именно там сейчас находится Эрл Уокер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

Джонни Карсон (1925–2005) — американский журналист, телеведущий и режиссёр.

«Хосе Куэрво» — марка текилы.

(Исп.) Придурок, дурак; чувак.

Чикита — (исп. chiquita) малышка, крошка, детка.

Алекс Ли — кассир из торгового центра «Таргет». В 2014 году стал знаменитым благодаря фотографии, облетевшей все популярные социальные сети, и внешнему сходству с Джастином Бибером.

Грейсон Ченс — американский певец и пианист. Получил широкую известность благодаря исполнению кавер-версии песни Lady Gaga «Paparazzi» на школьном музыкальном фестивале. Видеозапись этого выступления весной 2010 года стала хитом на YouTube.

Третий роман Дж. Р. Уорд в серии «Братство черного кинжала».

(Исп.) Полоумная, психически больная; шальная, безрассудная; дура.

(Ит.) Ясно? Понял?

Амслен — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады.

Джейсон Вурхиз (англ. Jason Voorhees) — вымышленный персонаж, главный герой фильмов серии «Пятница, 13-ое», маньяк-убийца.

Pendeja — (исп.) дура; чувиха.

Городок в округе Линкольн, штат Нью-Мексико. Главные достопримечательности — ипподром, казино «Билли Кид» и Музей американского Запада им. Хаббарда.